

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ДУН Сяобинь

**АКТУАЛИЗАЦИЯ АНИМАЛИСТИЧЕСКОГО КОДА
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Шустова С. В.

Пермь 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. АНИМАЛИСТИЧЕСКИЙ КОД: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	11
1.1. Лингвокультурный код: к вопросу о типологии.....	11
1.2. Анималистический код и языковая картина мира.....	17
1.3. Образы и символы в лингвокультурологии.....	28
1.4. Анимализмы в русском и китайском языках.....	32
1.5. Фразеологизмы как вербализаторы национально-культурной специфики	36
Выводы по главе 1	42
ГЛАВА 2. АНИМАЛИСТИЧЕСКИЙ КОД В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	44
2.1. Общая характеристика материала.....	44
2.2. Компонент-зооним курица	47
2.3. Компонент-зооним олень	59
2.4. Компонент-зооним журавль	63
2.5. Компоненты-зоонимы лошадь / конь.....	68
2.6. Компонент-зооним дракон	89
2.7. Компонент-зооним муравей	94
2.8. Компонент-зооним слон	99
2.9. Компонент-зооним черепаха	107
2.10. Компоненты-зоонимы феникс / жар-птица	112
2.11. Компонент-зооним рыба.....	116
Выводы по главе 2	133
ГЛАВА 3. АНИМАЛИСТИЧЕСКИЙ КОД В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	136
3.1. Компонент-зооним 鸡 (курица).....	136
3.2. Компонент-зооним 鹿 (олень).....	163
3.3. Компонент-зооним 鹤 (журавль)	170

3.4. Компонент-зооним 马 (лошадь / конь)	174
3.5. Компонент-зооним 龙 (дракон).....	212
3.6. Компонент-зооним 蚁 (муравей).....	218
3.7. Компонент-зооним 象 (слон).....	224
3.8. Компонент-зооним 龟 (черепаха).....	228
3.9. Компонент-зооним 凤 (феникс)	235
3.10. Компонент-зооним 鱼 (рыба)	241
3.11. Сопоставительный аспект актуализации анималистического кода в русской и китайской лингвокультурах	249
Выводы по главе 3	258
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	261
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	265
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ЭНЦИКЛОПЕДИИ, УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ.....	276
КОРПУСЫ ЯЗЫКОВ	280
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Фразеологизмы русского языка с компонентами-зоонимами	281
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Чэньюй китайского языка с компонентами-зоонимами	289

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена комплексному сопоставительному анализу семантики русских и китайских фразеологических единиц с анималистическим компонентом. Работа выполнена в русле лингвокультурологии, фразеологии, семантики, контекстной семантики и посвящена выявлению и описанию механизмов неразрывной взаимосвязи языка и культуры, что способствует глубинному осмыслению взаимного влияния языковых структур и культурных ценностных систем. Особое внимание к фразеологическим единицам в рамках лингвокультурологических исследований и межкультурной коммуникации обусловлено их способностью в концентрированной и выразительной форме сохранять и передавать традиционные ценности, устоявшиеся с течением времени представления, оценки и мировоззренческие позиции носителей того или иного языка. Фразеологические единицы являются своеобразным зеркалом культурного опыта, отражая уникальные способы восприятия и интерпретации мира, характерные для конкретного языкового сообщества.

Термин *фразеологическая единица* в отечественной лингвистике был введен в научный оборот В. В. Виноградовым в 1950-е гг., что положило начало масштабным исследованиям в области фразеологии. К началу 1960-х гг. сформировалась школа ученых, специализировавшихся на изучении фразеологизмов, среди которых выделялись В. П. Жуков, В. Н. Телия, Н. М. Шанский и др. Во фразеологических единицах отражаются разнообразные культурные коды, что делает целесообразным обращение к анималистическому коду, присутствующему во многих языковых единицах. Уже в 1970-е гг. в научной литературе появился спектр терминов для обозначения подобных единиц: *фразеологические единицы с зоонимами*; *фразеологические единицы с анималистическим компонентом*; *зооморфные фразеологизмы*. В значительной мере данные термины совпадают по своему смысловому содержанию.

Актуальность исследования обусловлена активным употреблением фразеологических единиц с анималистическим компонентом в устной и письменной речи, а также их выразительной национально-культурной семантикой, что определяет необходимость изучения данных единиц с позиций лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, переводоведения. Фразеологические единицы с анималистическим компонентом в неродном языке представляют значительные трудности как на стадии восприятия и понимания, так и при практическом применении. Особую сложность такие единицы вызывают у представителей другой языковой картины мира. Для преодоления возникающих затруднений требуется систематическая работа, включающая: 1) выявление основных анималистических образов, репрезентируемых фразеологическими единицами; 2) анализ национально-культурной семантики данных единиц.

Объектом исследования является культурная семантика русских фразеологизмов и китайских чэньюй, актуализирующих анималистический код.

Предмет исследования – лингвокультурный потенциал фразеологизмов и чэньюй, актуализирующих анималистический код русской и китайской культур.

Целью исследования является анализ культурной семантики образов животных, актуализируемой фразеологизмами и чэньюй; выявление компонентов-зоонимов в чэньюй, принадлежащих анималистическому коду китайской культуры, а также сопоставительный анализ выявленных компонентов с подобными единицами русского языка.

Цель исследования определяет постановку и решение следующих **задач**:

- 1) описать культурную семантику фразеологизмов и чэньюй, в которых находит отражение анималистический код русской и китайской лингвокультур;
- 2) выявить и охарактеризовать закрепленное в русской и китайской языковых картинах мира представление о животных;
- 3) проанализировать тексты, иллюстрирующие функционирование данных единиц в современном узусе;

4) описать механизм интерпретации фразеологизмов и чэньюй через соотнесение их компонентов с анималистическим кодом культуры.

Цель и задачи настоящего исследования определили комплексное использование следующих **методов**:

1) общенаучных методов: моделирования, индукции, дедукции, анализа, синтеза, описания, интерпретации, сопоставления, обобщения;

2) методов лингвистического анализа: компонентного анализа, лингвокультурологического анализа;

3) методов обработки материала: приема классификации, количественного анализа.

Материалом для исследования выступают фразеологические единицы русского языка и чэньюй китайского языка с компонентами-зоонимами, отобранные методом направленной выборки из лексикографических источников («Большой словарь русских поговорок» под редакцией В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной [2007], «Большой фразеологический словарь русского языка» В. Н. Телия и др. [2009];, Русско-китайский фразеологический словарь О. М. Готлиба, М. Хуанина [2019]; Фразеологические словари китайского языка древних и современных идиом [1985], В. Тао [2007], Ю. Ши [1997]; Большой китайско-русский словарь [1983–1984; 1983]; Энциклопедия Байду).

В качестве единиц анализа были выбраны названия десяти животных в китайском и русском языках – курица / 鸡, олень / 鹿, журавль / 鹤, лошадь / 马, дракон / 龙, муравей / 蚁, слон / 象, черепаха / 龟, феникс / жар-птица / 凤, рыба / 鱼. Общее количество единиц анализа составили 110 фразеологизмов русского языка и 161 чэньюй китайского языка. Всего собрано 1388 контекстов функционирования указанных единиц (982 на русском и 406 на китайском языках).

Теоретическую базу исследования составили

– *работы по лингвокультурологии* В. В. Воробьева [1996; 1997], А. А. Зализняка [2005; 2011], В. И. Карасика [2007], В. В. Красных [2002], Ю. С. Степанова [1997], В. Н. Телия [1996], Р. Х. Хайруллиной [1996];

– *работы по анималистическому коду* Н. А. Артемьевой [2012], Л. Г. Бабенко [Концептосфера русского языка 2017], О. Бичер [2016], М. А. Гаврилюк [2013], В. Г. Гак [1988; 1999], Ц. Хао, Е. Ю. Кошелевой [2015], Ф. А. Литвина [2004; 2015], В. М. Мокиенко [1976; 2007], Т. В. Новиковой [1987], А. В. Суперанской [1973], Х. Хао [2009; 2015], Х. Хуэйминь [2009], М. И. Черемисиной [1972; 1977];

– *работы по фразеологии* А. Н. Баранова [2014], Х. Боронга, Л. Сюйдуна [2011], Я. Ван [2001], П. П. Ветрова [2007], В. В. Виноградова [1977], И. В. Войцехович [1986], М. Гофаня [1978], С. Дин [2001], Д. О. Добровольского [1996], Б. А. Ларина [1956], Я. Лю [2009], Ю. Минь, Х. Чжисянь [1956], В. М. Мокиенко [2005], З. Д. Поповой [2002], А. А. Потебни [1894; 1962], В. Сунь [1989], В. Н. Телия [1981; 1986; 1996], Н. М. Шанского [2012], Ш. Ши [1980].

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем:

1) выявлена система образов животных, актуализируемых фразеологизмами русского языка и чэньюй китайского языка;

2) реализован анализ культурной семантики следующих фразеологизмов и чэньюй с компонентами-зоонимами: курица / 鸡, олень / 鹿, журавль / 鹤, лошадь / 马, дракон / 龙, муравей / 蚁, слон / 象, черепаха / 龟, феникс / жар-птица / 凤, рыба / 鱼;

3) доказаны совпадения и установлены отличия в актуализации анималистического кода в русской и китайской культурах;

4) выявлены механизмы актуализации культурной семантики компонентов-зоонимов во фразеологизмах и чэньюй.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что в нем раскрывается сущность культурной семантики фразеологизмов и чэньюй с компонентами-зоонимами. В исследовании реализуется анализ национально-культурных особенностей фразеологизмов русского языка и чэньюй китайского языка. Исследование вносит вклад в систематизацию научных знаний в области лингвокультурологии, поскольку уточняется понятие анималистического кода культуры, определяется его место среди других кодов культуры, выявляются и описываются представления носителей русского и китайского языков о животных как фрагменте языковой картины мира. Это, в свою очередь, позволяет фиксировать представления определенного лингвокультурного сообщества в отношении определенных объектов природы.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования полученных результатов в теоретических курсах «Лингвокультурология», «Фразеология», «Лексикология», «Межкультурная коммуникация», «Переводоведение», «Этнолингвистика».

Положения, выносимые на защиту:

1. В русском языке фиксируется детализированная концептуализация анималистических образов, тогда как в китайском языке преобладают обобщенные названия. Это не означает отсутствие соответствующих концептов в концептосфере носителей китайского языка. Зоонимы могут не иметь общеязыкового номинативного выражения и оставаться коммуникативно нерелевантными, то есть не требовать активного употребления, несмотря на свою когнитивную значимость. Существование таких единиц обусловлено историко-культурными факторами и отсутствием необходимости языковой реализации в коммуникации.

2. Отсутствие в китайском языке четких номинативных форм для отдельных зоонимов не свидетельствует о дефиците соответствующих концептуальных образов в сознании носителей языка. Данные образы могут быть когнитивно значимы, но коммуникативно нерелевантны, они могут не находить отражения в

общеупотребительной лексике вследствие историко-культурных особенностей и отсутствия необходимости их вербализации в повседневном общении.

3. В китайской фразеологии отсутствует системное лексическое разграничение для обозначения, например, мелких грызунов, поскольку иероглиф охватывает образы *мыши, крысы и хомяка*. Аналогично, иероглиф охватывает понятия *коровы, быка, вола и буйвола*, в то время как иероглиф обозначает *барана, овцу, козла и козу*. В китайском языке отсутствует явное эксплицитное выражение конкретных названий перечисленных животных.

4. В русском языке грамматическая категория рода у зоонимов, входящих в состав фразеологических единиц, обеспечивает реализацию гендерных различий, что придает данным единицам дополнительный семантический оттенок. В китайском языке отсутствует грамматическая категория рода, что обуславливает отсутствие явных гендерных противопоставлений среди зоонимов. Эта структурная разница между языками приводит к лингвистической лакуне: в русском языке грамматический род выступает ключевым морфологическим признаком, влияющим на формирование и функционирование фразеологизмов, тогда как в китайском языке его роль значительно снижена или отсутствует вовсе.

5. Русская лингвокультура в сфере анималистического кода тяготеет к аналитической, оценочно-дифференцирующей модели, где грамматический род и развитая синонимия, а также суффиксальные модели активно участвуют в порождении смыслов. Китайская модель основана на синтетическом, культурно-интегрирующем восприятии образа, где доминантой выступает богатый историко-литературный контекст.

Апробация работы. Основные результаты исследования представлены на Международной научно-практической конференции «Сохранение и развитие духовной культуры и родного языка в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы» (г. Уфа, 25 ноября 2021 г.); II Международной научно-практической конференции «Научная инициатива иностранных студентов и

аспирантов» (г. Томск, 26–28 апреля 2022 г.); VIII Международной научно-практической конференции «Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки» (г. Уфа, 29 апреля 2022 г.); XI Всероссийской научно-практической конференции «Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода» (г. Уфа, 7–8 декабря 2022 г.); X Международной научно-практической конференции «Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки» (г. Уфа, 2024 г.); XI Международной научно-практической конференции «Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки» (г. Уфа, 23 апреля 2025 г.); Международной научно-практической конференции «Филология. Коммуникация. Образование» (г. Пермь, 10 апреля 2026 г.).

По теме диссертации опубликовано 12 научных работ, шесть из которых представлены в изданиях, включенных в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура работы определяется в соответствии с поставленной целью и задачами исследования и включает Введение, три главы, Заключение, библиографический список, лексикографические источники, энциклопедии, учебные пособия, корпусы языков, два приложения.

ГЛАВА 1. АНИМАЛИСТИЧЕСКИЙ КОД: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Лингвокультурный код: к вопросу о типологии

Термин *лингвокультурология* впервые введен В. В. Воробьевым в 1996 г. [Воробьев 1996]. Годом позже исследователь опубликовал учебник «Лингвокультурология. Теория и методы» [Воробьев 1997]. Значительный вклад в становление лингвокультурологии внесла работа В. Н. Телия, которая изучала взаимосвязь языка и культуры в аспекте синхронии [Телия 1996]. В 1990-х гг. Институт языкознания Российской Академии наук утвердил программу «Язык и культура» в качестве ведущей исследовательской инициативы, которую возглавил Ю. С. Степанов, чей труд «Константы. Словарь русской культуры» [Степанов 1997] по сей день входит в теоретическую базу исследований в области лингвокультурологии.

В лингвокультурологии исследуются способы репрезентации, сохранения и передачи культурных смыслов посредством языковых единиц. Как подчеркивает В. Н. Телия, данное направление призвано изучать и описывать сложные взаимосвязи между языком и культурой, языком и этнической идентичностью, языком и национальным менталитетом [Телия 1986; 1988]. В рамках данного подхода язык понимается не только как средство коммуникации, но и как ключевой носитель культурного кода, отражающий уникальные особенности мировосприятия конкретного этноса. Согласно мнению В. В. Красных, лингвокультурология определяется как дисциплина, изучающая «проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанная с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Красных 2002: 12]. К основным задачам лингвокультурологии относятся: выявление и анализ языковых единиц, обладающих культурно-специфической семантикой; исследование механизмов

кодирования культурных концептов в языковой форме; изучение роли языка в процессе трансляции этнокультурных ценностей и стереотипов сознания.

Формирование лингвокультурологии как самостоятельной научной дисциплины было обусловлено процессами глобализации и интенсификацией международных контактов. Усиление межкультурных и межъязыковых взаимодействий выявило актуальность исследования языка в тесной связи с культурологическими аспектами. Если совместить два ключевых направления – культурологию и лингвистику – можно определить лингвокультурологию как раздел языкознания, исследующий взаимовлияние языковых и культурных факторов в становлении культурного пространства общества. При этом важно подчеркнуть, что лингвокультурология по своей природе представляет собой полифункциональную научную область, поскольку сфера ее интересов охватывает такие дисциплины, как психология, история, философия и в целом все отрасли гуманитарного знания.

Для данного исследования важной является дефиниция, предложенная Е. И. Зиновьевой и Е. Е. Юрковым, в соответствии с которой лингвокультурология определяется как «филологическая наука, которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через описание и анализ языковых единиц разных уровней и речевой деятельности, речевого поведения и дискурса» [Зиновьева, Юрков 2006: 15].

В рамках исследования лексические единицы с анималистическим компонентом соотносятся с понятием *лингвокультурный код*. Предметом лингвокультурологии являются отражение культурных ценностей в языке (фразеологизмы, метафоры, концепты); влияние культуры на языковое сознание и коммуникацию; национально-специфические особенности восприятия мира через язык. А лингвокультурный код выступает в качестве важного инструмента, способствующего взаимопониманию в межкультурной коммуникации. Р. О. Якобсон широко использовал понятия *код / кодирование* для анализа

поэтических текстов [Якобсон 1975]. Вслед за ним Ю. М. Лотман применил этот термин для анализа языка художественного произведения. Код – это «система образов, относящаяся к какой-либо культурной области» [Лотман 1994], а также «артефакты культуры, выступающие в знаковой функции» [там же].

В научном дискурсе понятие лингвокультурного кода рассматривается с двух семиотических позиций: французской, представленной Р. Бартом, и тартуско-московской, связанной с Ю. М. Лотманом. Во французской лингвокультурной традиции код трактуется как единство, объединенное общей символикой, в то время как тартуско-московская школа рассматривает код как систему знаков, обладающих самостоятельным фигуральным значением. Эти подходы дополняют друг друга, раскрывая разные аспекты лингвокультурного кода и его актуализации в языке и культуре.

Термин *код* в своих научных трудах использовала В. Н. Телия, которая считала, что коды культуры наиболее успешно реализуются в сакральных текстах, метафорах, фразеологизмах (см. [Телия 1996]). В. Н. Телия рассматривает код культуры как таксономический субстрат текстов, представляющий собой совокупность окультуренных представлений о картине мира с включением природных объектов, артефактов и прочих элементов, а также их пространственно-временные и качественно-количественные параметры [там же].

В. И. Шаховский считает, что в лингвокультурный код необходимо включить такие категории, как «этническая картина мира, лингвально-национальное мировоззрение, основанное на истории общества, его стереотипах, традициях, нравах, шкале оценок, культурных ценностях. Единицы культурного кода детерминируются ментальными, языковыми или предметными знаками, поскольку культурный код – это конгломерат систем знаний о народе, данном языке и правилах пользования им» [Шаховский 2008: 118].

В. М. Савицкий, Э. А. Гашимов считают, что «в качестве культурного кода может выступать <...> любая чувственно воспринимаемая часть действительности:

небесные тела, явления природы, флора, фауна, человеческое тело, предметы хозяйственного обихода, техника, оружие» [Савицкий, Гашимов 2005: 15]. М. В. Пименова трактует код культуры как макросистему характеристик объектов картины мира, связанных общим категориальным признаком. По ее определению, код представляет собой таксономическую систему элементов картины мира, включающую природные объекты и создаваемые человеком артефакты, а также явления внешнего и внутреннего миров – физические и психические процессы [Пименова 2006: 16–61]. По мнению Х. Сарача, функционально коды культуры являются способом «описания материального и духовного мира в культурном пространстве носителями языка и способом концептуализации окружающего мира» [Сарач 2014: 87]. А лингвокультурный код представляет собой конкретный механизм передачи культурных смыслов через язык, он представляет собой систему знаков, символов, стереотипов, закрепленных в языке; «шифр», который позволяет носителям одной культуры понимать скрытые смыслы, устойчивые связи между языковыми единицами и культурными реалиями. Пример лингвокультурного кода проявляется в употреблении фразеологизма *белая ворона* в русском языке, кодирующего идею исключительности, чуждости. Аналогичный концепт выражается в китайском языке посредством чэньюй 鹤立鸡群 (букв. «журавль среди кур»), передающего схожий смысл отличительности.

Иными словами, если лингвокультурология – это наука, исследующая общие принципы связи языка и культуры, то лингвокультурный код – это объект изучения данной науки, конкретная система культурно-языковых маркеров. На данный момент в науке нет общепринятого определения понятия *лингвокультурный код*. Так, по мнению В. В. Красных, лингвокультурный код является сеткой, которую лингвокультура «набрасывает на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает» [Красных 2002: 232]. Отметим определение С. И. Ивановой, которая считает, что лингвокультурный код «представляет собой систему лингвокультурных соответствий, организованных

согласно заложенной матрице, роль которой выполняет структурная организация языковой личности» [Иванова 2003: 56]. Е. В. Королева отмечает, что термин *лингвокультурный код* «удачен в сферах лингвистики <...> в сравнении с терминами культурный код и языковой код, поскольку в нем подчеркивается равноправие изучения культурных и языковых феноменов» [Королева 2015: 338].

Представляется целесообразным уделить внимание рассмотрению такого феномена, как *код культуры* (или *культурный код*). Коды культуры представляют собой устойчивые системы знаков, символов и значений, которые используются для передачи, хранения и интерпретации культурной информации. Они формируют основу коммуникации внутри социума, обеспечивая взаимопонимание между его членами и сохраняя культурную идентичность. Изучение кодов культуры является важной задачей лингвокультурологии, семиотики и антропологии, поскольку они отражают глубинные связи между языком, мышлением и социальными практиками (см. [Потебня 1914; 1962]).

Код культуры можно определить как систему условных знаков, правил и конвенций, которые позволяют членам социума интерпретировать и передавать культурные смыслы. Это понятие связано с семиотикой (наукой о знаках) и включает знаки (вербальные и невербальные символы, жесты, изображения, ритуалы), правила их сочетания (грамматика, синтаксис культурных текстов), контекстуальные значения (культурно-специфические ассоциации и коннотации). Коды культуры выполняют следующие важные функции: обеспечивают передачу информации внутри общества, маркируют принадлежность к определенной культурной группе, сохраняют и передают традиции, а также помогают интерпретировать смыслы в различных контекстах.

В лингвистических исследованиях код рассматривается как важное понятие, его правила прочтения «задаются культурой: культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора» [Маслова 2010: 19]. Культурный код – это «система знаков материального и духовного мира, ставших носителями

культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые “прочитываются” в этих знаках» [Гудков, Ковшова 2007: 9]. Классификации кодов помогают систематизировать их анализ, применять в лингвокультурологических, антропологических, семиотических и других исследованиях. Рассмотрим, например, классификацию В. В. Красных, которая выделяет соматический, предметный, пространственный, биоморфный, временной, духовный коды.

Соматический (телесный) культурный код отражается в том, что постижение человеком мира начинается с познания самого себя: «Через осознание себя человек пришел к описанию мира, экстраполируя свои знания о себе самом на окружающую действительность (что и оказалось зафиксированным в соматическом коде культуры)» [Красных 2001: 6].

Предметный код проникает в социальные отношения и входит в понятия «семья», «дом», «род». Он используется для описания пространства, в котором присутствуют определенные культурные коды человека, и тесно связан с кодом духовным. Предметный код в некоторой степени предопределяет духовный код.

Соматический культурный код тесно связан с пространственным кодом: он «наслаивается на пространственный и предопределяет пространственные представления человека и структурирование окружающего мира» [там же]. Выражение пространственных реалий осуществляется с точки зрения самого человека.

Пространственный культурный код связан с временным кодом, который фиксирует существование человека в мире материальном и нематериальном.

Духовный код включает нравственные ценности и базовые оппозиции культуры (добро – зло, хорошо – плохо). «Этот код <...> аксиологичен. Он пронизывает <...> бытие, обуславливает <...> поведение и любую деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и окружающему миру» [Красных 2001: 19].

Биоморфный код связан с живыми существами, обитающими в окружающем человека мире, растениями. «Данный код культуры отражает представления человека о мире животных, о растительном мире и о мире бестиариев, который находится в пограничной зоне <...>. Этот код культуры связан в первую очередь с бытующими стереотипами» [там же: 14].

Исследователями выделяются следующие культурные коды: антропный, или собственно человеческий; зооморфный; растительный; природный; артефактно-вещевой; вещно-костюмный; гастрономический; архитектурный; духовно и/или религиозно-антропоморфный; религиозно-артефактивный; временной; пространственный; количественный (числовой); цветовой; телесный (соматический) [Гудков, Ковшова 2007: 96–99].

1.2. Анималистический код и языковая картина мира

Исследователи относят *концепт* и *языковую картину мира* к фундаментальному инструментарию лингвокультурологии как науки об изучении экстралингвистических факторов этноса. Под языковой картиной мира понимается исторически сложившаяся система представлений о действительности, закреплённая в языковых формах и отражающая специфическое восприятие мира носителями того или иного языка. Она формирует особое семантико-когнитивное пространство, структурированное посредством лексики, грамматики и дискурсивных практик, и варьируется в зависимости от географического, этнического и культурного контекста.

Языковая картина мира – это «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённая в языке совокупность представлений о мире, определённый способ концептуализации действительности» [Зализняк 2011]. По мнению исследователя, языковые картины мира демонстрируют как общие черты, так и специфические различия. Лингвистические различия проявляются преимущественно посредством

лингвоспецифичных слов, не имеющих эквивалентов в иных языках и воплощающих уникальные для конкретного языка концепты. Изучение особенностей таких слов, их взаимосвязей и сопоставления в межкультурном аспекте позволяет реконструировать значительные фрагменты русской языковой картины мира и выявить основополагающие идеи, ее формирующие.

Выделяются разные срезы одной модели языковой картины мира: широкая, объединяющая всех носителей языка (например, китайская картина мира), а также национальная, региональная, социально-профессиональная (например, картина мира северных народов Китая). В данном случае язык играет ключевую роль географической идентичности и формирования определенного коллективного образа мыслей. Так, ханьцы, являющиеся наиболее многочисленным народом Китая, в силу миграции и проживания на разных территориях страны приобрели специфические лексические и фонетические / просодические особенности единого языка путунхуа. Дialeктные различия могут быть настолько сильными, что представители разных провинций Китая с трудом понимают друг друга. Ключевыми маркерами, определяющими принадлежность к той или иной лингвокультурной среде, являются лексическое наполнение языка (наличие уникальных понятий и концептов) и семантические особенности (специфика значений, коннотаций и ассоциативных связей). Эти элементы формируют уникальное мировидение, отличающее одну языковую общность от другой.

Исторически термин *языковая картина мира* восходит к концепциям В. фон Гумбольдта, представителям неогумбольдтианства, а также к идеям американской этнолингвистики, в частности, гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа.

В. фон Гумбольдт считается одним из первых исследователей национального содержания языка и мышления: «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [Гумбольдт 1985: 324]. Исходя из его концепций, можно заключить, что слово выступает носителем субъективных

представлений, различия которых ограничены определенными рамками, обусловленными принадлежностью ее носителей к единому языковому сообществу с характерными национальными особенностями и менталитетом. По мнению В. фон Гумбольдта, язык оказывает влияние на формирование как системы понятий, так и системы ценностей, причем данные функции являются универсальными для всех языков мира. «Язык – орган, образующий мысль, следовательно, в становлении человеческой личности, в образовании <...> системы понятий, в присвоении ей накопленного поколениями опыта языку принадлежит ведущая роль» [там же]. Исследователь рассматривает язык как «промежуточный мир» между мышлением и реальностью, при этом язык отражает уникальное национальное мировоззрение. В. фон Гумбольдт подчеркивает, что картина мира обладает динамическим характером, а ее основной единицей является речевой акт.

Идеи Э. Сепира и Б. Уорфа о лингвистической относительности оказали влияние на разработку концепта языковой картины мира. Исследователи утверждали, что «представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка, и что язык является <...> случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, – <...> иллюзия. В действительности “реальный мир” в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек <...> социальной группы» [Сепир 1993: 261]. Используя термин *реальный мир*, Э. Сепир подразумевает *промежуточный мир*, охватывающий язык вместе со всеми его связями с мышлением, психикой, культурой, а также социальными и профессиональными феноменами. Э. Сепир полагал, что «современному лингвисту становится трудно ограничиваться лишь своим традиционным предметом, <...> он не может не разделять взаимных интересов, которые связывают лингвистику с антропологией и историей культуры, с социологией, психологией, философией и – в более отдаленной перспективе – с физиологией и физикой» [там же: 259–260].

Л. Вайсгербер впервые ввел термин *языковая картина мира*. Согласно его концепции, *языковая картина мира* представляет собой систему содержаний «духовных, определяющих своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности, и языковых, обуславливающих существование и функционирование самого языка» [Вайсгербер 1993: 114–124].

По мнению О. А. Корнилова, в лингвистике существуют два основных подхода к изучению языковой картины мира: объективистский и субъективистский (см. [Корнилов 2003: 97–99]). «Первый из них предполагает, что при образовании картины мира язык выступает недемиургом этой картины, а лишь формой выражения понятийного (мыслительно-абстрактного) содержания, добытого человеком в процессе своей деятельности (теории и практики)» [Колшанский 1990: 25].

На сегодняшний день в научной среде отсутствует единое и однозначное толкование термина *языковая картина мира*. В связи с этим целесообразно привести несколько различных вариантов определения данного понятия.

Е. С. Яковлева понимает под языковой картиной мира «мировидение через призму языка» [Яковлева 1994: 73–89]. В. А. Маслова считает, что языковая картина мира «обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» [Маслова 2007: 56]. Языковая картина мира – это «отражение способа моделирования и структурирования действительности, характерного для конкретной лингвокультурной общности» [Моисеева 1998: 3]. Языковая картина мира – это «неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, возникающий в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации» [Телия 1988: 13]. Языковая картина мира «отражает состояния восприятия действительности, сложившиеся в прошлые периоды

развития языка в обществе» [Попова, Стернин 2001: 68]. Вместе с тем языковая картина мира «изменяется со временем, и ее изменения являются отражением изменяющегося мира, появлением новых реалий» [Корнилов 2003: 15].

Языковая картина мира коррелирует с объективным физическим пространством посредством идеи ее стремления к максимально точному и адекватному отражению объективной действительности. В рамках субъективистского подхода языковая картина мира рассматривается как «отраженный в языке вторичный мир, являющийся результатом преломления в человеческом сознании объективного мира. Обыденный язык творит языковую картину мира, в которой отражаются и фиксируются не только знания о мире, но и заблуждения, ощущения относительно мира, его оценки, фантазии и мечты о мире. Такое понимание сущности языковой картины мира не требует <...> объективности» [Корнилов 2003: 97–99]. Таким образом, языковая картина мира представляет собой исторически сформировавшуюся, организованную систему представлений, зафиксированных в языке, которая определяет восприятие мира носителями этноса. Она служит одновременно результатом культурного и языкового развития, движущей силой этих процессов, передаваясь из поколения в поколение посредством языковых средств.

Следует учитывать, что под языковой картиной мира понимается теоретическая абстракция / модель, за которой стоят конкретные национально-языковые реализации. Индивидуальная национальная картина мира формируется в результате восприятия объективной реальности повседневным сознанием человека. Общациональной языковой картине мира противопоставляются языковые картины мира, ограниченные социальными параметрами: территориально (диалекты, говоры, акценты), профессионально (подъязыки наук, ремесел, дискурсы) (см. [Новикова, Черемисина 2000: 40–49]).

В большинстве случаев авторы предлагают взаимодополняющие определения термина, выделяя в нем те или иные аспекты. В рамках данного

исследования наиболее содержательным и полным для нас становится определение М. Л. Ковшовой, Д. Б. Гудкова, согласно которому языковая картина мира – это «отраженный в языке способ восприятия мира и его понимания (интерпретации) человеком или группой людей, объединенных мировоззрением, основанным на общности этнической культуры» [Ковшова, Гудков 2018: 143].

Необходимо отметить, что несовпадение языковых картин мира в процессе межкультурной коммуникации зачастую порождает барьеры, которые в лингвокультурологических исследованиях обозначают термином *лакуна*.

Понятие *лакуна* в лингвистике остается дискуссионным. В узком понимании лакуна рассматривается как несоответствие, ограниченное лексическим составом языков, т. е. разрыв на уровне словарного запаса. Однако ряд лингвистов расширяет это понятие, трактуя лакуну как явление, отражающее национальную специфику сопоставляемых лингвокультурных систем. В этом широком смысле лакуны служат индикаторами культурно-национальных различий между сопоставляемыми языковыми картинами мира. Как отмечает И. Е. Бобрышева, лакуны способствуют выявлению расхождений на языковом, понятийном и эмотивном уровнях [Бобрышева 1991: 35–36].

В рамках настоящего исследования принята широкая трактовка данного термина. Таким образом, под лакунами понимаются языковые и культурные единицы, присущие конкретной этнокультуре, но полностью отсутствующие или выраженные иным образом в другой этнокультуре, что определяет их непересекаемость и уникальность в контексте конкретных лингвокультурных систем.

Межъязыковые лакуны подразделяются на две ключевые категории: обобщающие и конкретизирующие. Обобщающие лакуны характеризуются отсутствием в анализируемом языке соответствующего обобщенного понятия по определенному признаку, тогда как конкретизирующие лакуны обусловлены отсутствием конкретизации данного признака в языке (см. [Махонина 2006: 55–

76]). В частности, исследование конкретизирующих лакун показало, что в китайских фразеологизмах с анималистическим компонентом указание на женский род зоонимов, как правило, не явно выражено.

Появление культурологических лакун связано с национально-специфическими характеристиками носителей различных локальных культур. В рамках отдельных культур формируются стереотипы, обусловленные особенностями окружающей среды, которые закрепляют наиболее типичные черты конкретного этноса и обычно менее выражены или отсутствуют у других народов. К данной группе лакун также относятся те, что возникают вследствие отсутствия в одной культуре реалий, характерных для другой (например, лакуна *борщ*), а также лакуны, связанные с различиями в употреблении предметов в схожих ситуациях. Эти расхождения формируют пробелы в культурном и лингвистическом восприятии, отражая уникальные культурные спецификации и особенности каждой общности.

Другое базовое понятие в лингвокультурологии, которое необходимо рассмотреть в рамках нашей работы, – это *концепт*. В современной лингвистике *концепт* занимает центральное положение, поскольку определяет семантико-прагматические основы дискурса, выступая одновременно как инструментом межкультурного взаимодействия, так и объектом научного исследования. Формируясь в сознании и реализуясь в речи, концепты служат маркерами языковой, этнической, территориальной и возрастной идентичности носителей языка, а также отражают особенности их когнитивных процессов. Концепты обладают свойством системной организации, объединяясь в целостные концептосферы, отражающие соответствующую область человеческой деятельности. Данная трактовка концепта подчеркивает его двойственную природу – как ментального образования и как языкового феномена, что делает его ключевым объектом исследования в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии.

Целесообразно привести несколько вариантов дефиниций понятия. Концепт представляет собой «основную ячейку культуры в ментальном мире человека» [Степанов 1997: 288–306], «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [там же: 42]. Концепты – это «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта. Типизируемость этих единиц закрепляет представления в виде различных стереотипов, их осознаваемость дает возможность передать информацию о них другим людям, их значимость закрепляет в индивидуальном и коллективном опыте важные (и поэтому эмоционально переживаемые) характеристики действительности. Эти характеристики концептов представляют собой их образно-перцептивную, понятийную и ценностную стороны» [Карасик 2007: 27]. В. И. Карасик выделяет два типа концептов: уникальные, которые характерны исключительно для определенных культур и выступают в качестве лакун для тех культур, где они отсутствуют, и этноспецифические, присутствующие в различных культурах, но различающиеся по своей значимости и смысловой нагрузке в каждой из них [там же: 38–39].

Концепт является эвристической категорией, используемой как инструмент исследования, характеризующийся эмоциональной насыщенностью, семиотической (номинативной) плотностью, направленностью на уровень выражения, а также многомерной семантической структурой [Воркачев 2016: 19].

Современная кросс-культурная лингвистика, изучающая взаимосвязь языка, мышления и культуры, активно развивается благодаря работам А. Вежбицкой и Дж. Лакоффа. А. Вежбицкая, разработавшая теорию естественного семантического метаязыка «Natural Semantic Metalanguage», доказала, что базовые концепты (например, *хорошо*, *плохо*, *хотеть*, *знать*) универсальны, но их комбинации формируют культурно-специфические значения. Например, в ее работах показано, как русское понятие *тоска* или китайское 脸 (букв. «лицо как

социальный статус») отражают уникальные ценностные системы. Это позволяет анализировать лингвокультурные коды, избегая этноцентризма, и выявлять глубинные различия в восприятии реальности (см. [Вежбицкая 1997]).

Основатель теории концептуальной метафоры Дж. Лакофф [Лакофф, Джонсон 2004] раскрыл, как метафорические структуры языка (например, *время – это деньги*) организуют мышление и коммуникацию. Его идеи легли в основу исследований о том, как культурный опыт формирует метафорические модели. Например, в китайской культуре метафора *семья – это дерево* отражает иерархичность и связь поколений, тогда как в западном мире метафора *семья – это команда* нередко моделируется как равенство. Таким образом, концепт – это основная единица когнитивной сферы народа, который формируется на основе исторического опыта, традиций, мифов и обычаев и служит фундаментом для формирования языковых выражений и образов.

После рассмотрения определений таких ключевых терминов, как *языковая картина мира*, *лакуна* и *концепт*, необходимо вновь обратиться к понятию *лакун* и уточнить их значение в контексте анализа лексической лакунарности. Согласно З. Д. Поповой и И. А. Стернину, лексическая лакуна не предполагает полного отсутствия соответствующего концепта в культурном пространстве народа [Попова, Стернин 2001: 40]. В ходе нашего исследования было установлено, что в китайской фразеологии отсутствует систематизированное языковое обозначение для группы мелких грызунов: иероглиф 鼠 охватывает образы *мыши*, *крысы* и *хомяка* одновременно. В то же время в русском языке прослеживается четкое разграничение и конкретизация данных анималистических понятий. Результаты исследования свидетельствуют о том, что русское языковое сознание склонно к конкретизирующей концептуализации действительности, тогда как в китайском языке преобладают обобщающие наименования. Однако это не свидетельствует о полном отсутствии соответствующих концептов в концептосфере китайского народа, поскольку концепты могут существовать без общеязыкового выражения.

По мнению исследователей, такие концепты «могут быть коммуникативно нерелевантными, то есть не нуждаться в силу тех или иных причин в обсуждении, хотя при этом остаются структурными единицами мышления» [Попова, Стернин 2001: 40]. Эти концепты представляют собой не номинированные в данной лингвокультурной системе единицы, обусловленные историческими и культурными факторами [там же: 42]. Тем не менее, отсутствие системных средств языковой объективизации для существующих концептов обусловлено, прежде всего, отсутствием необходимости в их коммуникативном использовании.

Можно заключить, что в китайском языке отсутствуют четкие и явные лексические единицы для обозначения отдельных частных наименований животных. Уже упомянутый иероглиф охватывает образы *мыши*, *крысы*, *хомяка* одновременно; иероглиф выступает как обозначение *коровы*, *быка*, *вола* и *буйвола*; а иероглиф объединяет понятия *барана*, *овцы*, *козла* и *козы*. Важно отметить, что во фразеологическом пространстве китайского языка эти анималистические категории представлены одним универсальным символом, поскольку в коммуникативной практике носителей языка нет необходимости в отдельных эксплицитных обозначениях – они не считаются обязательными для эффективной передачи информации в межличностном общении.

В совокупности понятия *языковая картина мира*, *лакуна* и *концепт* способствуют системному пониманию взаимосвязи языка, культуры и мышления в рамках лингвокультурологических исследований.

Данная триада позволяет выявлять культурные особенности, анализировать отражение культурных ценностей и реалий в языковых средствах, обнаруживать различия и сходства между культурами через сопоставление их концептуальных и лингвистических моделей, понять механизмы культурной идентификации и межкультурной коммуникации. Таким образом, можно предложить следующее определение для понятия *языковая картина мира* – это совокупность человеческих представлений о мире, зафиксированных в языковых знаках.

В рамках данного исследования основное внимание сосредоточено на анималистическом (или зооморфном) коде. Анималистические образы являются объектом интереса различных исследователей на протяжении долгого времени. В свое время В. фон Гумбольдт высказывался о том, как анималистические выражения проявляются в языке: «Когда <...> в санскрите *слона* иногда называют дважды пьющим, иногда двузубым, а иногда еще и снабженным рукою, разные понятия получают разное языковое обозначение, притом что каждый раз имеется в виду один и тот же объект» (цит. по [Вежбицкая 1997: 12]).

Анималистический культурный код является «совокупностью обусловленных культурой стереотипных представлений о свойствах, характеристиках или особенностях поведения животных, которые выступают как источник осмысления человеком мира» [Большой фразеологический словарь русского языка 2017: 332]. Анималистический код отражает национальную специфику языка, является важным элементом культурного наследия, включает в себя фразеологические единицы, пословицы, поговорки, метафоры и другие языковые единицы, в которых используются образы и ассоциации, связанные с животным миром. Анималистический код представляет собой комплексное выражение национальной самобытности языка через систему оценочных образов. В нем заключены многовековые опыт и мудрость народа, передаваемые из поколения в поколение. Через анималистический код люди выражают эмоции, отношение к окружающему миру, ценностям, нормам поведения. Анималистический код позволяет комплексно охватить множество аспектов жизни и мировоззрения конкретного народа.

Т. Троянова акцентирует внимание на специфических чертах применения зооморфных метафор: «сопоставление человека с представителем животного мира, то есть с другим одушевленным существом, кажется носителю языка естественным и логичным» [Троянова 2003: 70]. Некоторые исследователи предлагают более детализированное деление анималистического кода, выделяя в

его составе несколько специализированных подкодов. Так, М. Надель-Червинская выделяет следующие подкоды: код птиц, код животных, код гадов, код рыб и код насекомых [Надель-Червинская 2011: 101].

В свою очередь, Л. В. Савченко расширяет эту классификацию, вводя более детальную систематизацию анималистического кода, включающую следующие субкоды: триологический код – совокупность зоонимов для обозначения зверей, орнитологический код – для обозначения птиц, ихтиологический код – для рыб, инсектологический код – для насекомых, герпетологический код – для пресмыкающихся, амфибиологический код – для земноводных, карцинологический код – для ракообразных (см. [Савченко 2014: 171–172]). Единицами анималистического кода являются зоонимы.

1.3. Образы и символы в лингвокультурологии

В рамках данного исследования важное место занимают такие понятия, как *образ* и *символ*. Рассмотрим наиболее значимые определения этих феноменов.

Образ – это многослойная и динамичная единица, которая выходит за рамки простого отображения реальности. Он включает в себя совокупность культурных стереотипов, представлений, ассоциаций и эмоциональных откликов, закрепленных в языке и народной традиции. Существует два основных подхода к определению образа: как разновидности концепта или как отдельного, отличающегося по природе явления. Некоторые исследователи считают образ частью концепта, обладающей национально-культурной спецификой и узнаваемыми признаками этнокультурного сообщества [Савченко 2013; Афшар 2019]. Однако данный подход ограничивает понимание образа, ведь это сложное и многомерное образование, сформированное из множества элементов, таких как реалии, культурные явления и социальные особенности.

А. Д. Макарова определяет лингвокультурный образ как «ментальное стереотипизированное восприятие и отражение явлений и фактов, имеющих место

в мире» [Макарова 2011: 244]. Важным отличием является то, что образ может возникать стихийно, в отличие от имиджа, который создается целенаправленно. Исходя из этого, можно заключить, что образ является более сложной единицей, чем концепт, и реализуется через их совокупность, что соответствует идее В. В. Воробьева об иерархической системе языковых единиц, отражающих культурные понятия [Воробьев 2006: 60].

Некоторые ученые выделяют концепты, скрипты, типажи и сюжеты, отмечая, что образ – это не только содержательный план, но и языковой план, отличающийся от психологического понимания образа как отражения реальности [Карасик 2023: 50]. В психологическом контексте образ – это лишь внутреннее отображение предметов, тогда как лингвокультурный образ включает план содержания и план выражения через языковые средства.

Итак, можно утверждать, что образ – это многомерное и сложное ментальное образование, которое отражает представления и восприятия человека или этнокультурной общности о мире. Образ формируется через взаимодействие концептов и реализуется при помощи языковых средств, объединяя содержательный и языковой уровни. Структура образа организована по принципу поля с ядерными и периферийными компонентами, включающими стереотипы, реалии, культурные и социальные особенности.

Анималистический код формируется на основе культурно обусловленных стереотипов – устойчивых, коллективно разделяемых представлений о свойствах и поведении животных. Они служат источником метафорического осмысления мира и отражают духовный и исторический опыт носителей языка. Эти стереотипы создают этнокультурный контекст, в рамках которого происходит восприятие и использование языковых выражений с анималистическими образами, являющимися базой для построения языковых символов, несущих ценностные и знаковые функции в коммуникации.

В. В. Красных определяет стереотип как результат коллективного эмоционально-образного восприятия определенного класса однородных явлений, таких как люди, животные или артефакты [Красных 2016: 322]. Стереотипы-представления могут проявляться в виде стереотипного образа – будь то этнический, социальный, исторический, зооморфный или предметный, – либо как устойчиво воспроизводимая стереотипная ситуация, например, экзамен или очередь [там же: 326].

Необходимо отметить, что со стереотипами тесно связаны эталоны. В рамках лингвокультурологии эталоны отражают устойчивые стандарты оценки и репрезентации животных (например, *злой как собака; упрямый как баран*), которые формируют основу для создания языковых образов и фразеологизмов. Эталон – это «характерологическая образная подмена свойств человека или предмета какой-либо реалией, которая становится знаком доминирующего в них» [Телия 1996: 242]. В рамках нашего исследования стоит подчеркнуть, что эталоны закрепляют определенные качества и свойства животных, которые становятся знаковыми для межкультурного восприятия.

Образы, сформированные такими стереотипами и эталонами, создают ментальный каркас, с помощью которого представители культуры воспринимают окружающий мир, структурируют восприятие и взаимодействуют с ним. Взаимосвязь образа и национальной идентичности иллюстрируется тем, что образные системы передают мифы, легенды, архетипы и представления, формирующие ментальные модели и служащие ориентирами в процессе культурной социализации.

Переходя к *символам*, следует отметить, что символика включает не только визуальные знаки и изображения, но и закрепленные в языке значения. Символы осуществляют коммуникацию сложных культурных смыслов с помощью образных, зачастую компактных средств. Они формируют единые культурные коды, укрепляющие национальную идентичность и самосознание. Термин *символ*

имеет различные научные толкования в философии, психологии и т. д., однако мы ограничиваемся рамками лингвокультурологии.

В контексте лингвокультурологии символы позволяют выявлять глубинные структурные и смысловые особенности культуры через язык. Особое значение имеют анималистические символы, которые отражают идеалы, моральные установки, традиции и менталитет этнокультурных групп. В языках, таких как русский и китайский, многие животные выступают универсальными символами, при этом их образные коннотации варьируются в зависимости от национальной специфики и культурного кода.

Символ – это «вещественный, графический или звуковой знак, служащий условным обозначением какого-либо понятия» [Жеребило 2010: 322]. М. Л. Ковшова описывает символы как «знаковые постоянные (константы), или особого рода устойчивые образы, в структуре которых предметный образ и глубинный смысл находятся в тесной взаимосвязи» [Ковшова 2008: 21]. О. А. Корнилов считал, что «если в какой-либо культуре какие-либо виды животных являются символами силы, трудолюбия, мудрости, покорности, трусости, подлости и т. п., то применительно к лингвистике это означает, что лексические значения слов, называющие этих животных, включают в себя эту информацию (уникальную для каждого языка). Этот элемент значения и называется коннотативным (ассоциативным) элементом значения слова. Коннотативная зона любого языка весьма трудна для усвоения представителями других культур» [Корнилов 2003: 83–84].

Образ и символ взаимосвязаны, они образуют сложную систему культурных знаков, определяющих культурную идентичность. Анализ их взаимодействия помогает исследователям понять, каким образом в языке сохраняются и актуализируются культурные архетипы, как формируются устойчивые этнокультурные стереотипы и каким образом происходит передача культурных ценностей из поколения в поколение.

В рамках данного исследования особое значение приобретает описание специфики и универсалий фразеологических единиц на уровне образов и символов в русской и китайской языковых картинах мира.

1.4. Анимализмы в русском и китайском языках

В научной литературе, несмотря на обширные теоретические исследования анималистической лексики, сохраняется определенная хаотичность в использовании терминов, связанных с наименованиями животных. Так, встречаются понятия *анимализм* [Козлова 2003], *зооним* [Суперанская 1973], *зоосемизм* [Гутман и др. 1977; Лясота 1984], *зооморфизм* [Рыжкина, Чакыралгу 2009] и т. д. Понятие *анимализм* используется в научных исследованиях как в узком, так и в широком смысле. Так, С. А. Андросова и А. С. Сущевская понимают под данным термином «наименования птиц, животных и насекомых» [Андросова, Сущевская 2014: 25]. Они также считают термины «анимализм» и «зооморфизм» синонимами. Мы будем придерживаться более широкого понимания термина: анимализм – это понятийная категория, включающая слова или образные конструкции, обозначающие животных или образованные от названий животных, отражающие совокупность качеств, присущих животным, и отличающих их от человека и растений. В широком смысле анимализм охватывает использование образов животных и их характеристик в различных культурных и лингвистических контекстах, служащих для выражения идей, морали, традиций или символики.

Довольно частотным среди определений является термин *зооним*. Однако у данного понятия нет однозначного определения. В широком понимании зоонимами называются «как собственные названия животных, так и лексические единицы, использующиеся для наименования элементов, косвенно относящихся к животным, например, хвост, перо и т. п.» [Тишкина 2008: 4]. В узком значении под зоонимом понимается «наименование отдельного объекта животного мира и

его дериваты как в прямом (зоосемизмы), так и в переносном (зооморфизмы) значении» [Корман 2007: 3–6].

А. В. Суперанская одной из первых предложила классификацию имен собственных в ономастическом пространстве [Суперанская 1973]. Ученый делит его на сектора и зоны, выделяя зоонимы как отдельную часть, включающую имена животных, птиц и связанные с ними традиции. В этом пространстве выделяются *антропонимы*, *зоонимы* и *мифонимы* – имена, связанные с мифическими существами. Имена делятся на личные (для людей и домашних животных) и родовые (для диких животных). В классификации А. В. Суперанской учитываются среда происхождения имени, национальные традиции, языковые модели и формы именования – официальные и неофициальные. Использование термина «зооним» позволяет охватить спектр мифологических наименований, выходящих за пределы только названий вымышленных животных, что важно для полноты исследования мифологической лексики и ее функций в языке и культуре [Суперанская 1973].

Д. И. Ермолович определяет зоонимы как имена собственные, присвоенные домашним животным или тем, которые имеют особое значение для общества. Он выделяет два вида зоонимов: единичные и множественные (типичные), классифицируя их по видам животных. Автор отмечает, что в лингвистике данная тема изучена недостаточно и подчеркивает важность дальнейших исследований, касающихся перевода зоонимов, их смысловых коннотаций, связи с антропонимами, а также процессов словообразования и ассоциативных связей [Ермолович 2005: 276–284].

Н. В. Подольская рассматривает зоонимы как часть ономастики, относя их к виду онимов, которые могут быть традиционными, например, *собака – Шарик*, *кошка – Мурка*. В рамках этой категории выделяются следующие подвиды: антропозоонимы, то есть зоонимы, образованные от антропонимов (например, *Васька – ‘кот’*), и топозоонимы, происходящие от топонимов (например, *Амур*, *Байкал – ‘собака’*) (см. [Подольская 1988: 58–59]). Н. В. Подольская также

определяет термин *зоонимия* как совокупность всех зоонимов, а прилагательное *зоонимный* – относящееся к зоонимам [там же: 95]. Таким образом, антропозооним представляет собой зооним, образованный на основе любого антропонима, например: *Васька (кот)*, *Муся (кошка)*, *Кеша (попугай)*.

Обобщая вышеизложенное, можно отметить, что под зоонимами понимают нарицательные названия животных, имена собственные, клички, фразеологические единицы с анималистическим компонентом. Как видно, это три разных класса: оним (собственное имя конкретного животного); апеллятив (общие названия видов: *кошка*, *тигр*); фразеологизм с анималистическим компонентом.

В свою очередь термин *зоосемизм* обычно обозначает собственное имя животного [Гутман и др. 1977]. Л. В. Кузнецова рассматривает *зооморфизацию* как способ идентификации человека через уподобление животному, что помогает обрести личностную и социальную самобытность, особенно на ранних стадиях развития (см. [Кузнецова 2013]). Ученый подчеркивает, что в сказках и фольклоре животные наделяются человеческими чертами, что способствует созданию упрощенного мира, понятного человеку.

Т. В. Матвеева определяет *зооморфизмы* как метафорические характеристики людей на основе животных, отражающие культурные представления и нравственные качества (например, *лиса* – это символ хитрости) (см. [Матвеева 2010]). В фразеологии такие зооморфизмы – это устойчивые выражения с переносным значением «человек», содержащие оценку поведения и действия. В целом зооморфизмы связаны с традициями тотемизма и антропоморфизма, отражая исторические и культурные связи человека с анималистическим миром.

Мы считаем, что термин *зооним* является наиболее предпочтительным для обозначения наименований животных в языке, поскольку он охватывает разные классы – от нарицательных названий видов и собственных имен до фразеологических единиц с анималистическим компонентом – и точно отражает

как конкретные имена животных, так и их использование в метафорических и фразеологических контекстах. Понятие «зооним» обладает большей терминологической четкостью и распространенностью в лингвистике, что позволяет избежать семантической путаницы. По этой причине в нашем исследовании для обозначения названий животных будет использоваться термин «зооним».

Животные всегда играли важную роль в жизни человека – как помощники, источники пищи, объекты охоты, символы различных качеств и явлений. Наблюдения за поведением и свойствами животных легли в основу множества фразеологизмов, которые закреплялись в языке и передавались из поколения в поколение как часть культурного наследия и мировоззрения. Так в языке возникает высокая фразеопродуктивность зоонимов.

На рубеже XX–XXI вв. внимание исследователей сосредоточилось на изучении анимализмов, входящих в состав фразеологических единиц как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах, на материалах русского и других языков. В диссертационных работах, посвященных данной теме, наряду с термином *фразеологические единицы* используются иные обозначения, например, такие как *фразеологические зоонимы* [Марданова 1997], *компонент-зооним* [Малафеева 1989], *анималистические фразеологизмы* [Бирюкова 1990; Бао 1999], *зоофразеологические единицы* [Кацитадзе 1985] и др. Данные термины во многом являются близкими по смысловому значению. Использование различных терминологических вариантов отражает особенности подходов к их классификации и характеристике в рамках разных лингвистических школ и исследовательских традиций.

О. Бичер предлагает классификацию фразеологических единиц с анималистическим компонентом, выделяя три основных группы [Бичер 2016: 59]. Первая группа включает единицы, которые с помощью повторяющихся анималистических образов передают универсальные значения, характерные для

всех языков мира. Вторая группа объединяет единицы, демонстрирующие сходные сюжеты, но выраженные различными анималистическими символами. Третья группа состоит из единиц, отражающих уникальные, национально-специфические смыслы.

Можно констатировать, что терминологическая неоднородность в области наименований животных обусловлена множеством близких, но не совпадающих понятий – *зооним*, *зоосемизм*, *зооморфизм* и др. При этом понятие *зооним* является наиболее универсальным и точным для обозначения как собственных имен животных, так и нарицательных названий. Его применение позволяет систематизировать и охватить широкий спектр лингвистических явлений, связанных с животными, что важно для полноты исследований. Следовательно, дальнейшее развитие терминологии и методологии в этой области должно базироваться на четком разграничении и согласовании ключевых понятий, что обеспечит системность и научную точность в изучении анимализмов и их функций в языке и культуре.

1.5. Фразеологизмы как вербализаторы национально-культурной специфики

Прежде чем приступить к рассмотрению фразеологических единиц с анималистическим компонентом, необходимо дать общее определение и охарактеризовать сущность фразеологических единиц в рамках лингвистики. Фразеологические единицы – это «устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением» [Кунин 1983: 89]. Фразеологические единицы есть «относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее целостным значением» [Мокиенко 2005: 256]. К. Я. Авербух отмечал, что фразеологизм – это «устойчивое, воспроизводимое в речи сочетание слов или предложение с полностью или частично переосмысленным значением» [Авербух 2009]. Ф. Ф. Ганиева считает, что

фразеологические единицы «отличны от слов и словосочетаний тем, что они идиоматичны» [Ганиева 2015: 39].

Первую классификацию фразеологизмов в русском языке представил академик В. В. Виноградов [1972; 1977], который выделил три типа фразеологизмов: фразеологические сращения – неделимые словосочетания, часто архаичные (например: *точить лясы; бить баклуши*); фразеологические единства – устойчивые словосочетания, в которых значение целого связано с пониманием входящих в состав оборота слов (*стреляный воробей; ловить рыбку в мутной воде*); фразеологические сочетания – обороты, восприятие и понимание которых зависит от определенного круга обозначений (*проливной дождь; собачий холод*).

Учение В. В. Виноградова дополнил Н. М. Шанский, добавив новый тип – фразеологические выражения. Фразеологические выражения – это «устойчивые в составе и употреблении семантически членимые обороты, которые целиком состоят из слов со свободным значением» [Шанский 2012]. К ним относят пословицы, поговорки, крылатые выражения. Автор разделил фразеологизмы на исконно русские и заимствованные. К исконно русским можно отнести фразеологические единицы по типу *не разлей вода; комар носу не подточит; в ногах правды нет*.

Заимствованные обороты ученый делит на следующие подгруппы: обороты из старославянского языка, которые закрепились после принятия христианства (например, *метать бисер перед свиньями*); обороты из романо-германской группы индоевропейской языковой семьи, которые включают заимствования из латинского и древнегреческого языков: *нотабене* (*nota bene* – букв. «заметь хорошо»), *постфактум* (*post factum* – букв. «после происшедшего») и т. д.; из древнегреческой мифологии (*Авгиевы конюшни*).

Одно из первых исследований в дискурсе китайских фразеологических единиц предпринято М. Гофанем в 1956 г. в рамках его научного труда «Краткий

анализ китайской фразеологии» [Гофань 1978]. Он выделяет пять видов китайских фразеологических единиц:

1) 成语 чэньюй (*chéngyǔ*), который преимущественно состоит из четырех иероглифов и является одним из наиболее частотных типов книжно-письменной традиции;

2) 谚语 яньюй (*yànyǔ*), который представляет собой законченное выражение;

3) 歇后语 сехоуюй (*xiēhòuyǔ*), который принадлежит к разговорному стилю речи;

4) 惯用语 гуаньюньюй (*guànyòngyǔ*), который имеет целостное переносное значение и экспрессивную окраску;

5) 俗语 суюй (*súyǔ*), который лаконичен по форме, не содержит поучительного элемента и может быть незаконченным предложением.

Возвращаясь к вопросу о фразеологических единицах с анималистическим компонентом, необходимо отметить, что С. В. Буренкова указывает на то, что фразеологизмы, в которых используются зоонимы, являются отдельной подсистемой в составе фразеологической системы языка (см. [Буренкова 2008]). Ряд исследователей считает, что «содержание зооморфизмов в каждом языке может отличаться от содержания аналогичных зооморфизмов в любом другом языке, что дает основание усматривать в них отражение национальной специфики культуры народа» [Гутман и др. 1977: 148]. Значения зоонимов в составе фразеологических единиц называются исследователями по-разному: символами, образами, ассоциациями [Сакаева 2008]. Во многом эти названия синонимичны.

Аллегорические фразеологизмы нравоучительной семантики с анималистическим компонентом используются в основном для передачи характеристики, поведения человека через метафору с использованием эпитетов. Так, словосочетания *хитрая лисица*, *смелая лань* или *гордый орел* не только описывают особенности животных, но и носят пренебрежительный, похвальный,

восхищенный оттенок соответственно. Метафоризация в данном случае основывается на стереотипе, который «лежит на поверхности, легко вычленяется и эксплицитно привязывает метафорическое значение к исходному» [Скляревская 2004: 50]. В свою очередь изучение фразеологических единиц с анималистическим компонентом «позволяет рассмотреть не просто поверхностно-формальную сторону лексико-фразеологической системности, но и более глубоко осмыслить семантическую сторону межуровневых отношений, в которые вступают зооморфизмы и зооморфные фразеологизмы» [Кыонг 1997: 119].

Ч. Фэн отмечает, что при выборе образа-эталона для сравнительного анализа в русском и китайском языках наблюдается определенное сходство [Фэн 2010: 20–21]. Во-первых, предмет сравнения в обеих языковых традициях обычно сопровождается ярким и наглядным образом, так как в рассматриваемых языках сравнение без образного выражения практически не встречается. Например, в китайском языке есть такие конструкции, как *趋之若鹜* (букв. «ринуться стаями, как утки»); *如蝇逐臭* (букв. «налететь как мухи на зловонное»); *轻如鸿毛* (букв. «легкий, как перышко»). Подобным образом в русском языке используются, например, фразеологические единицы *как снег на голову*; *как сыр в масле*.

Во-вторых, объект сравнения часто обладает аксиологической окраской, то есть несет оценочное значение. В древнекитайском сборнике «Книга песен» [Шицзин 1987] эталонами служат, например, *сорока* и *курица*, символизирующие любовь и красоту, в то время как *крыса* и *жаба* ассоциируются с безобразием и негативом. Аналогично в русском языке могут существовать фразеологические единицы с ярким аксиологическим зарядом. Например, образ *собаки* может использоваться для выражения презрения или унижения. Таким образом, активное использование анималистических образов в обеих культурах способствует формированию многоплановых символических и оценочных значений, что важно учитывать при сравнительном анализе фразеологических единиц.

В-третьих, для создания анималистического образа используются предметы, знакомые из повседневного опыта носителей языка. Например, в русском языке выражение *как сонная муха* отражает близость образа к обыденным наблюдениям. Кроме того, выбираемые для сопоставления образы несут глубокую культурную коннотацию и обладают значимостью, поскольку их восприятие опирается на осознание национальных культурных категорий, концептов, эталонов и стереотипов. Например, в китайском языке для обозначения робости употребляют фразеологическую единицу *胆小如鼠* (букв. «трусливый, как мышь»), тогда как в русском языке аналогичной характеристикой служит фразеологизм *труслив как заяц*. Для описания большого количества предметов в китайском языке существует фразеологическая единица *多如牛毛* (букв. «много, как шерстинок у быка»), а в русском – *как собак нерезанных*. При описании состояния сильного опьянения в китайском языке используют фразеологическую единицу *烂醉如泥* (букв. «пьяный, как грязь»), тогда как в русском языке существует фразеологизм *как сапожник* [Фэн 2010: 20–21].

Таким образом, несмотря на культурные и языковые различия, процесс отбора и использования эталонных образов для сравнений в русском и китайском языках демонстрирует некоторые сходства, что связано с общими принципами формирования выразительных и образных средств в языковой картине мира.

Вместе с тем, нельзя не отметить существующие различия, особенно в сфере анималистической фразеологии. Так, по В. Ливэнь, «в китайском языке устойчивое сравнение, в отличие от русского языка, имеет две формы проявления: регулярное традиционное сравнение, встречающееся в повседневной разговорной речи китайцев, например *像驴一样倔* (букв. «упрямый как осел»); *像神仙一样妙算* (букв. «умный как Бог»), и компаративный фразеологизм – четырехсложный чэньюй с семантикой сравнения, например *胆小如鼠* (букв. «трусливый как мышь»), *面如死灰* (букв. «помертвелое лицо как пепел»)» [Ливэнь 2014: 198].

Кроме того, проанализировав примерно 200 зоонимов в русском и китайском языках, китайские исследователи пришли к заключению о том, что представители русской лингвокультуры имеют более четкое разграничение зоонимов по сравнению с китайцами. Особенно ярко это проявляется в категории рода одушевленных существительных, где понятия мужского и женского пола обладают глубокими культурными коннотациями и символическим значением [Сухуа, Гуанчжунь 2005].

Вполне логично, что «у разных национальностей возникают неодинаковые психологические переживания, разные ассоциации по отношению к одним и тем же животным, что и привело к появлению в каждом языке особенных ассоциативных образов животных, символические значения которых очень богаты, различны и даже противоречивы» [Чжэнлин 2012: 55].

Таким образом, использование анималистических образов в фразеологии русского и китайского языков обусловлено общими принципами формирования выразительных средств, таких как создание ярких, оценочных сравнений, основанных на общеизвестных предметах и образах. Несмотря на сходство в характеристиках выбора образов и их функции, существуют значимые культурно-языковые различия, проявляющиеся в уровне систематизации анимализмов, в форме и типах сравнения, а также в наличии различий в культурно обусловленных коннотациях и символическом наполнении образов. В китайском языке отмечается более дифференцированный подход к сравнению, чем в русском, что отражается в использовании как традиционных сравнений, так и четырехсложных компаративных чэньюй. В то же время, наличие устоявшихся и лингвистически закрепленных образов в обоих языках свидетельствует о глубокой взаимосвязи между культурными концептами и их языковой репрезентацией.

Выводы по главе 1

Лингвокультурология как научная дисциплина изучает взаимосвязь языка и культуры, фокусируясь на способах отражения и передачи культурных смыслов через языковые единицы, что способствует пониманию национальной картины мира и ментального комплекса носителей языка. К основным понятиям лингвокультурологии относятся *языковая картина мира*, *лакуна*, *концепт*. *Языковая картина мира* представляет собой исторически сформированную систему представлений о реальности, зафиксированных в языке и определяющих уникальное мировосприятие конкретного этноса. Это восприятие обусловлено культурным и географическим контекстом. Понятие *лакуны* относится к отсутствию или вариативности языковых и культурных единиц в различных лингвокультурах, что отражает их национальную специфику. *Концепт* выступает центральной когнитивной единицей, возникающей на основе исторического опыта и культурных традиций, и служит фундаментом для анализа национально обусловленных характеристик языковых выражений и символических значений.

Важными в рамках исследования представляются также понятия *образ*, *символ*. Они отражают устойчивые коллективные представления, стандарты оценки и знаковые образы, лежащие в основе анималистического кода и выражающие культурные смыслы через язык.

В свою очередь *анималистический код* представляет собой одну из систем национальных культурных образов и стереотипов, воспроизводимых в фразеологических единицах с анималистическим компонентом, что служит выражением культурной идентичности и исторического опыта народа. Изучение фразеологических единиц, содержащих элементы культурного кода, способствует более глубокому и осознанному постижению специфики менталитета и мировоззрения иного этноса. Наиболее наглядно данное явление проявляется в анализе фразеологических единиц с *зоонимами*, где языковые

образы отражают культурные особенности и ценностные ориентиры соответствующих сообществ.

Сравнительный анализ анимализмов в русском и китайском языках показывает общность принципов построения образов-эталонов как выразительных средств, при этом каждый язык обладает своими культурно обусловленными коннотациями и национальными особенностями. Важно, что анимализмы в исследуемых языках используются для оценочного определения человека.

ГЛАВА 2. АНИМАЛИСТИЧЕСКИЙ КОД В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Общая характеристика материала

Ключом к более глубокому постижению богатства русского языка, по мнению Т. П. Черпаковой, является тщательное внимание к языковым средствам, обеспечивающим выразительность и образность речи. Особую роль в этом играют фразеологизмы, являющиеся одними из наиболее значимых компонентов, придающих красоту и яркость русской языковой культуре (см. [Черпакова 2012]). По этой причине проблема лингвокультурологического анализа фразеологических единиц сохраняет свою актуальность и вызывает дискуссии среди ученых на протяжении последних десятилетий.

В исследовании представлен анализ образов десяти животных, обладающих наибольшей культурной значимостью для России и Китая: курица / 鸡, олень / 鹿, журавль / 鹤, лошадь / 马, дракон / 龙, муравей / 蚁, слон / 象, черепаха / 龟, феникс / жар-птица / 凤, рыба 鱼. Взаимодействие человека с животными, наблюдение за ними, изучение их повадок формируют не только культурные символы, но и способствует развитию языкового и культурного пространства, поэтому проведение систематического исследования образов представленных животных является необходимым для более глубокого понимания процессов культурной идентификации и лингвистической символики в рамках двух культурных традиций. В данной работе также особое внимание уделяется истории формирования анималистических образов, что позволяет глубже понять их значение в лингвокультурной среде, выявить корни символики.

На первом этапе исследования нами были отобраны фразеологические единицы с компонентами-зоонимами из фразеологических, толковых словарей русского и китайского языков методом направленной выборки. Материал отбирался с опорой на данные фразеологических словарей под редакцией М. И. Михельсона [1896–1912], В. Н. Телия [2009], А. И. Федорова [2008];

толковых словарей русского языка В. И. Даля [1999], С. А. Кузнецова [2003], С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [1999], Н. Д. Ушакова [2001]; словаря концептосферы русского языка Л. Г. Бабенко [2017], словаря синонимов В. Н. Тришина [2013]; русско-китайского фразеологического словаря О. М. Готлиба, М. Хуанина [2019]; фразеологического словаря китайского языка древних и современных идиом [1985]; словарей В. Тао [2007], Ю. Ши [1997]; Большого китайско-русский словаря [1983–1984; 1983]; Энциклопедии Байду.

На втором этапе исследования нами представлены контексты употребления отобранных фразеологизмов с компонентами-зоонимами. В рамках этого этапа осуществлялся анализ текстов, в которых закреплены соответствующие языковые выражения. Это необходимо для понимания функций и смыслов фразеологизмов и чэньюй в различных коммуникативных ситуациях. Анализ контекста позволяет определить, в каких условиях и с какой целью данные фразеологизмы и чэньюй используются, а также выявить их роль в формировании образов, передаче культурных ценностей. Кроме того, такой анализ способствует уточнению семантических границ фразеологизмов и чэньюй и выявлению вариативности их интерпретаций в различных текстах.

На третьем этапе исследования фразеологизмы и чэньюй, отобранные на первом этапе работы, были проанализированы с помощью платформ Google Books Ngram Viewer (далее – GBNV), Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), а также специализированных корпусов китайского языка. Онлайн-инструмент GBNV представляет собой аналитический ресурс, позволяющий выполнять глубокий поисковый анализ и визуализировать динамику встречаемости конкретных слов и выражений на основе обширной коллекции печатных текстов, охватывающих временной промежуток с 1500 по 2022 гг., собранных в базе данных Google Books. Основная функция платформы заключается в выявлении контекстов использования искомым единиц в различных книжных изданиях и отображении полученных данных на графиках, где по оси X

расположены хронологические периоды, а по оси Y – относительная частотность слова или словосочетания за рассматриваемый период. Эта относительная частотность определяется как отношение числа употреблений слова в конкретном году к общему объему слов, зафиксированных в корпусе за тот же год. Такой подход позволяет уравновесить различия в объемах данных за разные исторические периоды и избегать искажения результатов, вызванных, например, увеличением количества современных публикаций. Интерфейс GBNV обеспечивает возможности как синхронического анализа (например, оценка актуальности форм слова в настоящее время), так и диахронического исследования (отслеживание изменений употребления лексем и появление новых слов в историческом контексте). Полученные результаты удобно иллюстрировать цитатами из литературных источников и публикаций различных эпох. По умолчанию, сервис ищет точную грамматическую форму слова, введенную в поисковую строку. Доступна возможность осуществлять поиск по корпусам таких языков, как американский английский, британский английский, французский, немецкий, испанский, итальянский, русский, иврит и китайский. Платформа предоставляет широкие возможности для проведения лингвокультурологических исследований с использованием корпусных данных без сложного интерфейса и высокой технической нагрузки. В отличие от аналогичных платформ, например, НКРЯ, GBNV позволяет сравнивать результаты для разных языков. Работа с этим инструментом способствует развитию междисциплинарных навыков: построению и интерпретации графиков, прогнозированию языковых тенденций, формированию проактивной позиции в изучении языка, а также стимулирует дискуссии и поиск параллелей в родном языке иностранного студента.

Национальный корпус русского языка – это представительная коллекция текстов на русском языке общим объемом более 17 млрд. слов, оснащенная лингвистической разметкой и инструментами поиска. Онлайн-корпус русскоязычных текстов НКРЯ позволяет осуществлять систематический и

автоматизированный анализ языковых единиц, исследовать частотные характеристики лексики и грамматических конструкций, а также выявлять современные тенденции в употреблении языка. Благодаря широкому массиву текстов и продвинутым инструментам поиска, данный корпус является ценным ресурсом для лингвистических исследований.

Методологическая база исследования включает сопоставительный анализ фразеологизмов и чэньюй с компонентами-зоонимами, использование корпусных данных и автоматизированных инструментов, таких как GBNV и НКРЯ, китайские корпуса, которые позволяют выявить динамику употребления лексем за несколько веков и проследить их эволюцию в разных временных промежутках. В дополнение к этому применяются методы качественного анализа – интерпретация культурных контекстов, анализ мифологических и архетипических образов, что способствует более глубокому пониманию символической нагрузки фразеологизмов с компонентами-зоонимами. Анализ полученных результатов способствует выявлению лакун и эквивалентов между символическими образами, выраженными с помощью фразеологических единиц и чэньюй с компонентами-зоонимами.

2.2. Компонент-зооним курица

Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [1999], *курица* – это одомашненный вид птиц отряда *куриных*. Самца *курицы* называют *петухом*, а детеныша *курицы* – *цыпленком* (мн. ч. – *цыплята*). В словаре под редакцией С. А. Кузнецова *курице* даются следующие переносные значения: «1. О человеке, имеющем жалкий вид. 2. О безвольном, бесхарактерном человеке» [Большой толковый словарь русского языка 2003]. Согласно словарю В. И. Даля [1989], в русском языке встречаются следующие названия: *кура*, *курита*, *курета*, *курка*, *курочка*. Переносным значением лексемы *курицы* – *петуха* является задорный человек, забияка (см. [Ожегов, Шведова 1999]). Сходное определение находим в

словаре С. А. Кузнецова: «О задиристом, запальчивом человеке, забияке». Другие определения *петуха* в том же словаре: «о пискливом голосе, звуке, вдруг появляющемся во время пения, речи» и «пассивный гомосексуалист» [Большой толковый словарь русского языка 2003]. В словаре представлено также переносное значение лексемы *цыпленок*: «О наивном, неопытном молодом человеке (о юноше или девушке)» [там же].

Образ *курицы* имеет истоки в народных сказках, приметах и быту, способствующих формированию устойчивых стереотипов и смысловых ассоциаций. Фразеологизмы могут формироваться на основе различных ассоциаций, таких как, например, «курица – яйцо», «курица – петух», «курица – зерно».

Фразеологизмы с образом *курицы* используются для выражения разных коннотаций: *курам на смех* (разг., неодобр.) (совершенно абсурдно, крайне нелепо); *с курами ложиться* (разг., народн.) (спать рано, ложиться сразу после наступления темноты); *как кур во щи (попал)* (разг.) (случайно попасть в сложную ситуацию); *как курица с яйцом носится кто-н.* (разг., неодобр.) (настойчиво опекать или навязчиво ухаживать за кем-то); *куриная (курья) твоя голова* (перен., бранн.) (о глупом человеке); *куриные мозги у кого-н.* (перен., разг., пренебр.) (о глупом человеке); *слепая курица* (разг., шутл.) (неосмотрительность, глупость); *как курица на яйцах* (перен.) (чрезмерная бережливость); *как распуганные ночью куры* (перен.) (о нервном человеке); *кудахтая, как курица, снеся яйцо* (перен.) (о человеке, говорит много и громко).

Таблица 1 – Русские фразеологические единицы с компонентом-зоонимом *курица*

№	Источник	Фразеологизмы
1	Большой толковый словарь русского языка (под ред. С. А. Кузнецова)	С курами ложиться (разг.)

№	Источник	Фразеологизмы
2	Большой толково-фразеологический словарь М. И. Михельсона	Как кур во щи (попал) (разг.)
3	Толковый словарь С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой	Денег куры не клюют у кого (разг.); Как курица с яйцом носится кто-н. (разг., неодобр.); Как мокрая курица (разг.); Курам на смех (разг.); Куриная (курья) твоя голова (перен., бранн.); Куриные мозги у кого-н. (перен., разг., пренебр.); Пишет как курица лапой (разг., шутл.); Слепая курица (разг., шутл.)
4	Толковый словарь В. И. Даля	Как курица на яйцах (перен.); Как распуганные ночью куры (перен.); Кудахтая, как курица, снеся яйцо (перен.)

Анализ эмпирического материала способствовал выявлению следующих символов, актуализируемых во фразеологизмах русского языка.

Курица – символ хаотичности: *как курица лапой* (разг., пренебр.) – небрежно и неразборчиво; так, что нельзя понять; *Загребай тебя курица лапой!* (перм., бран., шутл., то же, что *залягай тебя курица!*) [Мокиенко, Никитина 2003: 183] – криво, неаккуратно, небрежно, неразборчиво, кое-как (писать, рисовать). Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *неразборчиво; нечетко; неотчетливо; неясно; расплывчато; кое-как; неряшливо.*

Прочитав объяснение, Адмирал ничего не понял. Почерк был – как курица лапой. Запятые отсутствовали, много зачеркиваний и исправлений... – Так, этот папирус мы оставим в таком виде, а теперь снова и под протокол [А. Михайлов. Капкан для одинокого волка (2001), НКРЯ].

Преувеличивать тоже не надо. Но мы все пишем, как курица лапой. – Можешь ли ты допустить, что этот почерк не его? – серьезно спрашивает Марина [С. Носов. Фигурные скобки (2015), НКРЯ].

Поскольку GBNV показывает частотность слов или фраз в корпусе книг за определенный период, можно проследить динамику использования выражений, связанных с образом *курицы*.

Рисунок 1 – Частотность функционирования фразеологизма *как курица лапой* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *как курица лапой* зафиксирован в 1925 г.

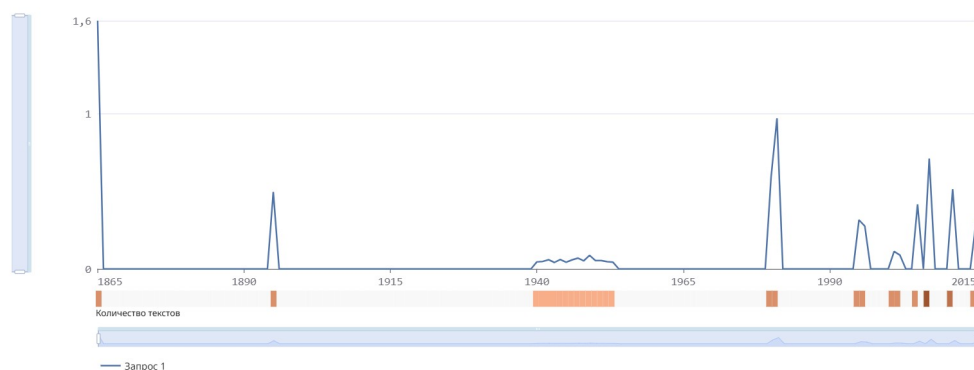

Рисунок 2 – Частотность функционирования фразеологизма *как курица лапой* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *как курица лапой* зафиксирован в 1892 г.

Курица – символ большого количества (богатство, изобилие): **куры не клюют** (разг., экспрес.) – очень много, например, денег; *курице (курочке) клюнуть (плюнуть, наступить) негде* (волг., перм., сиб.) – о большом количестве чего-л., где-л. [Глухов 1988; СОСВ; Верш; 4:342; ФСС; СФС]. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *богатый; деньги водятся; деньги шевелятся; деньги шелестят; дом – полная чаша; капиталы водятся; капиталы шевелятся; птичьего молока не хватает; птичьего молока недостает; тьма тьмущая; видимо-невидимо; пруд пруди; как грязи; полным-полно; навалом.*

*Эх, житье этим господам, право! Денег – **куры не клюют*** [Г. П. Данилевский. Беглые в Новороссии (2015), НКРЯ].

*Но это была максимальная цена. У Микульского денег **куры не клюют**. – В каталоге стоит: «Оценочная стоимость – триста тысяч долларов», вот, – напомнил переводчик вопреки своим правилам (он давно уже держал каталог открытым)* [М. Гиголашвили. Чертово колесо (2007), НКРЯ].

*В конце концов, мог бы и у кого-то другого эти деньги взять. Как будто у тебя денег **куры не клюют**. Целуем тебя крепко. Не звони часто* [А. Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001, НКРЯ].

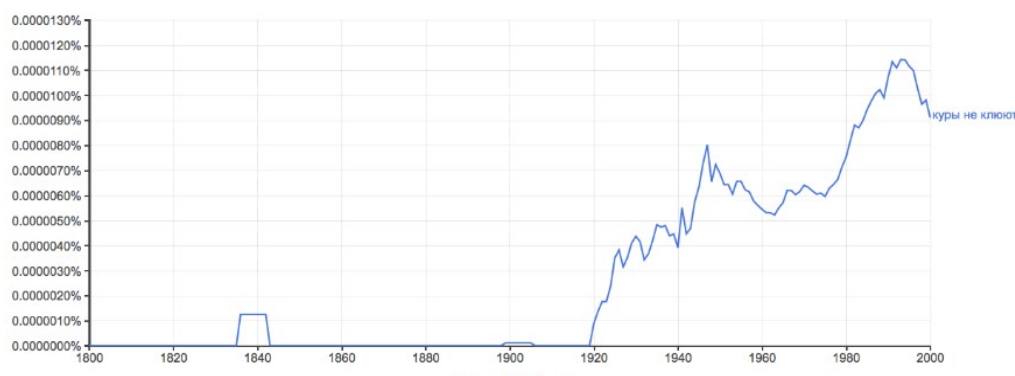

Рисунок 3 – Частотность функционирования фразеологизма **куры не клюют** в русском языке по данным GBV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *куры не клюют* зафиксирован в 1836 г.

Рисунок 4 – Частотность функционирования фразеологизма *куры не клюют* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *куры не клюют* зафиксирован в 1824 г.

Курица – символ безвольного / жалкого человека: *мокрая курица* (разг., пренебр.) – о человеке, имеющем жалкий, беспомощный, неряшливый вид, или о безвольном, бесхарактерном человеке; *вареная курица* (прост., пренебр.) – о вялом, апатичном человеке; *слепая курица* (разг., укор.) – о плохо видящем человеке. 1. О жалком, беспомощном человеке [БМС 1998; БТС; ДП; Максимов]. 2. О безвольном, бесхарактерном человеке [БМС 1998; ДП]. 4. Вид карточной игры. 5. Проигравший в карточную игру [Большой словарь русских поговорок]. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *баба*; *кисляй*; *размазня*; *слизняк*; *слюнтяй*; *трус*; *трусиха*; *трусиха*; *тряпка*; *хлюпик*.

– Визионер хренов! **Мокрая курица!** Вы исторический консультант, а не экстрасенс из Скворцова-Степанова. Как могли оказаться тут летом 1912 года Вадим и Даниил Андреевы? [Н. Галкина. Вилла Рено // «Нева», (2003), НКРЯ].

Она больше не производила впечатления стервы. **Мокрая курица** – вот на кого была похожа высокомерная посетительница Клуба Кары. Белые волосы выбились из-под капюшона свалывшимися перьями. Нос был расцарапан и заметно опух [М. Дяченко, С. Дяченко. Магам можно все (2001), НКРЯ].

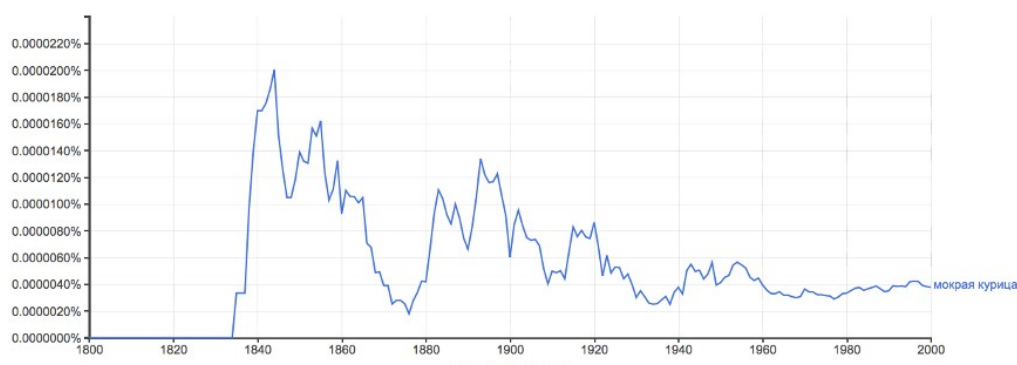

Рисунок 5 – Частотность функционирования фразеологизма *мокрая курица* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *мокрая курица* зафиксирован в 1835 г.

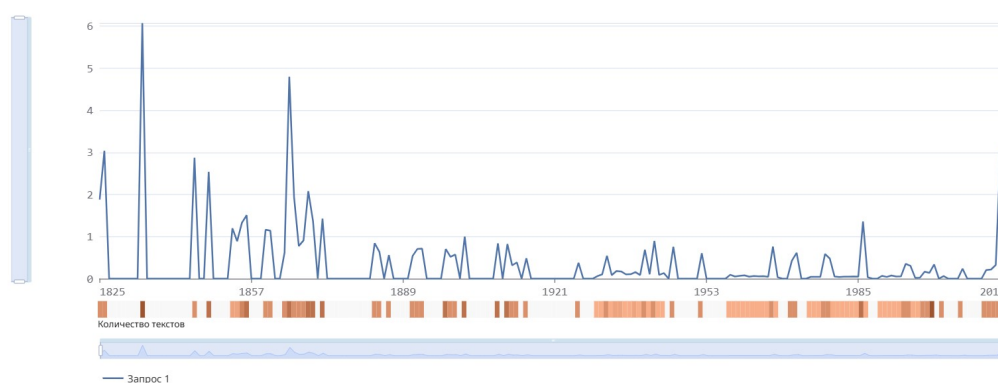

Рисунок 6 – Частотность функционирования фразеологизма *мокрая курица* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *мокрая курица* зафиксирован в 1822 г.

Курица – символ глупости: *куриные мозги* (перен., разг., пренебр.) – иметь ограниченный ум. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *куриная (курья) твоя голова* (перен., бранн.); *звезд с неба не рвет*; *звезд с неба не хватает*; *недалекий*; *недалекого ума*; *ограниченный*; *узколобый*; *идиот*; *птичьи мозги*; *цыплячьи мозги*.

– Ты понимаешь, всему приходит конец. И моему терпению тоже. У них же **куриные мозги**, они не видят ничего дальше собственного носа [А. Торин, Дурная компания (1997), НКРЯ].

Мне велено передать ей из рук в руки. **Куриные мозги** желают, видите ли, получить от нее расписку. Иначе она спать спокойно не сможет [Дж. Х. Чейз. Он свое получит (2009), НКРЯ].

На этот вопрос из ванной выскочила Анна Карловна и закричала на мужа в ответ, обращаясь к нему почему-то на «вы»: – Вы дурак! Вы кретин! У вас **куриные мозги**! [Д. Липскеров. Последний сон разума (2005), НКРЯ].

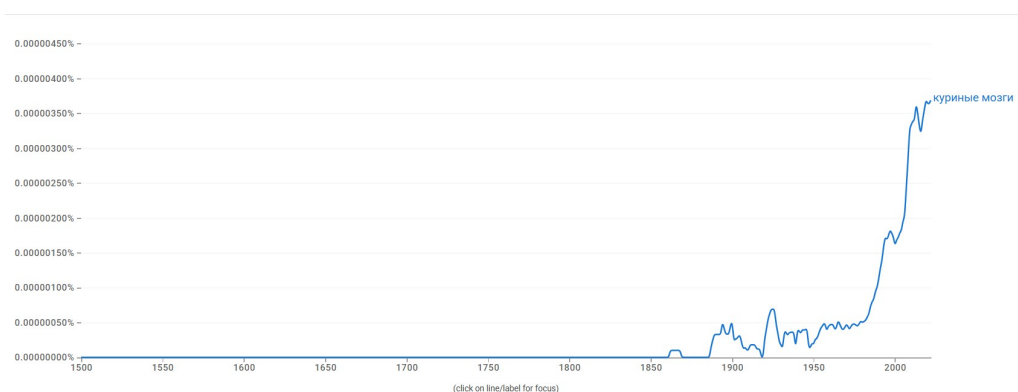

Рисунок 7 – Частотность функционирования фразеологизма *куриные мозги* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм **куриные мозги** зафиксирован в 1862 г.

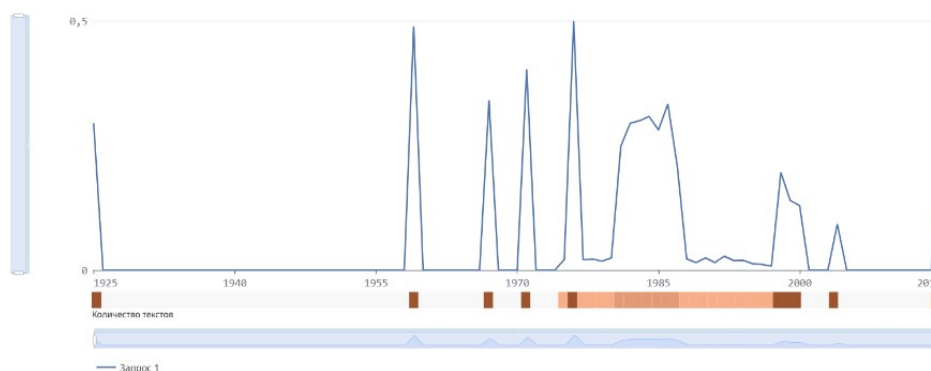

Рисунок 8 – Частотность функционирования фразеологизма *куриные мозги* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *куриные мозги* зафиксирован в 1897 г.

Курица – символ нелепости: курам на смех (разг., неизм.) – что-то крайне нелепое, бессмысленное, глупое и заслуживающее насмешки. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *животики надорвешь; и в цирк ходить не надо; лопнешь со смеху; никуда не годится; никуда не годный; обсмеешься; обхохочешься; просто смех; прямо смех; смех, да и только; смехота; смеху подобно; смешно; цирк; цирк, да и только.*

Три копейки? Курам на смех. Ты прикидывала, как жить-то тогда будем? [А. Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир» (2001), НКРЯ].

Иногда я зарабатывал много денег, иногда – курам на смех [В. Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963). НКРЯ].

А улов-то за столько дней – курам на смех, а? [В. Аксенов. Звездный билет // «Юность» (1961), НКРЯ].

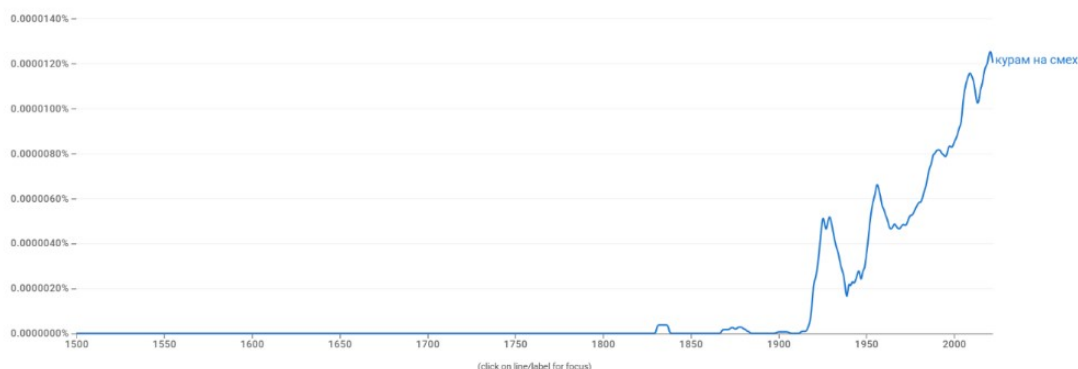

Рисунок 9 – Частотность функционирования фразеологизма *курам на смех* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *курам на смех* зафиксирован в 1831 г.

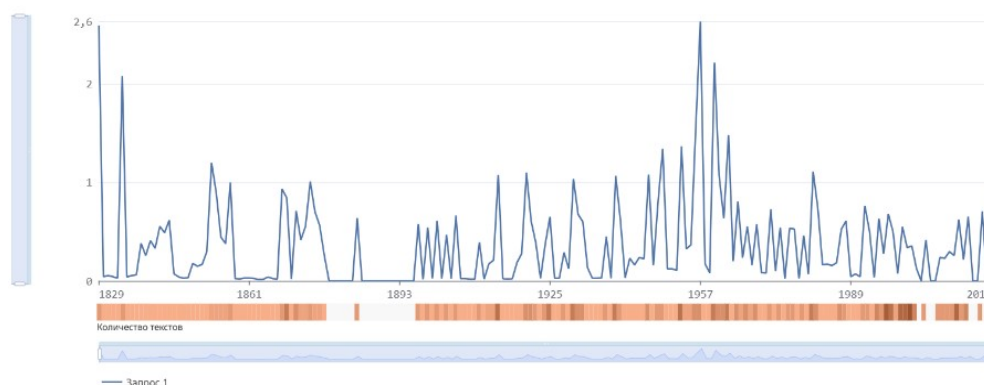

Рисунок 10 – Частотность функционирования фразеологизма *курам на смех* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *курам на смех* зафиксирован в 1829 г.

Курица – символ чрезмерности / суетливости: *как курица с яйцом* (разг., неодобр.) – уделять кому-то или чему-то чрезмерное, излишнее внимание, часто бесполезное или необоснованное. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *как курица на яйцах* (перен.); *возиться*; *носиться*; *носиться как дурак с писаной торбой*; *носиться как дурень с писаной торбой*; *носиться как с писаной торбой*; *нянчиться*; *тетешкаться*; *уделять много внимания*.

Ещё не отдавая себе отчёт в собственных переживаниях, не формулируя для себя происходящего, я носилась с тобой, как курица с яйцом, стараясь уберечь, поддержать, направить... [Т. Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть (2011), НКРЯ].

Заведется у вас страданице – вы с ним как курица с яйцом носитесь [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1865–1866), НКРЯ].

Он тоже всегда носился, как курица с яйцом, со своей идеей – человек, человек, человек! [А. Вайнер, Г. Вайнер. Лекарство против страха (1987), НКРЯ].

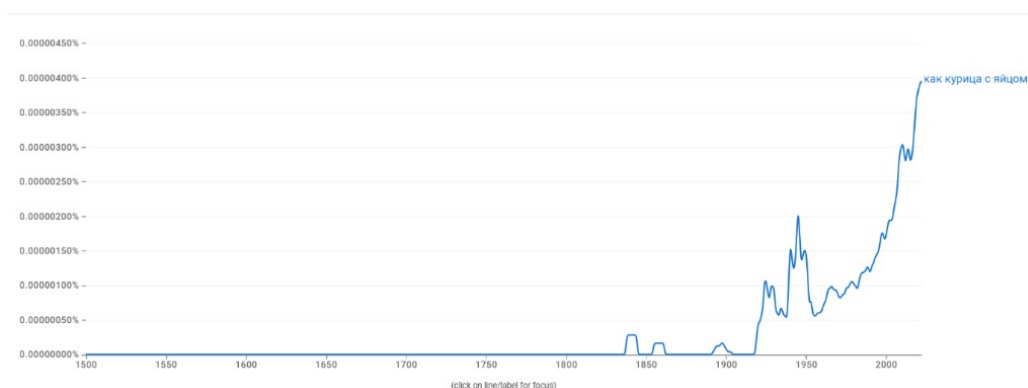

Рисунок 11 – Частотность функционирования фразеологизма *как курица с яйцом* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *как курица с яйцом* зафиксирован в 1838 г.

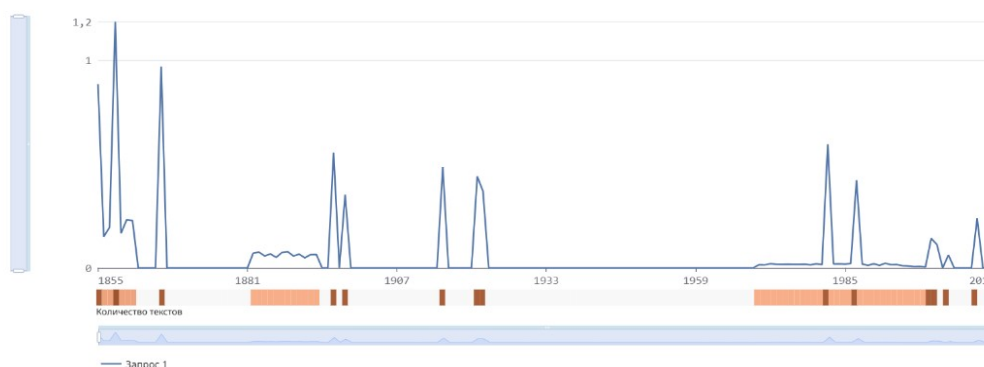

Схема 12 – Частотность функционирования фразеологизма *как курица с яйцом* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *как курица с яйцом* зафиксирован в 1850 г.

Курица – символ неловкой ситуации: как кур во щи (попал) (разг.) – неожиданно оказаться в неловкой, глупой или затруднительной ситуации, в передрыге, оказаться в беде не по своей вине. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *попасть в переплет; вляпаться; влипнуть; угодить в историю; попасть впросак; впутаться*.

Ну, тетка и попала тоже как кур во щи: вопила, ругалась, врала по мере надобности, в частности про то, что ранка была небольшая и уже зажила,

тыкала пальцем в старый шрамчик на руке и еще кричала, что она, как честная советская женщина, написала для пользы дела, а ее за то наказывают в живот [Г. Троепольский. Белый Бим черное ухо (1971), НКРЯ].

И во все это я попадаю **как кур во щи**, и Никита, втянувший меня во все это, пишет мне, что именно я «*bête noire*» [А. Шмеман. Дневники (1973–1983), НКРЯ].

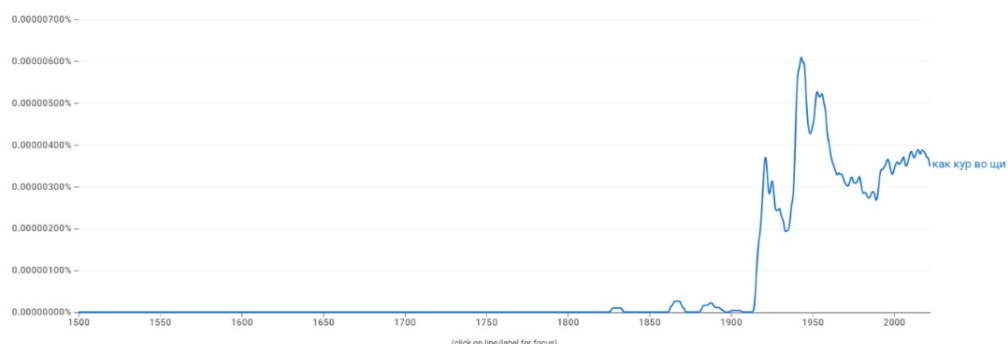

Рисунок 13 – Частотность функционирования фразеологизма *как кур во щи* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм **как кур во щи** зафиксирован в 1827 г.

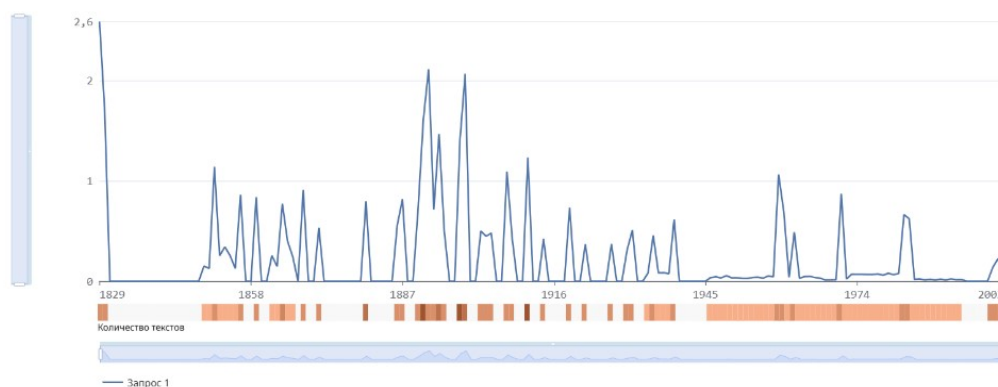

Рисунок 14 – Частотность функционирования фразеологизма *как кур во щи* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм **как кур во щи** зафиксирован в 1850 г.

Курицы также нередко становятся символами позднего сна: *с курами ложиться* (разг.); а *петухи*, напротив, раннего пробуждения: *до петухов* или *с петухами* (встать, подняться) (разг.).

З. рад, но вернуться к нормальной жизни уже не может, ибо ложиться с курами и тихо ходить он привык и не говорит о болезни ему уже скучно [А. Чехов. Записная книжка IV (1890–1900), НКРЯ].

Живу в деревне, – ответил Тропаров. Ложусь с курами. Рассвет я часто встречаю, но только после крепкого сна. Наоборот, я люблю работать ранним утром [Б. Пильняк. Собрание сочинений: Мать-мачеха (1930), НКРЯ].

Когда я его слышал, на душе становилось спокойно – и сон был крепким, до петухов [С. Кара-Мурза. «Совок» вспоминает свою жизнь (1998), НКРЯ].

Таким образом, образ *курицы* выступает символом, который через фразеологические единицы передает определенные социальные характеристики, эмоциональные оценки и народные стереотипы в русской языковой картине мира.

2.3. Компонент-зооним олень

Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [1999], *олень* – это крупное парнокопытное животное с ветвистыми рогами. Самкой *оленя* является *олenuха*. Детеныша *оленя* называют *оленинком* (мн. ч. – *оленьята*). Лексема *олень* в словаре под редакцией С. А. Кузнецова имеет следующие значения: «Жвачное парнокопытное млекопитающее с ветвистыми рогами» [Большой толковый словарь русского языка 2003]. Согласно словарю В. И. Даля [1989], детеныша *оленя* также могут называть *олений теленок*, *неблюй*, *пыжик*, *олешек*, *олешки*. По В. И. Далю *олень* – это также 1. «Северная хороводная и святочная игра, в которой девки с песнями ходят вокруг парня, который собирает с них по платочку и берет после выкуп» [Толковый словарь живого великорусского языка 1989]; а также 2. «Жук-олень, самый большой в Европе, лукан, рогач, со жвалами в виде оленьих рогов» [там же].

Наиболее характерные качества *олень* – это стремительность, грация, красота. Образ *олень* часто связывают с поэзией – так, «в стихотворении М. И. Шульгина подчеркнуто обращение: “Друг мой – северный *олень*”, что отражает тесную духовную связь человека и *олень*, реализует метафору “*олень* – солнечная стрела”, указывает на стремительность, быстроту *олень*» [Руднева, Короб 2022: 77]. В поэзии Е. Д. Каксиной и М. И. Шульгина *олень* предстает как символ солнца, его рога сравниваются с ветвями, что имеет культурные корни в мифологии и отсылает к образу мирового древа. Солярный код, реализуемый через образ *олень*, также широко распространен среди народов Евразии и Америки.

В современном молодежном сленге *олень* в переносном значении нередко используется с пренебрежительной коннотацией и может означать человека с простоватым, прямолинейным и безынициативным характером, однако данный тезис не нашел подтверждения в авторитетных словарях русского языка.

Таблица 2 – Русские фразеологические единицы с компонентом-зоонимом *олень*

№	Источник	Фразеологизмы
1	Большой толковый словарь русского языка (под ред. С. А. Кузнецова)	Хвать оленя за рога – ан рассоха в руках! (посл.); Хочешь оленя за рога поймать – а он в лес (посл.); Где два оленя прошло, там тунгусу большая дорога (посл.)
2	Большой толково-фразеологический словарь М. И. Михельсона	Олень златорогий (иноск., сказочн.)
3	Толковый словарь В. И. Даля	Олень (елень) быстра, не коню сестра (посл.); Елень на источники водные

Олень – символ дружбы / не дружбы: *олень (елень) быстра, не коню сестра* (посл.) – кто-то не равен другому или не является его ровней, подчеркивая различие в статусе, силе или достоинствах. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *конь горбат, не мерину брат; чужой человек; посторонний; ни сват ни брат*.

Купил мужик корову, ан вышел бык; ин так и быть. Конь горбат, не мерину брат. Елень быстра, не коню сестра. Высохло море, а все не луже брат (чета). Пришить хвост, так настоящий пес [Толковый словарь живого великорусского языка 1989].

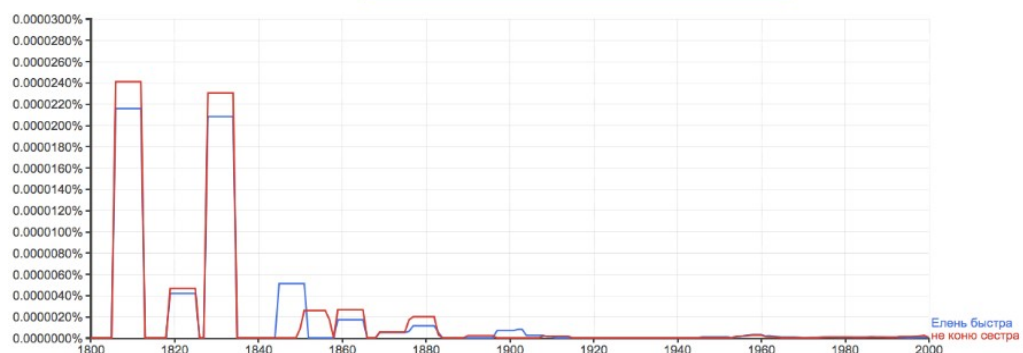

Схема 15 – Частотность функционирования пословицы *елень (елень) быстра, не коню сестра* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV пословица *елень (елень) быстра, не коню сестра* зафиксирована в 1806 г., а в исследовательском корпусе НКРЯ эта пословица не зафиксирована.

Елень – символ духовной любви: елень на источники водные (полная версия из Библии – *имже образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к Тебе Боже*) – сравнение, которое подчеркивает духовную потребность человека в Боге, как физиологическую потребность в воде для выживания. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *жизненно необходим; без него не прожить; без него нельзя; без него никак; крайне нужен; без него как без рук; как рыба без воды; жизненно важно; крайне необходимо; непременно; обязательно; необходимо как вода.*

И ныне, верь мне – только здесь нахожу я покой, только сюда удаленный внемлю я гласу души моей, как елень на источники водные, стремящейся в небесную отчизну свою! [Н. А. Полевой. Повесть о Симеоне суздальском князе (1828), НКРЯ].

Потом бежит искать воды напиться, и если не найдет, умирает; яко же глаголет и Давид: им же образом желает елень на источники водные и т. д.
[Ф. И. Буслаев. Русские духовные стихи (1861), НКРЯ].

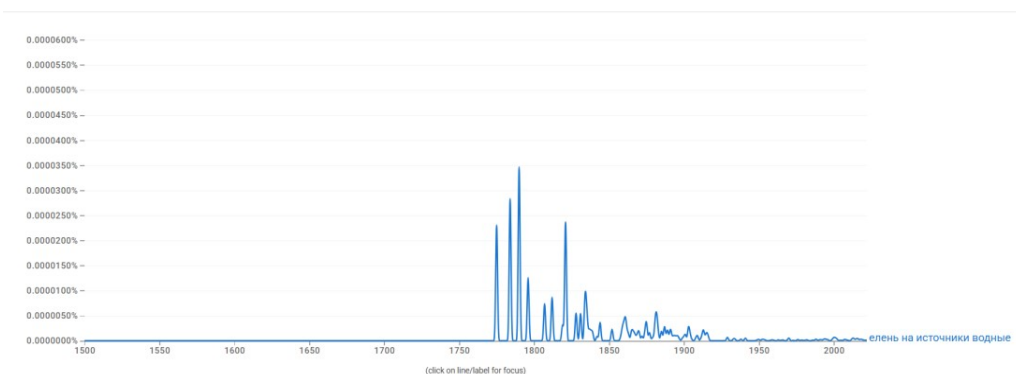

Рисунок 16 – Частотность функционирования пословицы *елень на источники водные* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV пословица *елень на источники водные* зафиксирована в 1775 г.

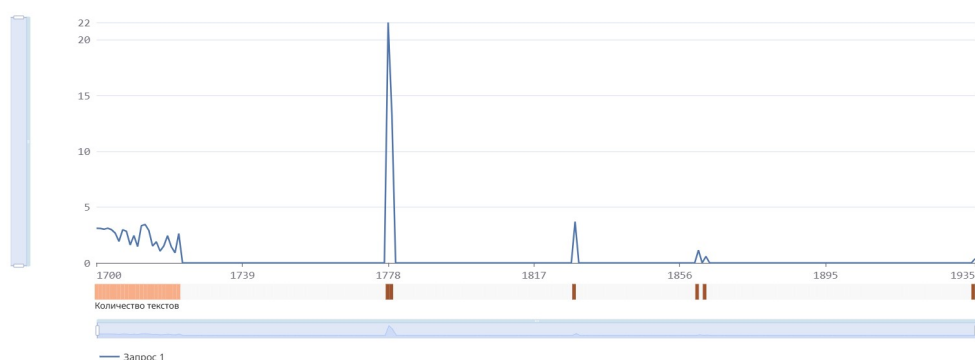

Рисунок 17 – Частотность функционирования пословицы *елень на источники водные* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ пословица *елень на источники водные* зафиксирована в 1682 г.

Таким образом, образ *олень* – это сложный и многогранный символ, являющийся выражением мировоззренческих и духовных ценностей народов России.

2.4. Компонент-зооним журавль

Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [1999], *журавль* – это большая болотная птица с длинными ногами и длинной шеей. Самкой *журавля* является *журавлиха*. Детеныша *журавля* называют *журавликом* или *журавленком* (мн. ч. – *журавлята*). По С. И. Ожегову, Н. Ю. Шведовой бумажный самодельный *журавлих* в Японии является символом памяти о погибших во время атомных бомбардировок. В словаре находим также некоторые образы, связанные с *журавлем*: *журавлиная* походка, *поступь* (также перен.: размеренная и важная), *журавлиный* шаг (также перен.: при маршировке: с выбрасыванием вперед несогнутой ноги), *журавлиные* ноги, шея (перен.: длинные). Лексема *журавль* в словаре под редакцией С. А. Кузнецова имеет следующее переносное значение: «Длинный шест у колодца, служащий рычагом при подъёме воды» [Большой толковый словарь русского языка 2003]. Согласно словарю В. И. Даля [1989], в русском языке встречаются названия *журав*, *журавель*, *жура*, *журка*, *журанька*, *журочка*, *журушка*, *жерав*, *жоравь*.

В русской языковой картине мира *журавли* считаются божьими посланниками, предвестниками счастья, радости. Люди издревле верили, что птицы по осени уносят души усопших, а весной сопровождают души младенцев, которым вскоре суждено родиться. В словаре В. И. Даля зафиксировано немало пословиц с образом *журавля*: *и журавль тепла ищет; одна у журавля дорога: на теплые воды; журавль прилетел и теплынь принес; стало тепло, так и журка прилетел; а он говорит: я принес потоп кораблям, песок журавлям; журавль не каша, еда не наша; не сули журавля в год, а хоть синичку, да в рот; не сули журавля в небе, а дай синицу в руки; журавль в небе, не добыча; журавли-то в небе, а яйца-те в дупле; журавль межи не знает, а через ступает (шагает); журавль летает высоко, да видит далеко; хоть тресни синица, а не быть журавлем; велика птица, журавица, да мала птичка перепеличка; кто когда хочет, а журавль ко спасу* [Толковый словарь живого великорусского языка 1989].

С образом журавля также связаны народные приметы: *журавли летают высоко – к ненастью; если журавли полетят к третьему спасу, то на покров будет мороз, а нет, то зима позже* [там же]. По отлему и прилему журавлей судили о приближении зимы и весны. Наблюдение журавлиной стаи считается знаком грядущего пополнения семейства или долгожданной встречи с родственниками. Улетающий осенью клин журавлей символизирует тоску по родному краю: «русские ассоциируют мигрирующих журавлей с людьми, которые покидают свое родное место в поисках лучшей жизни, и это отражено в следующих пословицах: *Прощай, матушка Русь: я к теплу потянусь* (говорит журавль на отлете); *И кулик чужу сторону знает. И журавль тепла ищет*» [Хо 2021: 436]. Считалось, что нельзя беспокоить покой птиц, убийство журавля и вовсе большой грех в славянской мифологии: древние люди верили, что согрешившего человека и его семью ждут несчастья и смерть.

Таблица 3 – Русские фразеологические единицы
с компонентом-зоонимом *журавль*

№	Источник	Фразеологизмы
1	Большой толковый словарь русского языка (под ред. С. А. Кузнецова)	Журавль в небе (перен.)
2	Большой толково-фразеологический словарь М. И. Михельсона	Журавлиным шагом выступать (иноск.)
3	Толковый словарь С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой	Журавлиная походка, поступь (перен.); Журавлиный шаг (перен.); Журавлиные ноги, шея (перен.)
4	Толковый словарь В. И. Даля	Журавль межи не знает, а через ступает (шагает) (посл.); И журавль тепла ищет (посл.); Одна у журавля дорога: на теплые воды! (посл.); Журавль прилетел и теплынь принес (посл.); Стало тепло, так и журка прилетел; а он говорит: я принес!

№	Источник	Фразеологизмы
		(посл.); Потоп кораблям, песок журавлям (посл.); Журавль не каша, еда не наша! (посл.); Журавль ходит по болоту, нанимается в работу (посл.); Перемерял журавль десятину, говорит: верно! (посл.); Пошел бы журавль в мерщики, так не берут; а в молотильщики не хочется (посл.); Журавль летает высоко, да видит далеко (посл.); Велика птица, журавица, да мала птичка перепеличка (посл.); Через сине море журавлиное горло? перевесло на посуде (посл.); Кто когда хочет, а журавль ко спасу (посл.); Журавлиная походка не нашей стати, гордая (посл.); Ивиковы журавли (перен.); Журавль сапоги дал кому (перен.); Журавлиным шагом выступать (разг.); Журавль в небе, не добыча (посл.); Журавли-то в небе, а яйца-те в дупле (посл.); Лучше синица в руках, чем журавль в небе (посл.); Поймать журавля в небе (посл.); Не сули журавля в год, а хоть синичку, да в рот (посл.); Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки (посл.); Хоть тресни синица, а не быть журавлем! (посл.); Лучше синица в руках, чем журавль в небе (посл.).

Журавль – символ недостижимости: журавль в небе (перен., разг., экспрес.) – о чем-либо далеком, недостижимом. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *недосягаемый; недоступный; непостижимый; невозможный; нереальный; иллюзорный; утопический*.

Журавль в небе – *птица, конечно, красивая. Но прокормит и оденет вас не он, а маленькая синичка в руках* [А. Шубин. Путь к благополучию (2000), НКРЯ].

Синичка испуганно вспорхнула и исчезла с подоконника. – Лучшие синица в руках, чем журавль в небе, – нравоучительно проговорила патронесса. – Ты не думай, что я только о своей выгоде пекусь. Да, на французе можно хорошо заработать [С. Романов. Парламент (2000), НКРЯ].

И как раз на Никольской (в то время – улице 25 Октября) освободился целый этаж: вышла «Строительная газета». Конечно, хорошо бы особнячок отдельный, но это – журавль в небе. Отправил я туда чуть ли не всю редакцию: смотрите, решайте. Поехали, поохали: почти каждому выходит по комнате [Г. Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды (1999), НКРЯ].

Рисунок 18 – Частотность функционирования фразеологизма *журавль в небе* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *журавль в небе* зафиксирован в 1917 г.

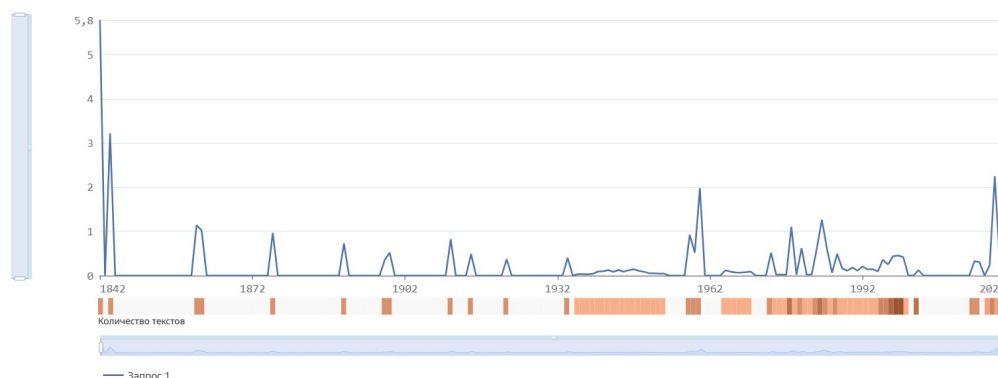

Рисунок 19 – Частотность функционирования фразеологизма *журавль в небе* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *журавль в небе* зафиксирован в 1822 г.

Журавль – символ смекалки: *журавль межи не знает, через нее ступает* – о смекалке того, кто не соблюдает установленных правил и границ, потому что действует по своей природе, гордо и свободно, что может символизировать человека, который не скован условностями и идет своим путем, или же, в другом контексте, указывать на нарушение границ. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *безграничность; наглость; смекалка; бесцеремонность; вольница; нарушение границ.*

Межа хуже ножа. Живи не тужи: теперь нет межи. Межи да грани – ссоры да брани. Трактор – меже смерть. Журавль межи не знает, через нее ступает [П. А. Соловьев. Межевые инженеры, GBNV].

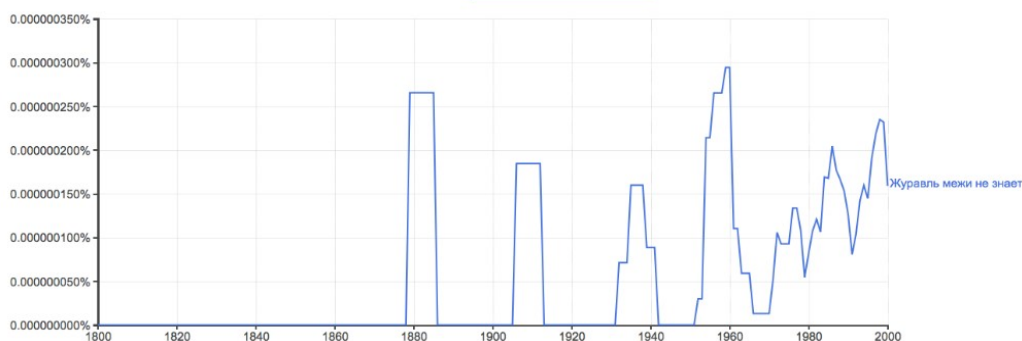

Рисунок 20 – Частотность функционирования фразеологизма *журавль межи не знает* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *журавль межи не знает, через нее ступает* зафиксирован в 1879 г., а в исследовательском корпусе НКРЯ данный фразеологизм не зафиксирован.

Журавль считается посланником богов, символом счастья, памяти и тоски по родным краям. В народных приметах и пословицах *журавль* представляет собой образ недостижимого или мечты, а также неукротимой смекалки и свободолюбия. В то же время, как символ, он связывается с важными природными явлениями,

такими как смена сезонов, и считается охраняемым и священным в славянской мифологии. Во фразеологизмах *журавль* обозначает что-то недостижимое или нереальное, символизирует смекалку или нарушение границ, показывая его двойственную роль как высокого вдохновения и свободолюбия. Таким образом, *журавль* выступает многогранным символом, отражая как идеалы, так и предостережения.

2.5. Компоненты-зоонимы лошадь / конь

В исследовании номинации *лошадь* и *конь* не рассматриваются как различающиеся категории; фразеологические единицы с этими лексемами анализируются в составе единой группы. Кроме того, в данную группу включены фразеологизмы с лексемами *жеребец*, *кобыла*, *кляча* и *мерин*, поскольку в словарных источниках все они классифицируются под обобщающим обозначением особой семейства *лошадиных* – *лошадь*. Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [1999], *лошадь* – это крупное непарнокопытное животное семейства *лошадиных*. Молодой самец *лошади* называется *жеребец*, а самка – *кобыла*. Детенышей называют *жеребятами*. Взрослый самец *лошади* (и в целом *лошадь*) называется *конь*. В словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой находим некоторые образы, связанные с *лошадью*: *лошадиное здоровье* (перен.: очень крепкое); *лошадиное лицо* (перен.: с тяжелой и. вытянутой нижней частью); *лошадиная сила* (единица мощности двигателя, машины, равная 736 ваттам); *лошадиная фамилия* (разг., шутол.: о том, что хорошо знакомо, но никак не удается вспомнить; по одноименному рассказу А. П. Чехова).

Определение *лошади* у С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой практически совпадает и для *коня*, однако в словаре можно найти другие обозначения лексемы *конь* – «2. В шахматах: фигура, изображающая конскую голову на высоко изогнутой шее. <...> 3. Гимнастический снаряд для маховых упражнений и опорных прыжков» [там же]. Самка, то есть *кобыла* в переносном значении – это

1) рослая, нескладная женщина; 2) в старину: скамья, к которой привязывали подвергаемого телесному наказанию. В словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой находим образ, связанный с *конем*: *конский волос* (перен.: у человека очень густые, длинные волосы, похожие на конский хвост или гриву).

Лексема *лошадь* в словаре под редакцией С. А. Кузнецова имеет следующие определения: «<...> 2. Разг.-сниж. О ком-либо, обладающем какими-либо качествами, свойственными такому животному (силой, работоспособностью и т. п.)» [Большой толковый словарь русского языка 2003]. В словаре В. И. Даля *конь* определяется как «то же, что и *лошадь*», при этом с особой отметкой выделяется понятие *верховой лошади* [Даль 1989]. Плохую, изнуренную *лошадь* называют *клячей*, а смиренного, крощенного (то есть кастрированного) *жеребца* – *мерином* [там же].

Образ *лошади* часто встречается в традиционной русской народной культуре в оформлении крестьянских построек, орнаментах предметов домашнего обихода, в народных верованиях, обрядах, в художественной литературе. Этот образ связан с культом плодородия и солнцем, которое уподобляли небесному коню, бегущему по небосводу. В образе *коня* олицетворяется природа во всех своих проявлениях. *Кони* в традиции славян – спутники Богов, их упоминают в древних заговорах, загадках, пословицах и поговорках. Слово *лошадь* заимствовано из тюркского языка, тогда как *конь* и *жеребец* имеют древнеславянское происхождение. *Конь* – покровитель Купала; он объединяет стихии огня и воды, земли и воздуха, света и тьмы. *Кони* в традиции славян – это всегда герои сказок, былин, легенд, верные и надежные спутники богатырей. *Кони* покоряют пространства и времени, способны совершать путешествия по небесам и даже между мирами.

На протяжении долгого периода образ *лошади* был и остается символом работоспособности, выносливости, однако, по мнению некоторых исследователей, «*лошадь*, некогда незаменимая в домашнем хозяйстве, сегодня потеряла ценность основной тяговой силы, так как фермеры широко используют машинно-

тракторную технику, поэтому использование соответствующей метафоры при оценке человека, выполняющего какую-либо работу с огромным напряжением, теряет свою актуальность» [Горшунов 2022: 130–131]. Тем не менее, образ *лошади* по-прежнему сохраняет свою символическую значимость в культурных и художественных контекстах, отражающих силу, грацию, стойкость. Он продолжает использоваться в метафорических выражениях для обозначения физических и моральных качеств человека, а также служит важным культурным архетипом, воплощающим идеалы трудолюбия и терпения. Кроме того, в современной культуре и искусстве *лошадь* часто выступает как символ свободы, скорости и индивидуальности, что подтверждает ее многогранность и актуальность в культурной символике.

Таблица 4 – Русские фразеологические единицы с компонентом-зоонимом

лошадь (конь)

№	Источник	Фразеологизмы
1	Толковый словарь С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой	Конский волос (перен.); Конь не валялся у кого-н. (разг.); Лошадиная фамилия (разг., шутл.); Лошадиное здоровье (перен.); Лошадиное лицо (перен.); На коне (перен.); Не в коня корм (прост.); Ну и лошадь эта баба (разг.); По коням! (перен., разг.); Пришей (не пришей) кобыле хвост (прост.); Работать как лошадь (разг.); Рабочая лошадка (разг.); Темная лошадка (разг.); Ход конем (перен.)
2	Большой толковый словарь русского языка (под ред. С. А Кузнецова)	На (белом) коне въехать куда (разг.); Троянский конь (перен.)
3	Толковый словарь В. И. Даля	Лошади чужие, хомут не свой – погоняй, не стой! (посл.); Лошадка быстра, а от хвоста не уйдет (посл.); Лошадка в хомуте везет по можете (посл.); Лошадка с ленцой хозяина бережет (посл.); Лошадку через шлею валит (посл.); Лошадь зарывала Христа в солому, свинья отрывала (посл.); Лошадь и немала, да обычаем пропала: ты с хомутом, а она и шею протянула (посл.); Лошадь молодая: первая

№	Источник	Фразеологизмы
		голова на плечах, и шкура не ворочена (посл.); Лошадь молодую покупай, а за старую денег не теряй (посл.); Лошадь от кошки сохнет, от собаки добреет (посл.); Лошадь рьяна, когда не обротана, а как запряжешь, с места не собьешь (посл.); Лошадь с ходой в пути не товарищ (посл.); Лошадь человеку крылья. Возит воду, возит и воеводу (посл.); Лошадь, что жернов: все мало корму (посл.); Божья лошадка (посл.); Ставить / поставить на верную лошадку (посл.); Менять лошадей (коней) на переправе (посл.); Пригнать лошадей (посл.); На кривой лошади не объедешь кого (посл.); Соскочить с [хорошей] лошади (посл.); Белую лошадь из-за куста не видно (посл.); Кормить лошадь девками (посл.); Лошадь в рот заехала кому (посл.); Лошадь первого хомута (посл.); Ставить / поставить не на ту лошадь (посл.); Нам бы лошадка ружье везла, а мы бы за ней и пеши шли (посл.); Под ножку и лошадь валяют, веревкой под переднюю ногу и через хребет (посл.); Не ложкой, а едоком, не лошадью, а ездоком, берут (посл.); Добрую лошадь одной рукой бей, другою слезы утирай (посл.); Сытая лошадь меньше съест (посл.); И с сытой лошади тень тоща (посл.); Видел мужик во сне хомут – не видать ему лошадки до веку! (посл.); Счастье не лошадь: не везет по прямой дорожке (посл.); На лошадь не плеть покупают, а овес (посл.); Не лошадь везет, а хлеб (или овес) (посл.); Казак сам не ест, а лошадь кормит (посл.); Не корми лошадь тестом, да не нудь ездом (посл.); Не потчуй лошадь ездом, а корми тестом; не гладь рукой, посыпай мукой (посл.); То лошади и холя: пой да катай, а овса не давай! (посл.); Не дорога лошадь, коли у кого бабушки во дворе нет (посл.); Жила лошадь у семи попов, по семи годов, стало ей семь годов (посл.); На худой лошадке поскорей в сторонку (посл.); На семь деревень одна лошадь (посл.); Лошадь (кобыла) с волком тягалась, хвост да грива осталась! (посл.); Целы ль сани, а лошади пропали (посл.); На чужой лошадке, да верть в сторонку, на краденой (посл.); В ссуду жена никогда не дается, а лошадь – смотря по человеку

№	Источник	Фразеологизмы
		(посл.); Игрёную лошадь за рекою купи (посл.); Не купи у цыгана лошади, не бери у попа дочери (посл.); С чем лошадь покупается, то с нее не сымается (посл.); Лошадь холь, корми как сына, а берегись как ворога (как вора) (посл.); Кто донских лошадей объезжает, тот отца и мать не почитает (посл.); Калмыцкую лошадь один только калмык и переупрямит (посл.); К собаке сзади подходи, к лошади спереди (посл.); Ты боишься лошади, а она тебя боится (посл.); И лошадь кашляет (посл.); На потную лошадь овод валится (посл.); Нет такой лошади, чтобы не спотыкалась (посл.); Большая лошадь хозяину не ко двору: травы не достанет (посл.); Шутник покойник: помер во вторник, а в среду встал да лошадку украл! (посл.); Поедешь на той лошадке, что самого ездока погоняет (посл.); Две лошади белые, третья голая, вздор (посл.); Домовой лошадь изломал, крестец надсадил, а подворотню протацил (посл.); Лошадь ржет – хоть обругай ее, да здравствуй! (посл.); Домовой (или дедушка, суседко) лошади гриву завил (посл.); Выше лошади, ниже собаки? седло (посл.); Волга матушка добрая лошадка: все везет! (посл.); Не конь везет, Бог несет (посл.); Конь не выдаст, и враг не съест (посл.); Жалеть коня, истомить себя (посл.); Кто коней меняет, у того хомут гуляет (посл.); Добр конь, да копыта отряхивает (посл.); Где конь ложится, тут и шерсть валится (посл.); Счастье не конь (не кляча): хомута не наденешь, или: не взнуздаешь (посл.); Кто в кони пошел, тот и воду вози (посл.); Счастье на коне, несчастье под конем (посл.); Счастливый на коне, несчастный пеш (или под конем) (посл.); Хотелось на коня, а досталось под коня (посл.); Пропал конь, так и оброт в огонь! (посл.); Увели коня, так возьмите и оброт (посл.); Куда конь с копытом, туда и рак с клешней (посл.); Весело коням, когда скачут по полям (посл.); Хорош конь, хорош и дatina (посл.); Конь до коня, а молодец до молодца (посл.); Добрый конь не без седока (не без корму) (посл.); Чей конь, того и воз (посл.); Даровому коню в зубы не смотрят (посл.); Непродажному коню и

№	Источник	Фразеологизмы
		цены нет (посл.); С чужого коня и среди грязи долой (посл.); Спит, как коней продавши, напившись с могоарычей (посл.); Заемщик на коне ездит, плательщик на свинье, ни с места (посл.); Все люди на конях, а конный пеш (посл.); Прыгнул бы на коня, да ножки коротки (посл.); На коне сидит, а коня ищет (посл.); Волк коню не товарищ (посл.); Чешись конь с конем, а свинья с углом (посл.); Свинье коню и рылом под хвост не достать (посл.); Конь горбат, не мерину брат (посл.); Деньгами коня не купишь, а удачей (посл.); Бурого коня за рекой примечают (посл.); Купи коня, и хода твоя (хода даром) (посл.); Конь с ходой, а хода с конем (идет, продается) (посл.); Коню не верь – кобылью голову найдешь, и ту зануздай! (посл.); Не верь жене в подворье, а коню в дороге (посл.); Не отведывай счастья (не надейся на счастье), не купи коня хрома! (посл.); Не ржут други (кони), а лают! (посл.); Кабы на добра коня не спотычка, цены б ему не было! (посл.); Конь без спотычк, корова без передою, да закром без переводу! (посл.); Конь о четырех ногах, да спотыкается (посл.); Был конь, было и поезжено (посл.); Был конь, да изъездился (посл.); Одним конем всего поля не изъездишь (посл.); Выше меры и конь не скачет (не прянет) (посл.); Усталому коню хомут не хомут, все неладно (посл.); Старый конь борозды не портит (посл.); Погоняй коня не кнутом (или гладь коня не рукою), а овсом (посл.); Доброму (или ученому) коню лишь плеть покажи (посл.); Не накормлен конь, скотина, не пожалован молодец, сиротина (посл.); Вола гущей откормишь, коня гущей раздуешь (распучишь) (посл.); Сенным конем не ездить, соломенным конем не орать (посл.); Рабочий конь на соломе, а пустоплас на овсе (посл.); Корм коня дороже (посл.); В худого коня корм тратить, что в худую кадушку воду лить (посл.); Конь гнед, да шерсти на нем нет: передом сечет, зад волочет (посл.); Конь тощей – хозяин скупой (посл.); От хозяйского глаза и конь добреет (посл.); Сыпь коню мешком (холь, гладь коня мешком), так не будешь ходить пешком (посл.); Конь копытом бьет, удила грызет

№	Источник	Фразеологизмы
		(посл.); Конь бежит, земля дрожит: из ушей полымя пышет, из ноздрей дым столбом (посл.); Седлай порты, надевай коня! (посл.); Найди пегого коня, да чтоб был весь одной масти! (посл.)
4	Словарь синонимов В. Н. Тришина	Ржавший как лошадь (перен.)
5	Словарь концептосферы русского языка (под ред. Л. Г. Бабенко)	Вытянуться (вырасти) как конь (разг.); Захрапеть, как конь в загоне (перен.); Конь конем (разг.); Ломовая лошадь (перен.); Лошадиная сила (перен.); От всего шарахаться (всего пугаться) как пугливая лошадь (разг.); Пахнет (несет) конем (перен.); Упорный, как конь (разг.)

Лошадь – символ неожиданной победы: темная лошадка – 1. Спорт. Неизвестный или малоизвестный спортсмен, участвующий в соревнованиях и вызывающий повышенный интерес болельщиков своими потенциальными спортивными возможностями. 2. Разг. Неизвестная личность, представляющая для кого-л. интерес. Является калькой с английского языка *dark horse*. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *неожиданный фаворит; неизвестный претендент; скрытый лидер; засланный казачок; неожиданный победитель; тот, кто выстрелил в последний момент; сюрприз*.

– Вчера на ипподроме была выдача – шестьсот рублей, – задумчиво говорит Виктор. – Это от фаворита. Пришла такая **темная лошадка** по имени Гимнастика... Самое смешное, что я, дурак, думал о ней, но почему-то в последний момент не сыграл... [Г. И. Горин «Чем открывается пиво?» (1960–1985), НКРЯ].

Он сразу считал расстановку персонажей: Борька – никто, Орли – **темная лошадка** [А. Иванов. Комьюнити (2012), НКРЯ].

Последние недели ознаменовались для эстонского политикума переменами не менее крутыми, чем недавние президентские выборы, в ходе которых именитых кандидатов обошла никому неведомая **«темная лошадка»** Керсти

Кальюлайд [В. Самойлов. Новое правительство Эстонии: как оппозиция стала властью (25.11.2016), НКРЯ].

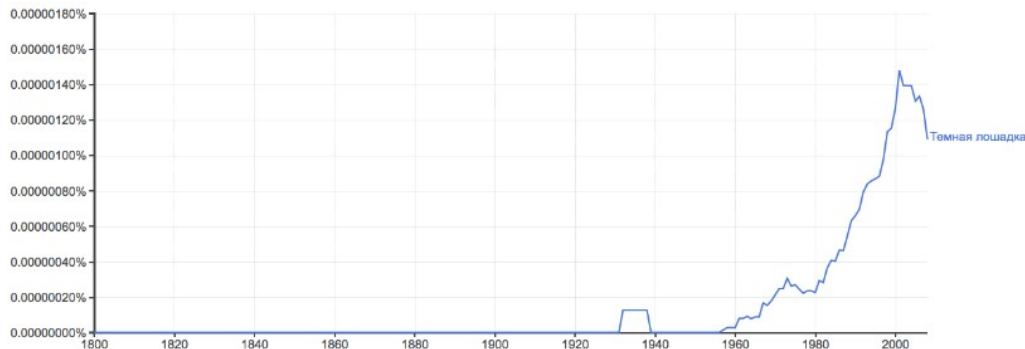

Рисунок 21 – Частотность функционирования фразеологизма *темная лошадка* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *темная лошадка* зафиксирован в 1932 г.

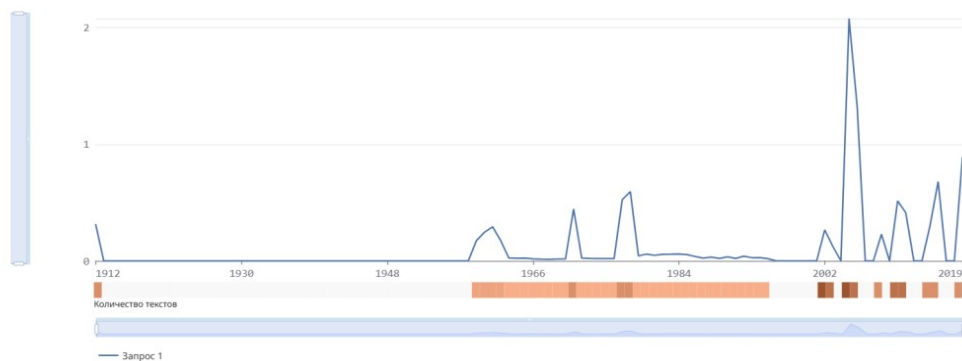

Рисунок 22 – Частотность функционирования фразеологизма *темная лошадка* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *темная лошадка* зафиксирован в 1909 г.

Лошадь – символ триумфальной победы: *на коне* (перен.) – находиться в выигрышном, выгодном положении, чувствовать себя победителем, на пике успеха или благополучия, когда все получается легко. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *быть в выигрыше; оказаться в выгодном положении; быть победителем; быть на вершине; быть при делах; на гребне волны; на (белом) коне въехать куда.*

Как (не скрою) и умение в нужной ситуации быть «на коне» [Н. Щербак. Роман с филфаком // «Звезда» (2010), НКРЯ].

Клест сидел на своей жердочке торжественно и гордо, как командир на коне [Ю. Коваль. Капитан Клюквин (1972), НКРЯ].

А в 1938-м (здесь наш любимый internet вновь на коне!) он уже работал в Рязани [А. Чечуха. Я стою у ресторана... // «Бельские просторы» (2018), НКРЯ].

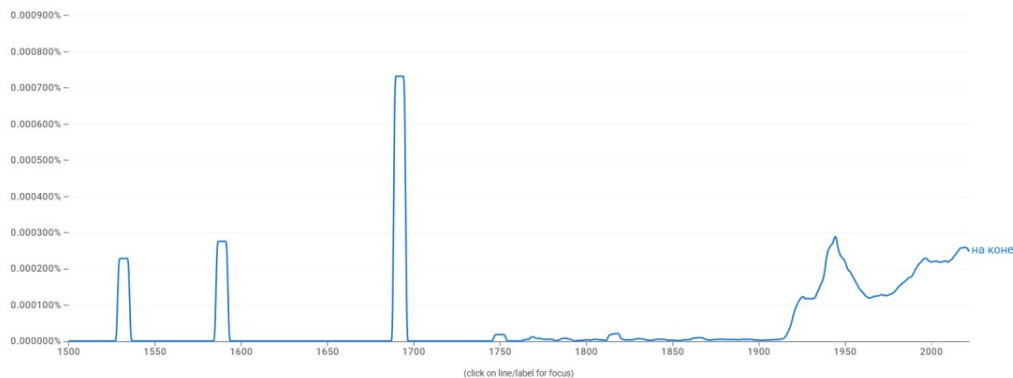

Рисунок 23 – Частотность функционирования фразеологизма *на коне* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *на коне* зафиксирован в 1529 г.

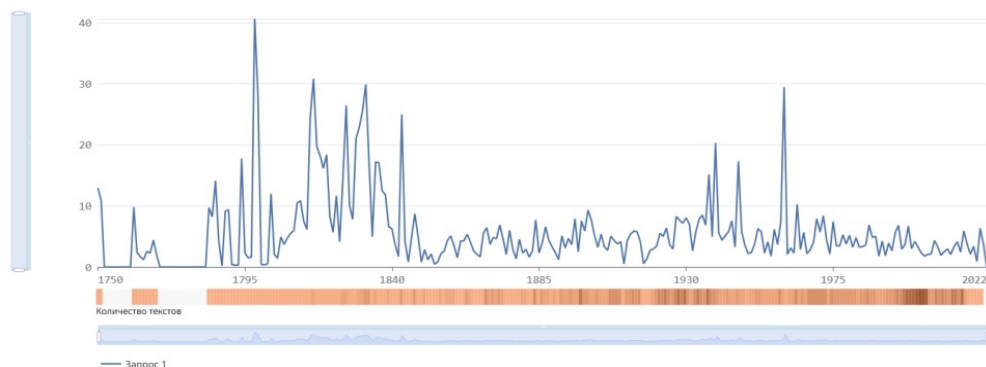

Рисунок 24 – Частотность функционирования фразеологизма *на коне* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *на коне* зафиксирован в 1750 г.

Лошадь – символ хитрости: *ход конем* (перен.) – хитрый ход, неожиданный поворот событий, обходной манёвр в каком-либо противостоянии. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *неожиданный ход; хитрый ход; обходной манёвр; нестандартное решение; неожиданный поворот событий; приём; уловка; хитрость; уловка; трюк.*

Да это же ***ход конем!***, и только самому Михайлову фабрика не казалась ничем, разве что фабрикой [В. Маканин. Отдушина (1977), НКРЯ].

В ответ руководство академии сделало **«ход конем»** – во всех институтах НАН были проведены тайные, закрытые голосования членов коллективов [Г. Эмин-Терьян. Форс-мажорная отсрочка // «Поиск» (2020), НКРЯ].

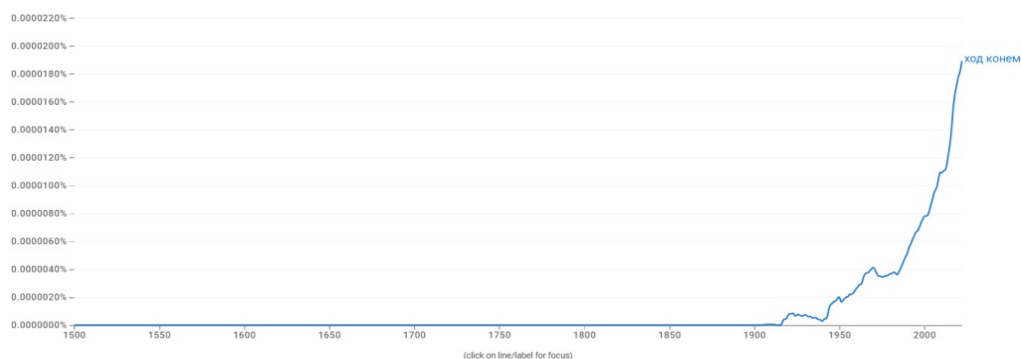

Рисунок 25 – Частотность функционирования фразеологизма *ход конем* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *ход конем* зафиксирован в 1906 г.

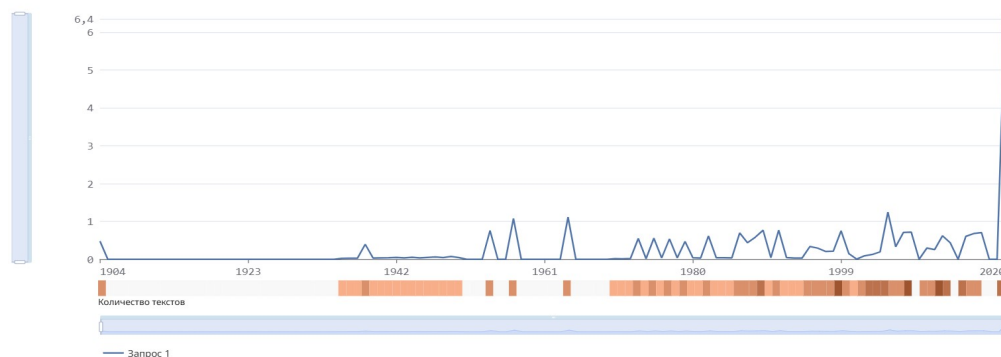

Рисунок 26 – Частотность функционирования фразеологизма *ход конем* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *ход конем* зафиксирован в 1904 г.

Лошад – символ подарка с тайным злым умыслом: *троянский конь* – 1. По др.-греч. преданию, огромный деревянный *конь*, сооруженный греками по предложению Одиссея во время осады Трои, на 10-м году Троянской войны. Во внутреннюю часть *коня* спрятались воины; троянцы, обманутые словами греческого пленника Синона, будто обладание этим *конем* принесет троянцам победу, втащили его в город. Ночью греческие воины вышли из чрева *коня* и впустили в город свое войско; в результате этой хитрости грекам удалось овладеть Троей. 2. Тайный, коварный замысел, замаскированный под подарок. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *ловушка*; *хитрость*; *обман*; *уловка*; *диверсия*; *скрытая угроза*; *засланный казачок*; *бомба замедленного действия*.

И этот вирус далеко не первый опаснейший «троянский конь», хотя, пожалуй, на сегодняшний день самый изощренный [С. Потресов. Год вирусного беспредела. Средневековье Интернета – эпидемии уносят миллионы долларов // «Известия» (2001), НКРЯ].

Домоевая кислота – своеобразный «троянский конь» в мире молекул [Л. Трухачёва. Найти иголку в стоге сена // «Наука и жизнь» (2009), НКРЯ].

Ах, подарена судьбой! Троянский конь это, а не подарок. Уж я-то знаю [Извини – подвинься // «Истории из жизни» (2004), НКРЯ].

Рисунок 27 – Частотность функционирования фразеологизма *троянский конь* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *троянский конь* зафиксирован в 1919 г.

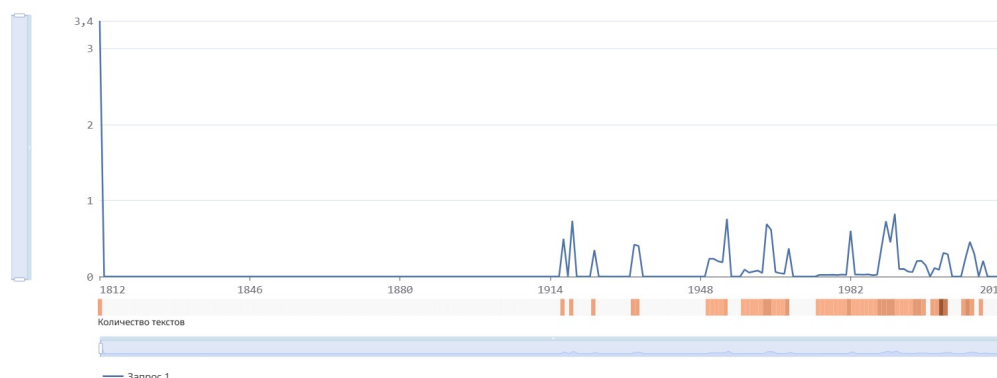

Рисунок 28 – Частотность функционирования фразеологизма *троянский конь* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *троянский конь* зафиксирован в 1915 г.

Лошадь – символ человека с опытом: старый конь борозды не испортит – опытный, проверенный временем человек или вещь не испортятся или не потеряют своей ценности, несмотря на возраст или испытания. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *не напрасно хлеб ест; опыт не пропьёшь / не испортишь; мастер на все руки; заядлый волк берега не потеряет; стреляный воробей*.

Матвейч подзадоривает: «*Старый конь борозды не испортит*» [Д. Каралис. Роман с героиней // «Звезда» (2001), НКРЯ].

– Тяжеленько будет, кости-то старые, скрипят небось, как намазаны!

– Ничего, *старый конь борозды не испортит!* Все это было сказано еще в селе, когда мы подошли к мужикам, а потом до луга шли молча [В. А. Солоухин. Капля росы (1959), НКРЯ].

Без нас науку не подвигаешь, я это всегда говорил и сейчас говорю. *Старый конь борозды не испортит*. Полковник тоже внес свою лепту в обсуждение [А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Сказка о Тройке (1967–1968), НКРЯ].

Рисунок 29 – Частотность функционирования фразеологизма *старый конь борозды не испортит* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *старый конь борозды не испортит* зафиксирован в 1925 г.

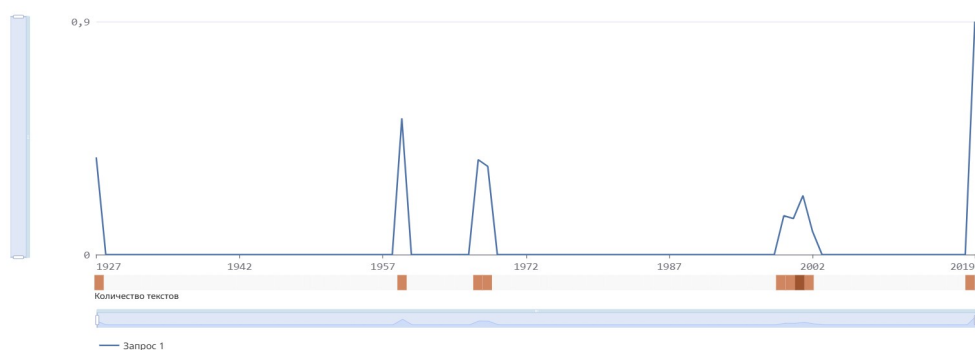

Рисунок 30 – Частотность функционирования фразеологизма *старый конь борозды не испортит* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *старый конь борозды не испортит* зафиксирован в 1927 г.

Лошадь – символ выносливости: *работать как лошадь* (разг.) – очень усердно и много трудиться; *рабочая лошадка* (разг.) – человек, который много трудится и часто остается в тени, выполняя важные, но незаметные задачи; *ломовая лошадь* (перен.) – метафора для человека или вещи, на которой лежит основная нагрузка или которая выполняет самую сложную и ответственную работу; *конь конем* (разг.) используют, чтобы подчеркнуть, что человек действует максимально решительно и настойчиво, не останавливаясь перед трудностями. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *ну и лошадь эта баба*; *экая ты кобыла*; *вытянуться (вырасти) как конь*.

У нас пока человек может **работать как лошадь**, он ценен, а если не может – он второй сорт [Д. Рощеня. Горел, горел работой и... сгорел! // «Правмир» (2017), НКРЯ].

Это не значит, что удача улыбнется лишь тем, кто будет **работать как лошадь**, – любой ваш труд даром не пропадет [П. Максимов. Астрологический прогноз Павла Максимова // «Автопилот» (15.02.2002), НКРЯ].

Услышать ее живьем – удача: дива считает, что нельзя сохранить свежесть исполнения, если **работать как лошадь** [В. Кичин. Оазис в пустыне. CD-классика // «Известия» (04.12.2001), НКРЯ].

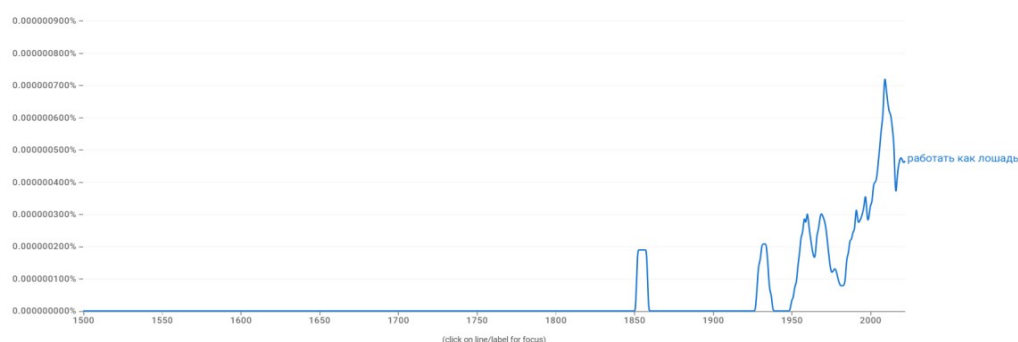

Рисунок 31 – Частотность функционирования фразеологизма **работать как лошадь** в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм **работать как лошадь** зафиксирован в 1852 г.

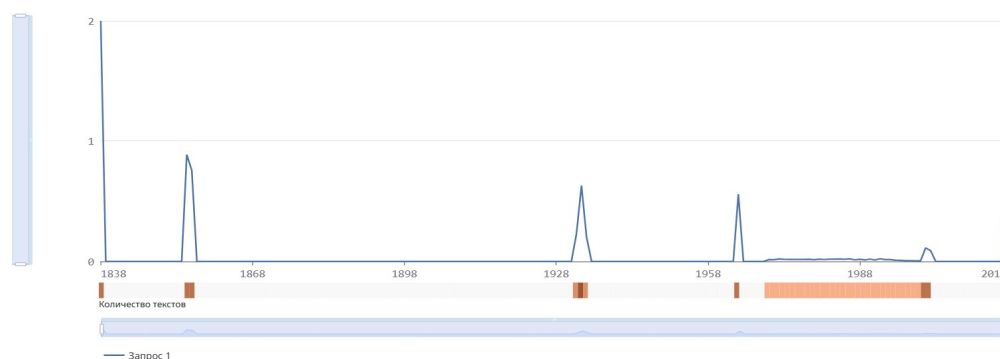

Рисунок 32 – Частотность функционирования фразеологизма **работать как лошадь** в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *работать как лошадь* зафиксирован в 1850 г.

*От нее требуется только всегда оставаться веселой, беззаботной и слабой. Лена Руднева – надежная **рабочая лошадка**. Алена Руднева – хрупкая пестрая бабочка* [Н. В. Нестерова. Из породы собак (2013), НКРЯ].

*Ведь это не только российская космическая «**рабочая лошадка**», но и самая массовая ракета в мире – крепкая, недорогая и надежна* [М. Хализева. «Союз» стартует с экватора // «Наука в России» (2012), НКРЯ].

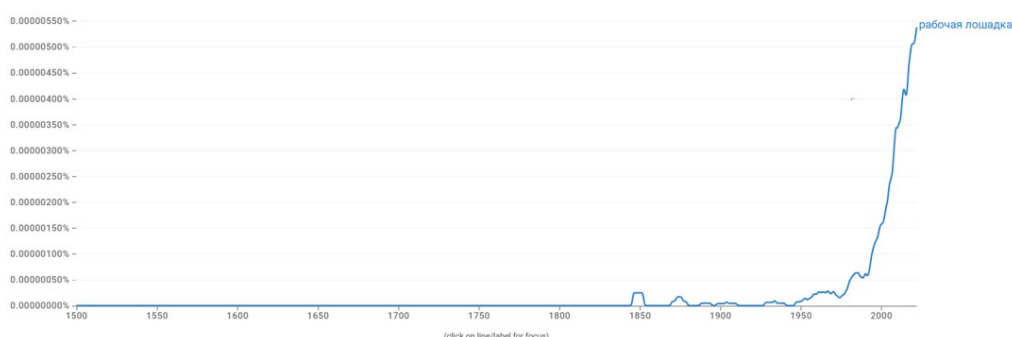

Рисунок 33 – Частотность функционирования фразеологизма *рабочая лошадка* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *рабочая лошадка* зафиксирован в 1846 г.

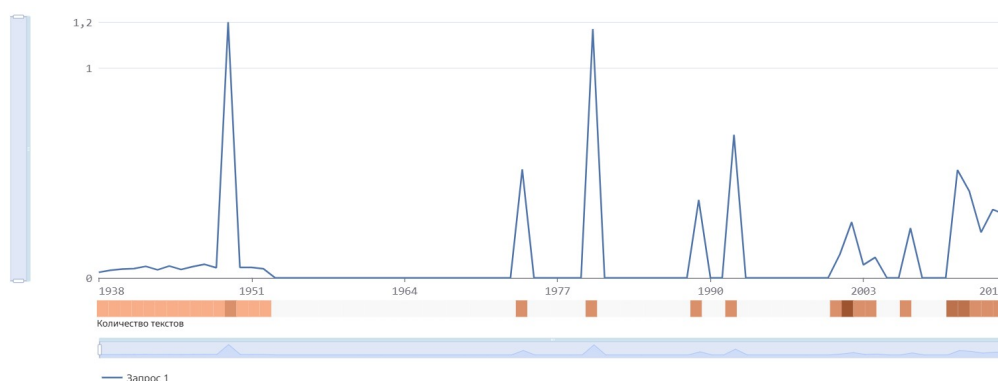

Рисунок 34 – Частотность функционирования фразеологизма *рабочая лошадка* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *рабочая лошадка* зафиксирован в 1938 г.

Разве мог угнаться за ними бедный Евгений, затесавшийся, как орловская ломовая лошадь, в табун чистокровных арабских скакунов! [Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003), НКРЯ].

Работала, как ломовая лошадь, и регулярно отсылала деньги маме и Светке [Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010), НКРЯ].

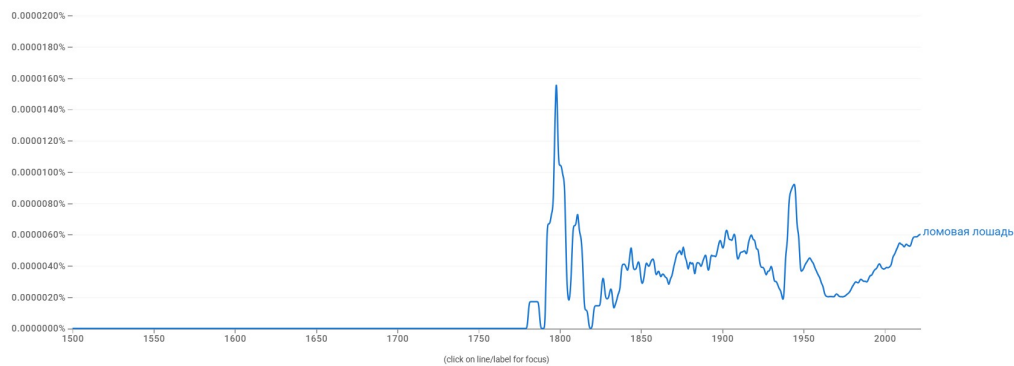

Рисунок 35 – Частотность функционирования фразеологизма *ломовая лошадь* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *ломовая лошадь* зафиксирован в 1781 г.

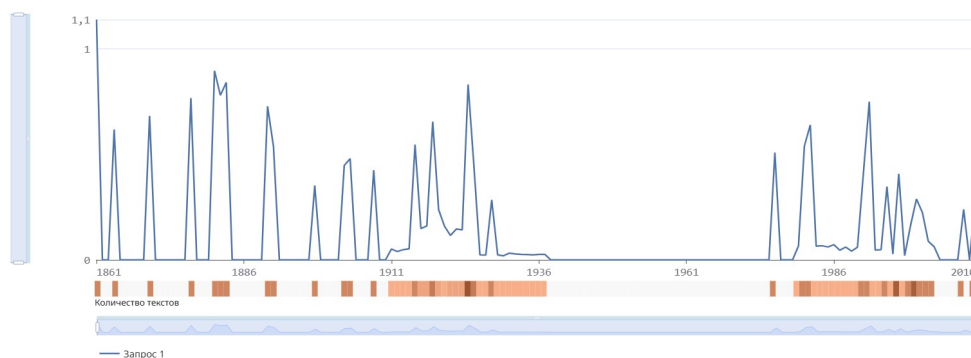

Рисунок 36 – Частотность функционирования фразеологизма *ломовая лошадь* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *ломовая лошадь* зафиксирован в 1861 г.

В свои восемьдесят семь она, как сама говорит, ещё «конь конём», вот только на пятый этаж подниматься трудно, поэтому на прогулку выходит раз в день, до обеда, чуть придерживая коляску с правнуком [Р. Вереск. Большая Медведица (2015) // «Волга» (2016), НКРЯ].

Конь конем, нельзя сбивать настрой, – с нарочитым спокойствием отвечает Вадим [Ю. Черниченко. Целина (1966), НКРЯ].

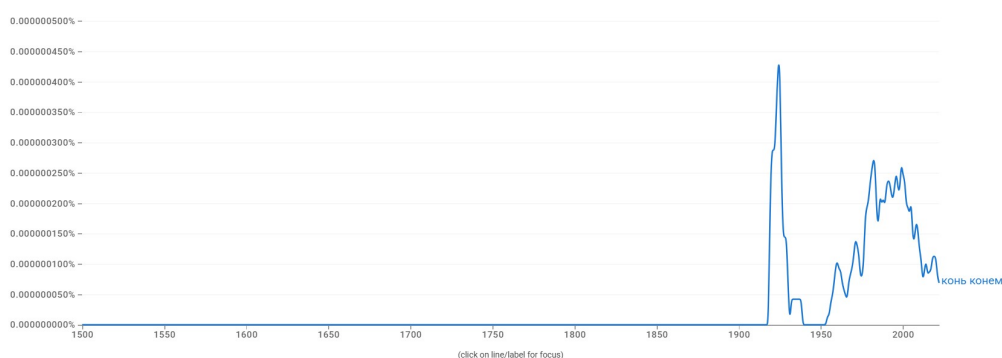

Рисунок 37 – Частотность функционирования фразеологизма *конь конём* в русском языке по данным GBN

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *конь конём* зафиксирован в 1919 г.

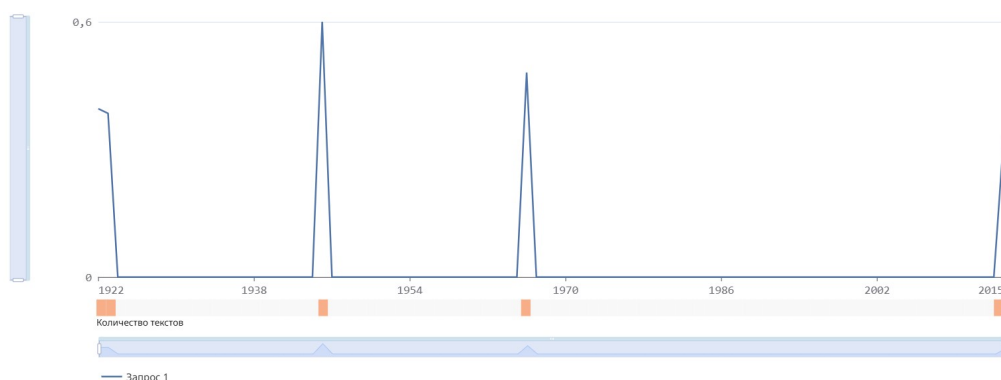

Рисунок 38 – Частотность функционирования фразеологизма *конь конём* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм **конь конём** зафиксирован в 1912 г.

Лошадь – символ абсурда: бред сивой кобылы (разг., неодобр.) – вздор, бессмыслица, глупые, нелепые и неправдоподобные разговоры или мысли. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *вздор; чепуха; чушь собачья; мура; ерунда; бессмыслица; несуразица; абракадабра; сорок бочек арестантов; чёрт знает что; чушь; ересь; нелепость; глупость; небылица.*

А о чём говорят нам по ящику? Неужели всё это бред сивой кобылы? Чего ты из себя академика корчишь? – разозлился Валентин [А. Мацанов. Коротким летом на Лене // «Ковчег» (2014), НКРЯ].

Все эти Красные книги, где написано, что «вид стоит на грани вымирания по причине массового отлова», – бред сивой кобылы [А. Шлыков. Поймать Аполлона // «Русский репортер» (2014), НКРЯ].

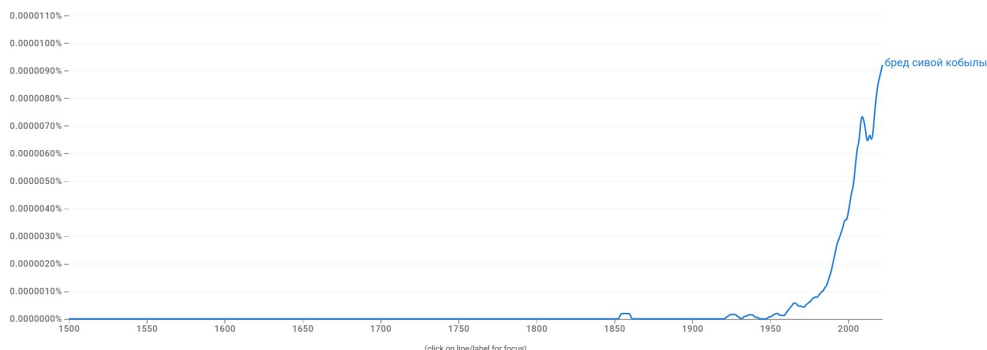

Рисунок 39 – Частотность функционирования фразеологизма **бред сивой кобылы** в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм **бред сивой кобылы** зафиксирован в 1854 г.

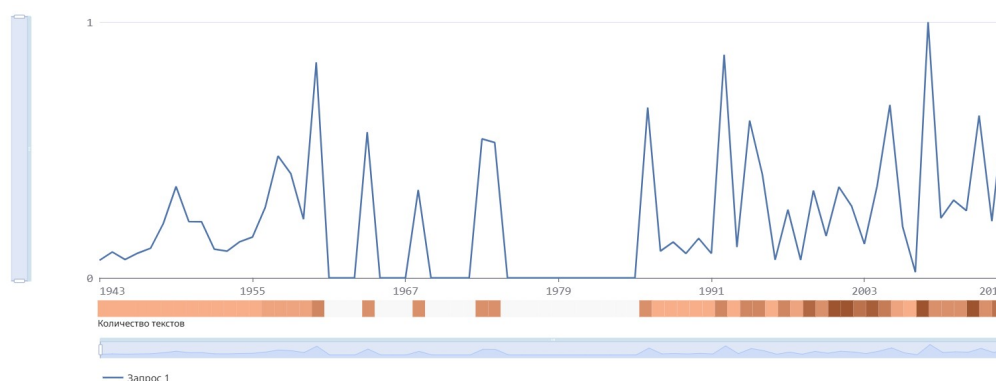

Рисунок 40 – Частотность функционирования фразеологизма *бред сивой кобылы* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *бред сивой кобылы* зафиксирован в 1940 г.

Лошадь – символ плохих перемен: из кобыл да в клячи (разг.) – о человеке, променявшем лучшее место на худшее. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *упасть в цене*; *деградировать*; *потеря былой привлекательности*; *из славного в захудалое*; *из ценного в хлам*.

А может из кобыл да в клячи. Но теперь такой вопрос: разве на всех-то грузчиков хватит кранов? Куда людей, спрашивается, будем девать? – Кроме кранов, есть другие механизмы, – сказал Николай. – Была бы охота учиться [А. Рыбаков. Екатерина Воронина (2013), НКРЯ].

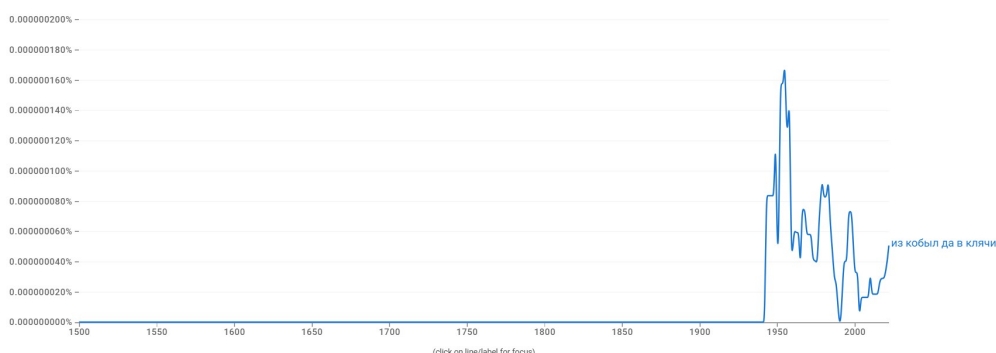

Рисунок 41 – Частотность функционирования фразеологизма *из кобыл да в клячи* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *из кобыл да в клячи* зафиксирован в 1943 г. В НКРЯ фразеологизм *из кобыл да в клячи* не зафиксирован.

Лошадь – символ обмана: как сивый мерин (иноск.) – человек, который нагло и беззастенчиво врет. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *лжец; обманщик; болтун; лгун; врун; фальсификатор; лицемер; мошенник*.

Мы знали, что он врет как сивый мерин, но Соне это было интересно, она слушала, смеялась, удивлялась, и чем больше она слушала, смеялась и удивлялась, тем больше врал старик [А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977), НКРЯ].

Значит, брешет наш Потапов как сивый мерин, – ответил мой собеседник ласково, – вводит, как говорится, в заблуждение общественное мнение и советскую печать [Ю. Домбровский. Хранитель древностей, часть 2 (1964), НКРЯ].

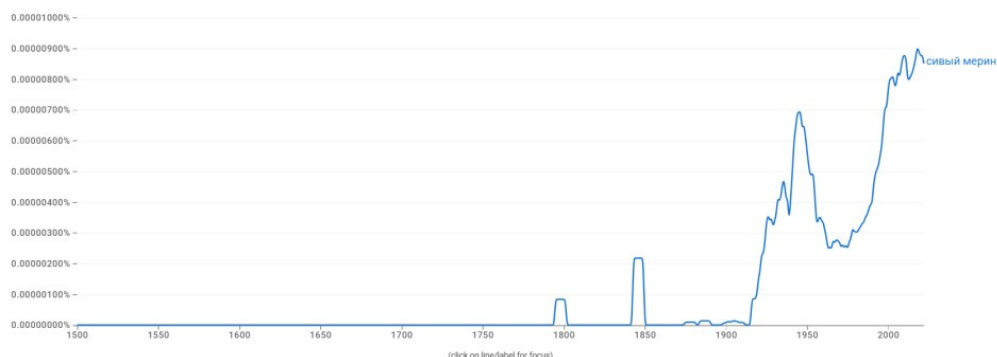

Рисунок 42 – Частотность функционирования фразеологизма *как сивый мерин* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *как сивый мерин* зафиксирован в 1795 г.

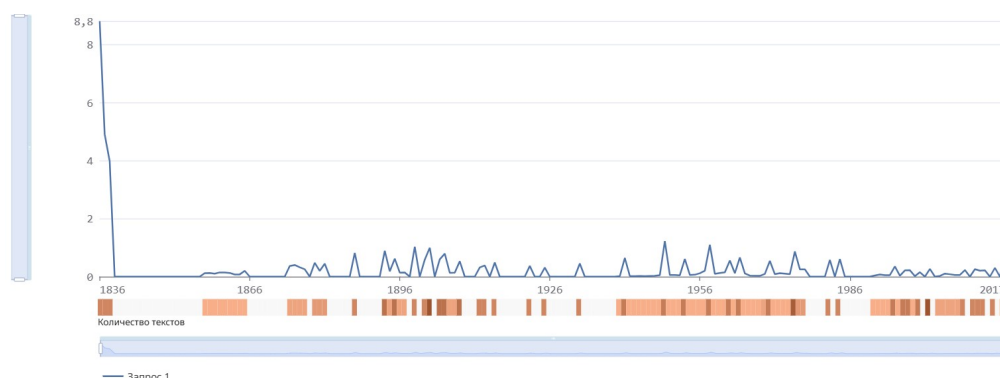

Рисунок 43 – Частотность функционирования фразеологизма *как сивый мерин* в русском языке по данным НКРЯ

В НКРЯ фразеологизм *как сивый мерин* зафиксирован в 1836 г.

В русской лингвокультуре образ *лошади* нередко служит символом и других различных негативных аспектов человеческой натуры. Излишне громко смеющегося человека называют *ржавший как лошадь* (перен.), а о громком храпе говорят *захрапеть, как конь в загоне* (перен.).

Больно смотреть, как какой-нибудь безусый парень «хвативший на дорогу» тычет руками старого патриарха-магометанина, поворачивает его во все стороны, точно игрушку, и ржет, как лошадь, от удовольствия, или нагло открывает лицо сартянки и вопит от удовольствия [Издательства над сартами // «Одесский листок» (1912), НКРЯ].

Молодящегося старика, любящего ухаживать за юными девушками, называют *мышинный жеребчик* (перен.).

Мышинный жеребчик и снохач, во-первых, оба старики и, во-вторых, оба пристают к молодым женщинам [Г. Успенский. Власть земли (1882), НКРЯ].

Про пугливого человека говорят: *как пугливая лошадь* (разг.).

А он на нас, как пугливая лошадь, покосился и слова не молвил, а только на лавку рукой показал: садитесь мол! [С. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. От издателя (1899), НКРЯ].

Для описания чего-то неуместного существует фразеологизм *пришей (не пришей) кобыле хвост* (прост.).

«Партия власти» строилась как раз в расчете на инерционный предвыборный сценарий, а теперь находится в ситуации «не пришей кобыле хвост» [Д. Орешкин. О чем молчат олигархи? // «Московские новости» (01.04.2003), НКРЯ].

Когда дело еще не начато и ничего не готово, используется фразеологическая единица **конь не валялся у кого-н.** (разг.).

Оказалось, что психология молодая и перспективная псевдонаука, в которой еще ничего толком не сделано. Можно сказать, конь не валялся. В корифеях числился тот же Фрейд, что и сто лет назад [Е. Завершнева. Высотка (2012), НКРЯ].

Для описания какого-то безрезультатного, тщетного действия применяется фразеологизм **не в коня корм** (прост.).

Удача – не в коня корм: время, проведенное в Израиле, стало для нее беспросветной тягомотиной, вроде тюремного заключения [И. Васюченко. Хромые на склоне // «Ковчег» (2014), НКРЯ].

На основе анализа представленных фразеологических единиц можно выделить яркую оценочную символику лексем в русском языке: в целом, *лошадь* – это символ работоспособности, силы, иногда не особой привлекательности; *конь* – символ страстности, успеха; *кобыла* – символ простоватости; *жеребец* – символ необузданности и похотливости; *мерин* – символ безразличия; *кляча* – символ изможденности. Каждая из указанных лексем несет свою уникальную коннотативную нагрузку, что свидетельствует о значимости в русской лингвокультуре проведения градации и дифференциации образов, связанных с *лошадью*, в зависимости от их оценочной окраски.

2.6. Компонент-зооним дракон

Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [1999], *дракон* – это

1. Сказочное чудовище в виде крылатого огнедышащего змея.
2. Род южных

летающих ящериц с кожными складками вдоль тела. В словаре под редакцией С. А. Кузнецова *дракону* даются следующие определения: «1. В славянской мифологии: Сказочное чудовище, пожирающее людей и животных, в виде крылатого огнедышащего змея с когтями льва, крыльями, похожими на крылья летучей мыши, раздвоенным языком и хвостом. В искусстве часто изображается архангел Михаил с *драконом* у ног, а также святой Георгий, пронзающий *дракона* копьем, что символизирует победу добра над злом; *дракон* на цепи означает побежденное зло. <...> На Востоке *драконы* служат символами плодородия и силы, жизни и света. <...> 2. Древесная ящерица, обладающая способностью к полёту (обитает в тропических странах). 3. О жестоком, безжалостном человеке» [Большой толковый словарь русского языка 2003]. В словаре В. И. Даля *дракон* определяется как «диавол, черт» [Даль 1989].

Россия – это европейская страна, и большинство россиян исповедуют православие, которое относится к христианству. В христианской традиции образ *дракона* (змеи) выступает в качестве символа искушения, греха и дьявола: он олицетворяет источники зла, соблазняющие Еву в райском саду, что в итоге приводит к изгнанию человека и возникновению зла в мире. На западе в стихотворениях, посвященных героям, содержится много преданий о том, что герои убивают *драконов*. В средние века христиане называли змею ядовитой, потому что она привлекала людей тайно попробовать запретный плод, а *дракон* и змея внешне похожи друг на друга, поэтому *дракона* также считают воплощением зла. В России у *дракона* много отрицательных образов, поэтому *дракона* называют чудовищем. Его образ мало отличается от западного: тоже с крыльями, перьями, острыми лапами, умеет выбрасывать пламя.

Дракон в России остался преимущественно персонажем былин и сказочных повествований. Это подтверждается, в частности, тем, что в русских пословицах и поговорках зачастую фигурирует не сам *дракон*, а змея (например, *Змей Горыныч* – многоголовый огнедышащий *дракон* из русских народных сказок и

былин, воплощение зла, разрушения, похититель женщин, живущий в горах и охраняющий Калинов мост через реку Смородину, соединяющую мир живых и мертвых). По мнению Ш. Пэн, *дракон* – это собирательный «образ, объединяющий ряд мифологических существ, то есть все *драконы* являются составными и полиморфными существами, которые соединили в себе формы и признаки разных животных: зверей, змей, птиц, рыб и т. д.» [Пэн 2016: 97].

Таблица 5 – Русские фразеологические единицы с компонентом-зоонимом *дракон*

№	Источник	Фразеологизмы
1	Большой толковый словарь русского языка (под ред. С. А. Кузнецова)	Драконово логово (перен.)
2	Большой словарь русских поговорок (В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина)	Чёрный дракон (перен.); Выпускать / выпустить дракона (перен.)

Дракон – символ вражды, раздора, смуты: *посеять зубы дракона* (книжн., устар., неодобр.) – разжигать вражду, затевать смуту, провоцировать раздоры. Восходит к древнегреческому мифу о герое Кадме. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *создать себе врагов; нажить неприятности; нажить врагов; спровоцировать конфликт; вызвать враждебность; посеять семена раздора*.

Если посеять зубы дракона, вырастут сонмы чудовищ... Эту старинную легенду вспоминали во время войны, когда гитлеровские полчища терзали Европу [Н. Сергеева, Зубы дракона, «Новое время» (1947), НКРЯ].

Один философ сказал с горечью: «Я сеял зубы дракона, а собрал урожай блох» [С. Кара-Мурза. Антисоветский проект (2002), НКРЯ].

Что же, революция повинна в том, что посеяла эти зубы дракона [М. Симашко. Пятый Рим. Главы из книги // «Октябрь» (2001), НКРЯ].

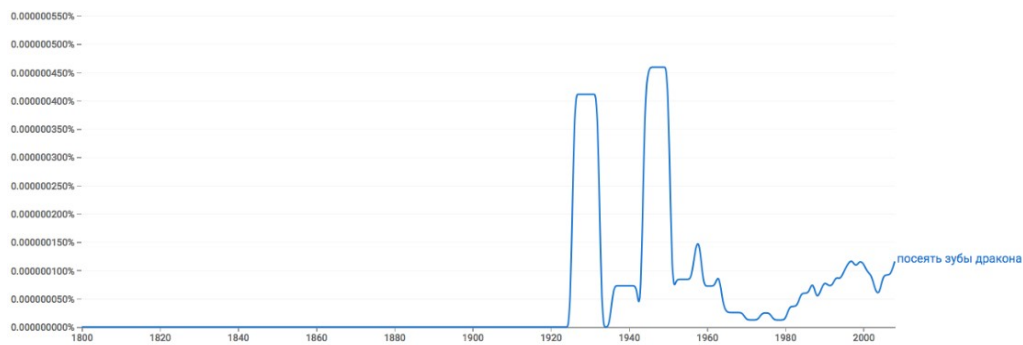

Рисунок 44 – Частотность функционирования фразеологизма *посеять зубы дракона* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *посеять зубы дракона* зафиксирован в 1925 г.

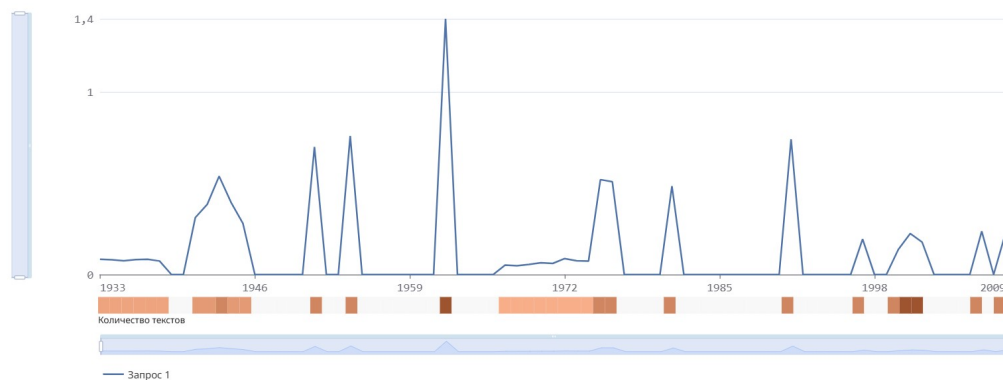

Рисунок 45 – Частотность функционирования фразеологизма *посеять зубы дракона* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *посеять зубы дракона* зафиксирован в 1933 г.

Дракон – символ жестокости: драконовы законы¹ – свод законов, составленный в 621 г. до н. э. в Афинах, который, как считают, был введен в действие афинским архонтом по имени Драконт (Дракон). *Драконовы законы* представляли собой первую запись норм обычного права. Сохранилась только часть законов, относящихся к убийствам. Современный эпитет «*драконовские*»

¹ Драконом, а вернее Драконтом, звали одного древнегреческого законодателя, впервые собравшего воедино и записавшего все основные законы Афинского государства. Сборник законотворца оказался чересчур суровым: так, за мелкую кражу в нем предусматривалась смертная казнь. По этой причине сегодня фразеологизм *драконовские законы* употребляется, когда надо подчеркнуть жестокость того или иного закона.

(чрезмерно жестокие) отражает крайнюю суровость предусмотренных в этом своде наказаний: за мелкую кражу и за убийство человека ждал одинаковый приговор – смертная казнь. Афинский оратор 4 в. Демад заявил с сарказмом, что Дракон писал свои законы не чернилами, а кровью.

Потомки говорили: «Драконовы законы писаны не чернилами, а кровью» [М. Гаспаров. Занимательная Греция (1998), НКРЯ].

Ходят упорные слухи, что после того, как пройдут торжества по случаю сорокалетия Победы, будут приняты драконовы законы против алкоголизма [Л. Левицкий. Дневник (1985), НКРЯ].

Рисунок 46 – Частотность функционирования фразеологизма *драконовы законы* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *драконовы законы* зафиксирован в 1859 г.

Рисунок 47 – Частотность функционирования фразеологизма *драконовы законы* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *драконовы законы* зафиксирован в 1985 г.

В мифологии *дракон* ассоциируется с мощью, злом и опасностью, часто изображается как чудовище, символизирующее зло и разрушение, особенно в славянской и христианской традициях. В западных преданиях он часто убивается героями, что символизирует победу добра над злом. В русском языке образ *дракона* используется как метафора для обозначения вражды, раздора и жестокости, что отражено в фразеологизмах и исторических понятиях.

2.7. Компонент-зооним муравей

Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [1999], *муравей* – это жалящее общественное насекомое, живущее большими колониями. В словаре под редакцией С. А. Кузнецова лексема *муравей* имеет следующее определение: «Мелкое насекомое, живущее большими сообществами» [Большой толковый словарь русского языка 2003]. В повседневной жизни, за исключением специалистов-энтомологов, *муравьев* зачастую не замечают из-за их малых размеров. Однако при более углубленном изучении становится очевидным, что у *муравьев* существует своя система разделения труда и специальных обязанностей. Удивительным фактом является способность *муравьев* поднимать груз в 10–50 раз превышающий их собственный вес. *Муравьи* являются долгожителями, достигая возраста до 20 лет, в то время как индивидуальные особи, живущие в условиях одиночества, обычно живут лишь несколько дней, что обусловлено их социальной структурой и взаимозависимостью внутри колонии – ключевыми факторами успешного существования. В связи с этим *муравьи* в различных культурах и мифологиях символизируют усердие, трудолюбие и коллективное сотрудничество: «положительные качества работника приписывают *муравью*, олицетворяющему силу, трудолюбие, выносливость, домовитость: “Муравей не велик, а горы копает”, “Муравей не по себе ношу тащит”, “Мал муравей телом, да велик делом”. В

качестве одобрительной оценки о человеке скажут “*трудолюбив как муравей*”. <...> *Муравей* символизирует трудолюбие и не удивительно, ведь этот род славится своей работоспособностью, в любое время года они усердно трудятся» [Горшунов 2022: 130]. В детской литературе образ *муравья* используется для воспитания ценностей трудолюбия, взаимопомощи и гармоничного сосуществования на примере таких произведений, как басня И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей», заимствованная у Эзопа, «Жук и Муравей».

Таблица 6 – Русские фразеологические единицы
с компонентом-зоонимом *муравей*

№	Источник	Фразеологизмы
1	Большой словарь русских поговорок (В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина)	Мураши по коже (по телу) [забегали] (перен.); Мурашками посыпало кого (перен.); Мурашки одевает [кому?] (перен.); Мурашки по телу (по спине) бегают (забегали, пошли) (перен.); В мурашнике купаться (перен.)
2	Толковый словарь В. И. Даля	Муравей не велик, а горы копает (посл.); Муравей не по себе ношу тащит (посл.)

***Муравей* – символ трудолюбия: трудолюбивый (упорный / кропотливый) как муравей.** Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *работающий; прилежный; усердный; старательный; неутомимый; деятельный; рачительный; хлопотливый; усидчивый; истовый.*

Пирует китаец, обычно очень экономный, прилежный, на редкость трудолюбивый, как муравей [Н. Федорова. Семья (1952), НКРЯ].

Как сейчас вижу, лезет, упорная, как муравей, только побледнела в полотно, а у мамы глаза горят [Г. Зеленина. Куриная Слепота и ее обитательницы // «Волга» (2014), НКРЯ].

Так вот, между строчками твоего письма открывается душевный мир маленького эстета, кропотливо, как муравей, работающего над освоением мира

природы, анализирующего человеческие переживания [И. Калабухова. Приключение длиною в сорок пять лет // «Ковчег» (2013), НКРЯ].

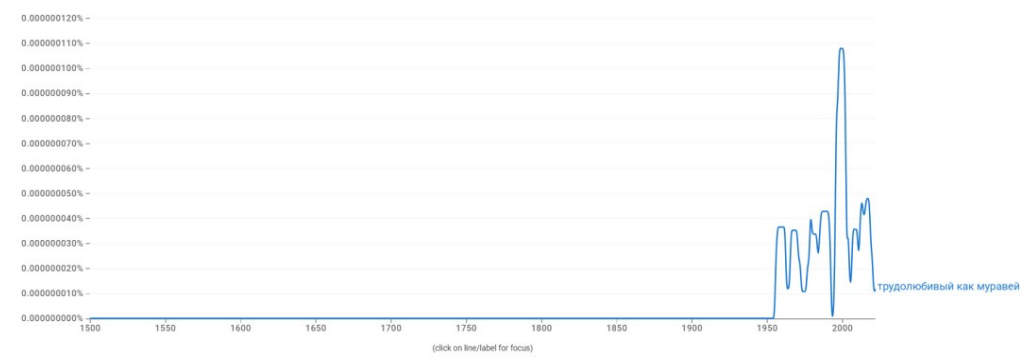

Рисунок 48 – Частотность функционирования фразеологизма *трудолюбивый как муравей* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *трудолюбивый как муравей* зафиксирован в 1951 г.

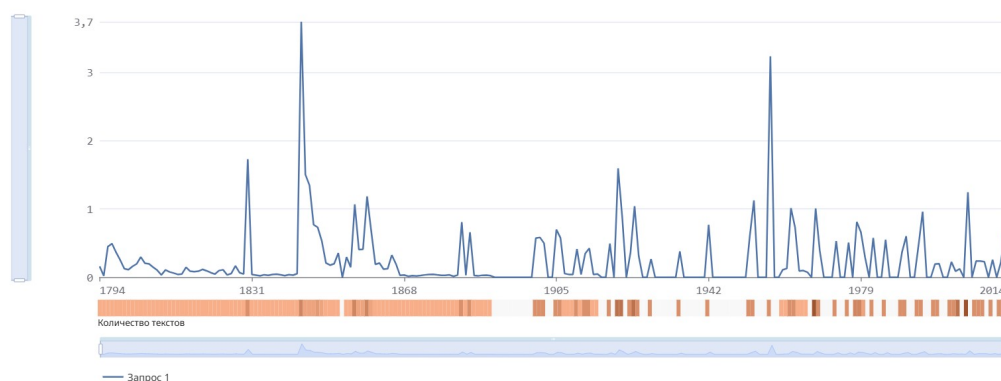

Рисунок 49 – Частотность функционирования фразеологизма *как муравей* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *как муравей* зафиксирован в 1794 г.

Муравей – символ кропотливой работы: *муравьиная работа* (перен.) – очень трудная, кропотливая работа, требующая большого усердия и внимания к деталям. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *трудоемкое занятие; упорный труд; скрупулезная работа; тяжелая работа; изнурительный труд; продуманное выполнение; внимательная работа.*

У малозаметных и забытых писателей, как верно заметил А. Г. Горнфельд, есть несомненные заслуги, их «**муравьиная работа** не бесплодна» [В. Хализев. Теория литературы (1999), НКРЯ].

Но это же была **муравьиная работа**, которая тянулась уже множество лет [О. Павлов. Степная книга (1990–1998), НКРЯ].

Это скромная, **муравьиная работа**, но известно, что в экономике природы такая работа именно и дает громадные результаты, если только работников на нее поставлено много [С. Степняк-Кравчинский. Подпольная Россия [автоперевод] (1883–1893), НКРЯ].

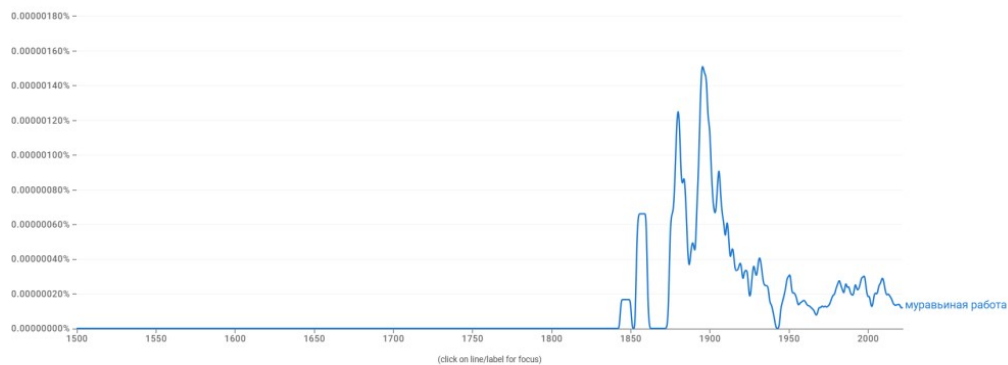

Рисунок 50 – Частотность функционирования фразеологизма **муравьиная работа** в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм **муравьиная работа** зафиксирован в 1845 г.

Рисунок 51 – Частотность функционирования фразеологизма **муравьиная работа** в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *муравьиная работа* зафиксирован в 1883 г.

Муравей – символ эмоциональных переживаний: *мурашки бегут по коже / спине* – внутренняя реакция человека на впечатляющие, важные или настолько эмоционально насыщенные события, что проявляются физиологически в виде покалывания или легкого дрожания кожи. В состав фразеологизма входит русское имя насекомого *муравей*, устойчивое выражение «маркирует качество беспокойный, предсказуемое человеку» [Полякова 2020: 235]. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *волнение; ощущение дрожи; перехват дыхания* (в переносном смысле); *трепет по телу; волнение, пробивающее кожу; ожидание с волнением*.

В руках Гергиева оркестр сочится сладострастием, от злобещих пауз мурашки бегут по коже и оглушающие децибеллы оркестрового тутти, которыми он после арии Калафа подогревает и без того разгоряченную публику, вызывают вопли подросткового восторга [Е. Бирюкова. Китайская Снегурочка. В Мариинском театре состоялась премьера «Турандот» // «Известия» (26.07.2002), НКРЯ].

Почему при звуке его голоса по телефону у меня мурашки бегут по спине, а при встрече коленки подгибаются? [Л. Иванова. Искренне ваша грешница (2000), НКРЯ].

Мурашки бегут по спине при одной мысли о том, что можно сорваться вниз, в бушующую пучину [М. Ромм. Штурм Пика Сталина (1933–1937), НКРЯ].

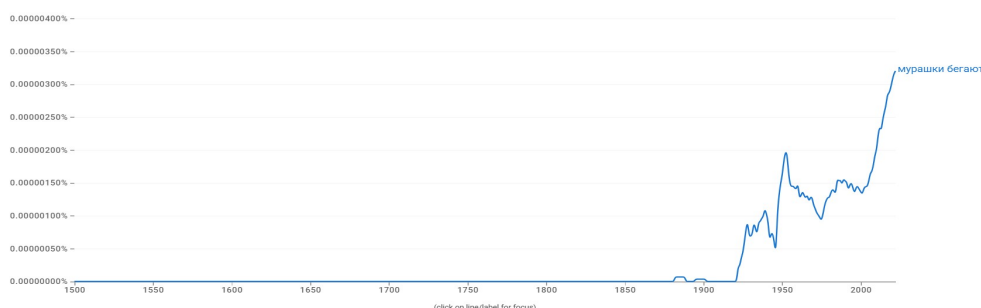

Рисунок 52 – Частотность функционирования фразеологизма *мурашки бегут* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *мурашки бегают* зафиксирован в 1882 г.

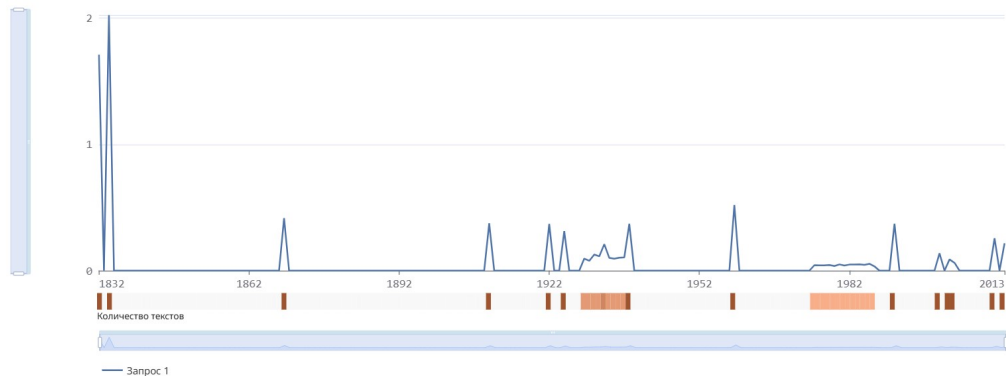

Рисунок 53 – Частотность функционирования фразеологизма *мурашки бегают* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *мурашки бегают* зафиксирован в 1832 г.

Таким образом, *муравей* и связанные с ним устойчивые выражения в русской лингвокультуре выступают одновременно символами усердия и эмоциональной чувствительности.

2.8. Компонент-зооним слон

Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [1999], *слон* – это 1. Крупное с двумя большими бивнями хоботное млекопитающее тропических стран. 2. В шахматах: фигура, передвигающаяся на любое число клеток по диагонали, офицер (во втором значении). Самкой *слона* является *слониха*, а детенышом *слона* – *слоненок* (мн. ч. – *слонята*). Лексема *слон* в словаре под редакцией С. А. Кузнецова имеет следующие определения: «2. Фам. О высоком, толстом, неуклюжем человеке. <...> 3. Шахматная фигура, передвигающаяся на любое число клеток по диагонали» [Большой толковый словарь русского языка 2003]. В словаре С. А. Кузнецова находим некоторые образы, связанные со *слоном*: *слоновье спокойствие*; *слоновья поступь*; *слоновья сила*.

Слон является крупнейшим наземным позвоночным животным современности. Исторические источники и археологические материалы свидетельствуют о том, что *слоны* с древних времен служили спутниками человека и обладают потенциалом оказания значительной помощи человечеству. Эти животные отличаются высоким уровнем интеллекта, проявляющимся в таком поведении, как раскидывание земли и похороны погибших сотоварищей среди опавших листьев. Средняя продолжительность жизни *слонов* составляет около 70 лет. Изучение палеонтологических данных показывает, что существование *слонов* зафиксировано примерно 40 млн. лет назад, когда они населяли все континенты за исключением Океании и Антарктики, что подтверждается находками их следов в археологических записях. Образ *слона* широко встречается в литературном творчестве, особенно популярны его изображения в произведениях для детей. Слона можно «встретить», например, в басне И. Крылова «Слон и Моська», стихотворении М. Михалкова «Слон – живописец», песне В. Высоцкого «Песня про белого *слона*».

Безусловно, в различных лингвокультурных контекстах образ *слона* служит средством выражения разнообразных характеристик, а его ассоциации с качествами человека могут существенно разниться и даже противоречить друг другу: «русское существительное *слон* символизирует крупного неуклюжего человека (*слон в посудной лавке; топает, как слон*), а индийцы вкладывают в это слово прямо противоположный смысл: *слон* для них – олицетворение грации, изящества в каждом движении» [Треблер 2015: 58].

Таблица 7 – Русские фразеологические единицы с компонентом-зоонимом *слон*

№	Источник	Фразеологизмы
1	Большой словарь русских поговорок (В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина)	Слон на ухо (на ухо) наступил кому (перен.)
2	Толковый словарь В. И. Даля	Слон добро к слову, а ладья к перевозу (посл.); Слон родился, слон и есть (посл.);

№	Источник	Фразеологизмы
		Слоном слоняться (посл.); Слоны трутся, меж себя комаров давят (посл.)
3	Толковый словарь С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой	Делать из мухи слона (разг., неодобр.); Как слон в посудной лавке (перен.); Что (или как) слону дробина (разг., ирон.)

Слон – символ преувеличенного внимания: *делать из мухи слона* (разг., неодобр.) – преувеличивать значение чего-либо незначительного. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *делать бурю из стакана воды; видеть проблему там, где её нет; сгущать краски; раздувать проблему; утрировать; преувеличивать; делать много шума из ничего; делать трагедию; прибавлять; раздувать; раздувать кадило; перегибать палку; подливать масла в огонь.*

Воздействуя на умы и настроения, реклама способна «делать из мухи слона» и стимулировать тот или иной запрос, возникающий в социуме [В. Ляпоров. Евро за доллар // «Бизнес-журнал» (2004), НКРЯ].

И от того, что про тех, у кого все нормально в личной жизни, очень любят сочинять слухи и делать из мухи слона [Женщина + мужчина: Психология любви (форум) (2004), НКРЯ].

А потом наш театр славится тем, что у нас очень хорошо умеют делать из мухи слона [И. Шолохова. Дневник (2009), НКРЯ].

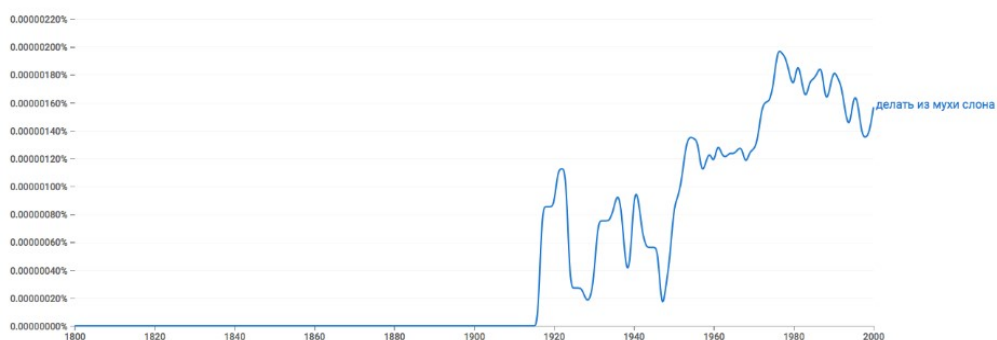

Рисунок 54 – Частотность функционирования фразеологизма *делать из мухи слона* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *делать из мухи слона* зафиксирован в 1917 г.

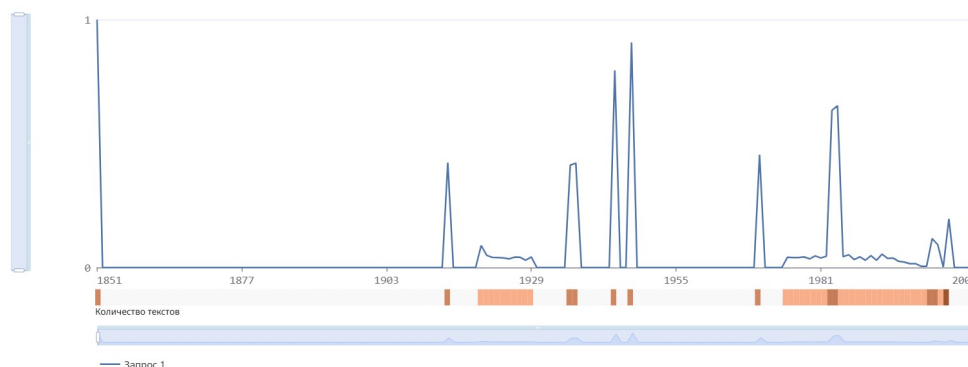

Рисунок 55 – Частотность функционирования фразеологизма *делать из мухи слона* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *делать из мухи слона* зафиксирован в 1915 г.

Слон – символ неуклюжести: как слон в посудной лавке – вести себя неуклюже, неумело, вызывая разрушения или беспорядок в ситуации, которая требует аккуратности и деликатности. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *пентюх*; *увалень*; *нескладеха*; *некультяпистый*.

Посмотрев на это, уже неловко говорить: «Как слон в посудной лавке» [К. Ганешин. Весь вечер на арене // «Наука и жизнь» (2007), НКРЯ].

Государство ведет себя как слон в посудной лавке [Л. Юрьева. Адвокатура и гражданское общество: мы только в начале пути // «Адвокат» (2004), НКРЯ].

Слон в посудной лавке в сравнении с Клавдией – просто таракан в пустыне [А. Гайкин. Один день с солнцем // «64 – Шахматное обозрение» (2004), НКРЯ].

Рисунок 56 – Частотность функционирования фразеологизма *как слон в посудной лавке* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *как слон в посудной лавке* зафиксирован в 1943 г.

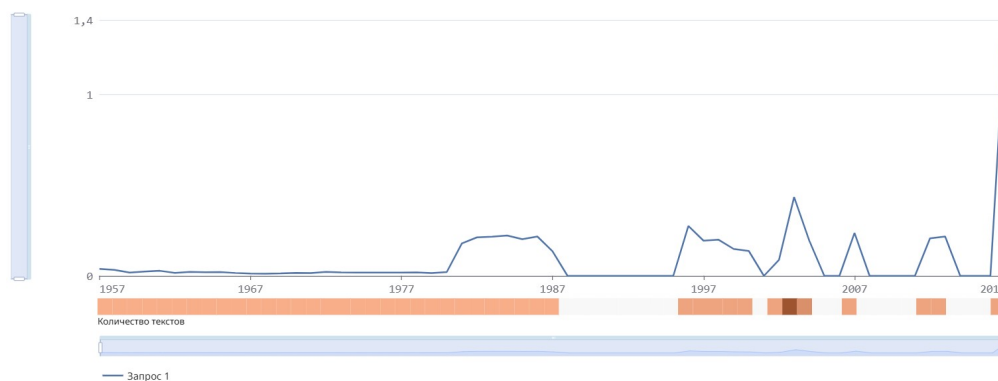

Рисунок 57 – Частотность функционирования фразеологизма *как слон в посудной лавке* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *как слон в посудной лавке* зафиксирован в 1957 г.

Слон – символ совершенно недостаточного, слишком малого: *что (или как) слону дробина* (разг., ирон.) – совершенно недостаточно, слишком мало. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *на один зуб; не хватает; недостаточно; слишком мало; мало*.

Его, дьявола, из пулемета жигануть... А палка ему, как слону – дробина. Постой, постой! [В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 1–4 (1928-1933), НКРЯ].

Любая Антонова демагогия была Алисе Венедиктовне что слону дробина [Д. Симонова. Без Россини (2002), НКРЯ].

– Говорят, помощь России – **что слону дробина**. Мы и сами понимаем: наши посылки составят ничтожную часть ваших потребностей. [В. Сырокомский. Когда сытый голодного разумеет // «Огонек». № 8 (1991), НКРЯ].

Рисунок 58 – Частотность функционирования фразеологизма *что слону дробина* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм **что слону дробина** зафиксирован в 1926 г.

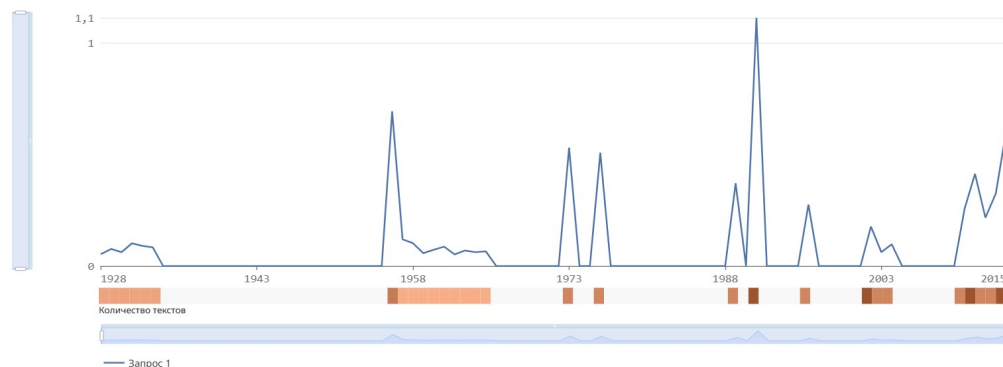

Рисунок 59 – Частотность функционирования фразеологизма *что слону дробина* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм **что слону дробина** зафиксирован в 1928 г.

Слон – символ плохого слуха: слон на ухо наступил кому (разг., шутл., ирон.) – о человеке, лишенном музыкального слуха. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *медведь на ухо наступил*; *не иметь слуха*; *лишенный музыкального слуха*; *немузыкальный*; *лишенный слуха*.

И голоса нет, и слон на ухо наступил, – безучастно выдохнула Стрелкова [Н. Мордюкова. Казачка (2005), НКРЯ].

У меня слух развился необыкновенным образом, верно, Хрыся?» – «Ну да, слон на ухо наступил, такой у тебя слух», – по-лешачьи захохотал старик и опять довольно подмигнул, подключая и меня в какую-то давнюю их игру; кажется, жизнь вот прожили, все тяготы перемололи-перенесли, а нынче и такой забаве рады, счастливы от детских бесхитростных уловок [В. Личутин. Крылатая Серафима (1977), НКРЯ].

Неумный человек этот Сан Саныч, хоть и старый и заслуженный деятель. Слон на ухо наступил! Да если б мне слон на ухо наступил, так меня бы и в живых уже не было [А. Драбкина. Волшебные яблоки (1975), НКРЯ].

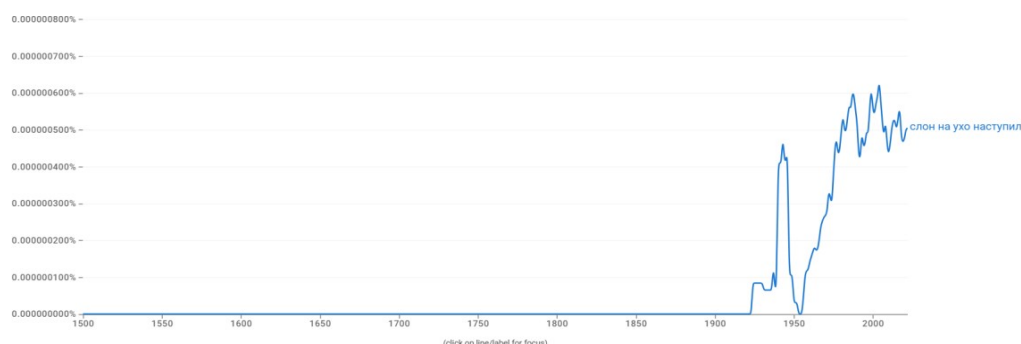

Рисунок 60 – Частотность функционирования фразеологизма *слон на ухо наступил* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *слон на ухо наступил* зафиксирован в 1924 г.

Рисунок 61 – Частотность функционирования фразеологизма *слон на ухо наступил* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *слон на ухо наступил* зафиксирован в 1975 г.

В конце 1940-х годов в советских анекдотах возникает ироничное выражение «Россия – *родина слонов*», высмеивавшее навязчивую пропаганду превосходства советской науки и искажение истории. Первоначально фраза была остро-ироничной, но со временем приобрела одобрительное значение гордости за достижения страны.

*Так что если Россия и не **родина слонов**, то, по крайней мере, родина собак* [С. Дробышевский. Достающее звено. Книга 2. Люди (2017), НКРЯ].

Я снял заляпанные очки и поплелся на работу, до которой оставалось несколько шагов, уныло думая при этом об издержках провинциальной жизни, о конфликте ментальностей, о бренности всего сущего, сочиняя что-то вроде: Россия – родина слонов, Челябинск – родина верблюдов... [С. И. Ваксман. Я стол накрыла на шестерых (главы из романа) // «Уральская новь» (2002), НКРЯ].

Когда маленький задира нападает на кого-нибудь сильного и невозмутимо спокойного, используется устойчивое выражение *слон и Моська* (разг.).

*Я считаю, что российская реклама и западная все равно, что **Слон и Моська*** [Думать может не всякий // «Рекламный мир» (30.03.2000), НКРЯ].

*Идем тут, как **слон и моська**, а нас разглядывают, – ворчал Пашка* [М. Тырин. «Будет немножечко больно» (2014), НКРЯ].

Образ *слона* в России многообразен: это и символ силы и надежности, и образ неуклюжести, и метафора преувеличения. Его использование в языке и культуре позволяет выразить различные социальные и личностные качества, а также создавать яркие образные сравнения. В советское время *слон* также использовался как метафора огромных ресурсов или возможностей страны.

2.9. Компонент-зооним черепаха

Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [1999], *черепаха* – это медленнодвигающееся на коротких конечностях пресмыкающееся, покрытое (исключая кожистую черепаху) костным панцирем. Самкой *черепахи* является *черепаха*, а детенышем *черепахи* называют *черепашонком*, *черепашкой* (мн. ч. – *черепашки*). В словаре под редакцией С. А. Кузнецова лексема *черепаха* имеет следующие определения: «1. Пресмыкающееся, тело которого покрыто костным или кожистым панцирем, выпуклым сверху и плоским снизу, очень медленно передвигающееся на коротких ногах, которые, как и голова, могут втягиваться в панцирь. <...> 2. Роговые пластинки этого животного, которые идут на поделки, изделия. <...> 3. Разг. О крайне медлительном, нерасторопном человеке» [Большой толковый словарь русского языка 2003].

В русской культуре образ *черепахи* связан с магическими действиями высших сил. В древности люди считали, что человек, который имеет при себе фигурку *черепахи*, всегда может рассчитывать на крышу над головой. Согласно легендам, *черепахи* появились в результате наказания человека за жадность или нарушения правил. Конечно, самое яркое олицетворение *черепахи* – это медлительность, причем «медлительность и неспешность упоминаются в негативном контексте <...>. Однако, благодаря своей медлительности, черепаха может достигнуть цели: “медленно идущая *черепаха* дойдет и до самого дальнего угла”. Иногда *черепаха* даже олицетворяет трусость: “как *черепаха*, носа не высунешь”» [Дорофеева 2023: 11].

Таблица 8 – Русские фразеологические единицы
с компонентом-зоонимом *черепаха*

№	Источник	Фразеологизмы
1	Толковый словарь С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой	Как черепаха (разг., ирон.); Черепашьим ходом (разг., ирон.); Черепашьим шагом (разг., ирон.)

№	Источник	Фразеологизмы
2	Толковый словарь В. И. Даля	Черепаша ежа не выпередит (посл.); Черепашой едет (посл.); Черепашка с зайцем навывередки пошла (посл.)

Черепаша – символ медлительности: *как черепаша* (разг., ирон.) – очень медленно, лениво (идти, ехать, тащиться). Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *в медленном темпе; еле-еле; замедленно; как сонная муха; лениво; медленно; медлительно; не спеша; не торопясь; нерасторопно; неспешно; неторопко; неторопливо; нога за ногу; потихоньку; черепашой; черепашьим ходом; черепашьим шагом; шаг за шаг; шаг за шагом.*

Я Владику дала зонт, сама иду под дождевиком, а он довольный идет как черепаша, ноги кое-как передвигает [Письмо девушки из Перми сестре в Москву (2001), НКРЯ].

Она плавала между кустами смородины, как черепаша [Д. Тихий. Огородник с острова Басаноту (2015), НКРЯ].

Рисунок 62 – Частотность функционирования фразеологизма *как черепаша* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *как черепаша* зафиксирован в 1917 г.

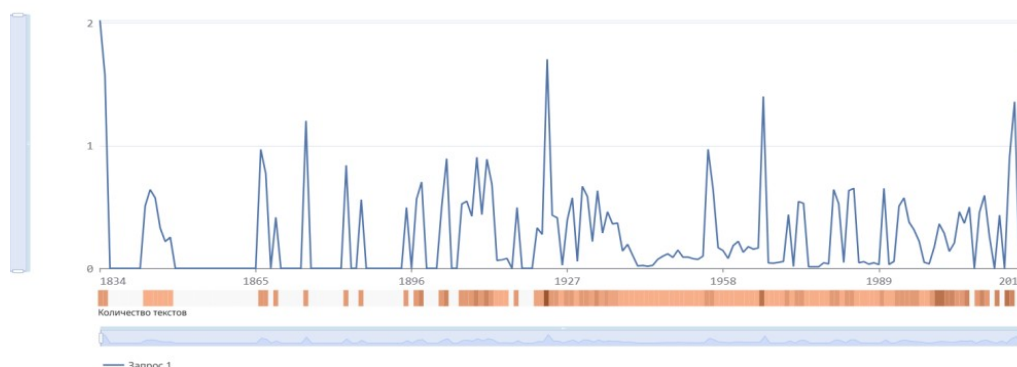

Рисунок 63 – Частотность функционирования фразеологизма *как черепаха* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *как черепаха* зафиксирован в 1834 г.

Черепаха – символ неторопливости: *черепашиим ходом* (разг., ирон.) – медленно, еле-еле идти, двигаться. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *ползком*; *улиточным шагом*; *вяло*; *плетущимся шагом*; *крадучись*; *очень медленное движение*; *медленно*; *неспешно*; *лениво*; *неторопливо*; *потихоньку*; *в медленном темпе*; *еле-еле*; *замедленно*; *как сонная муха*; *медлительно*; *не спеша*; *не торопясь*; *неторопко*; *нога за ногу*; *черепашиим шагом*; *шаг за шаг*; *шаг за шагом*.

Покуда паром черепашиим ходом переплывает на другую сторону, между переплавляющимися идет оживленный разговор [М. Салтыков-Щедрин. *Благонамеренные речи* (1872–1876), НКРЯ].

По Оби по-прежнему черепашиим ходом шел буксир «В. Маяковский», плыла рыбацкая лодка с розовыми от закатного солнца веслами, висела в зените легкая вечерняя тучка, иссиня-розовая, просквоженная насквозь солнечным светом [В. Липатов. *И это все о нем* (1984), НКРЯ].

Ровно в два часа ночи на 15 февраля поезд тронулся – и шел черепашиим ходом до рассвета, часами останавливаясь на станциях, и на полустанках, и в поле между ними, перед закрытыми семафорами [Р. Иванов-Разумник. *Тюрьмы и ссылки* (1934–1944), НКРЯ].

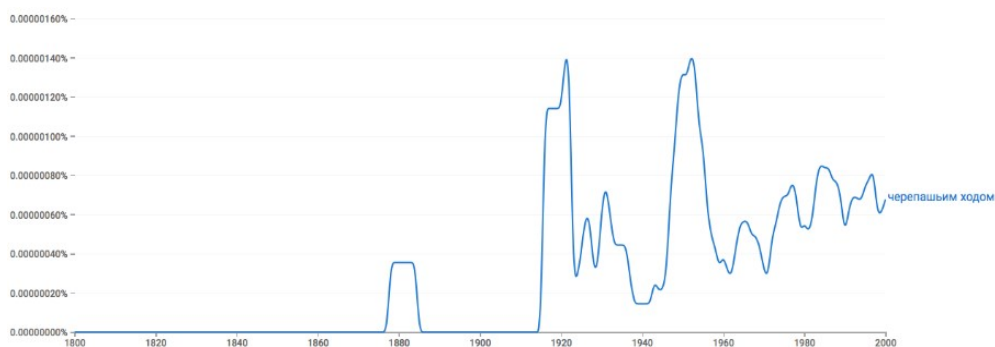

Рисунок 64 – Частотность функционирования фразеологизма *черепашьим ходом* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *черепашьим ходом* зафиксирован в 1878 г.

Рисунок 65 – Частотность функционирования фразеологизма *черепашьим ходом* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *черепашьим ходом* зафиксирован в 1862 г.

В процессе анализа корпусных данных выявлен синоним *черепаший шаг*. *Поднявшись из кресла, он подошел к окну и принялся смотреть, как по Охотному Ряду черепаший шагом ползет поток машин* [Н. Дежнев. Принцип неопределенности (2009), НКРЯ].

Изнывая в пробках, двигаясь черепаший шагом, Долидзе обдумывал слова Элизбара о том, что надо собрать «еще столько же» [М. Гиголашвили. Чертово колесо (2007), НКРЯ].

*Я скользила взглядом по этим лицам и фигурам, потому что продвигались мы к выходу **черепашиным шагом*** [И. Калабухова. Приключение длиною в сорок пять лет // «Ковчег» (2013), НКРЯ].

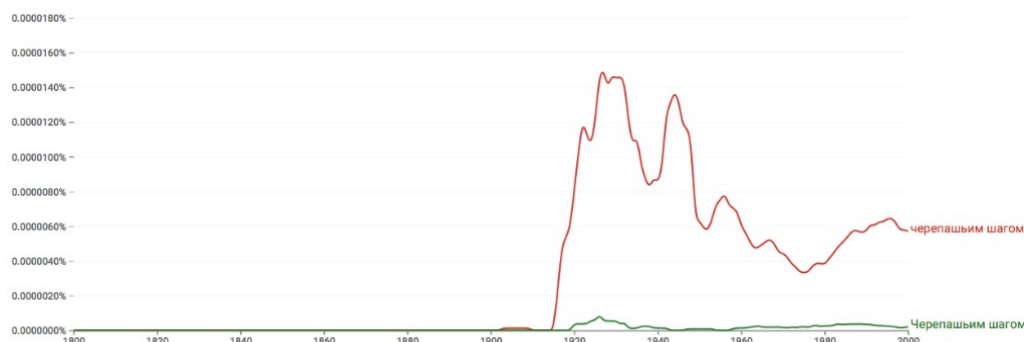

Рисунок 66 – Частотность функционирования фразеологизма *черепашиным шагом* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *черепашиным шагом* зафиксирован в 1916 г.

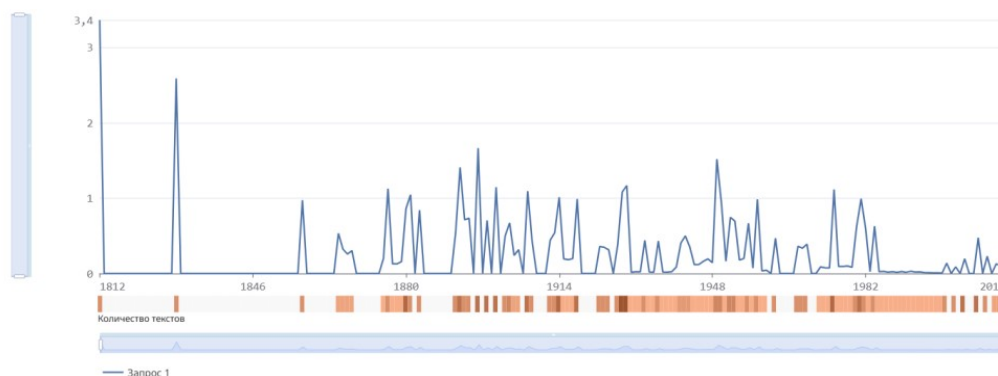

Рисунок 67 – Частотность функционирования фразеологизма *черепашиным шагом* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *черепашиным шагом* зафиксирован в 1812 г.

Образ *черепахи* – это символ медлительности, терпения, устойчивости. Он используется как метафора в пословицах, сказках и современном языке для выражения разных характеристик и жизненных принципов.

2.10. Компоненты-зоонимы феникс / жар-птица

Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [1999], *феникс* – это в некоторых древних мифологиях птица, обладающая способностью сжигать себя и возрождаться из пепла, символ вечного обновления. В словаре под редакцией С. А. Кузнецова лексема *феникс* имеет следующие определения: «1. В мифологии многих народов: птица, сжигающая себя и вновь возрождающаяся из пепла молодой. <...> Символ вечного обновления, возрождения, солнца. Считалось, что *феникс* живёт в арабских пустынях; раз в 500 лет, чувствуя приближение смерти, поёт погребальную песню, услышав которую животные падают замертво; затем, махая крыльями под лучами солнца, зажигает костёр из листьев дикой корицы, а через три дня из пепла рождается новый феникс» [Большой толковый словарь русского языка 2003]. В словаре В. И. Даля *феникс* определяется как «баснословная птица древних» [Даль 1989], также это редкий по дарованиям своим человек и одно из южных созвездий [там же].

Феникса, представляющего собой мифическую птицу, не существует в природе, однако версии данного символа исторически присутствуют в различных культурах по всему миру: «на Западе *Феникс* символизирует вечную жизнь, так как возрождается. В Древнем Египте и в древней Греции *Феникс* ассоциировался с солнцем и был солнечной птицей» [Гэн 2020: 130]. По легенде, в мире может существовать только один *феникс*. «Перед своим сожжением (.....) он собирает ветви и травы ароматических растений, вьет гнездо, а затем самовоспламеняется. Когда рождается молодой *Феникс*, он кладет пепел старого *Феникса* в яйцо, обкладывает его ароматическими специями и натирает маслом и возлагает его в храм солнца от бога солнца на алтарь» [там же: 130–131].

В русском фольклоре есть похожий образ: *жар-птица*. Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [1999], *жар-птица* – это «птица необыкновенной красоты с ярко светящимися перьями». В словаре под редакцией С. А. Кузнецова *жар-птица* – это «в русских сказках: волшебная птица со сверкающими,

горящими, как жар, перьями» [Большой толковый словарь русского языка 2003]. *Жар-птица* – это сказочная птица, персонаж русских сказок, олицетворяющая свет, тепло и огонь. Ее огненные перья светятся и поражают зрение человека, а живет она в тридевятом царстве в саду Царь-девицы. Птица сидит в золотой клетке и напевает песни Царь-девице, а когда поет, из клюва сыпется жемчуг. Это пение способно исцелять больных и возвращать зрение слепым. Ночью *Жар-птица* летает по саду и освещает все своим сиянием. Выпавшее перо из хвоста птицы может заменить самое богатое освещение, а со временем оно превращается в золотое. *Жар-птица* питается молодильными яблоками: их можно сопоставить с плодами гранатового дерева – любимым лакомством *фениксов*. Каждую осень *Жар-птица* умирает, а весной возрождается.

Таблица 9 – Русские фразеологические единицы
с компонентом-зоонимом *феникс / жар-птица*

№	Источник	Фразеологизмы
1	Толковый словарь С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой	Перо жар-птицы (перен.); Как феникс из пепла (перен.)

***Жар-птица* – символ счастья:** устойчивое выражение *перо жар-птицы* означает достичь большой удачи, найти счастье или получить нечто невероятно ценное, редкое, но труднодоступное, символизируя символ удачи, богатства и исполнение заветного желания, как в сказках, где герои ищут это волшебное, горящее и золотое перо. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *поймать удачу (за хвост); счастье небывалой ценности; волшебное сокровище; клад; найти клад; счастье; вытянуть счастливый билет; поймать фортуна; сорвать джекпот; повезло; сорвать куш.*

На днях его представили журналистам, щедро описав все преимущества устройства, по своему виду напоминающего перо Жар-птицы [Б. Земляков. Спорт. Стадион // «Огонек» (2013), НКРЯ].

Появились новые главные конструкторы блоков первой и второй ступеней. Каждый мечтал первым выхватить **перо жар-птицы**! Осложнились отношения и с НИИ-125, который почувствовал, что рискует потерять ведущую роль, настаивая на продолжении работ над большими шапками баллистного пороха [Б. Черток. Ракеты и люди (1999), НКРЯ].

Искусство – это праведный и чистый голос человечества в целом и каждого народа в отдельности, духовная и эстетическая побудительная высота, осуществленная мечта человека, ухваченное **перо жар-птицы** и прометеев огонь человеческих исканий и побед [В. Биbihин. Наше место в мире (1989), НКРЯ].

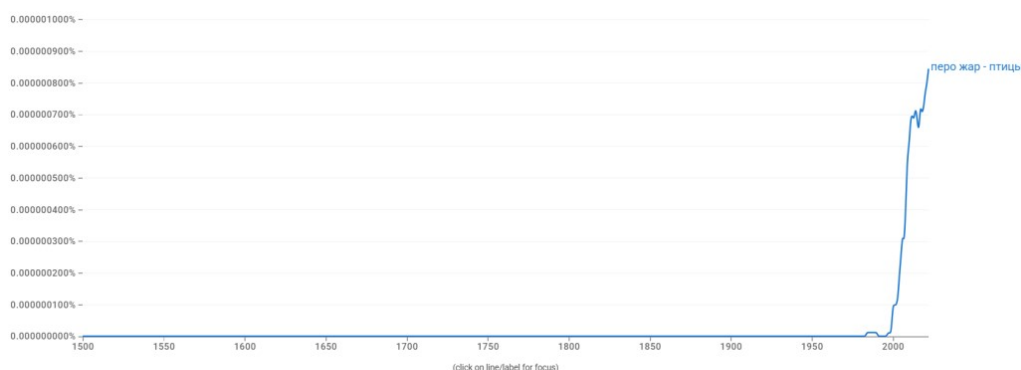

Рисунок 68 – Частотность функционирования фразеологизма **перо жар-птицы** в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм **перо жар-птицы** зафиксирован в 1984 г.

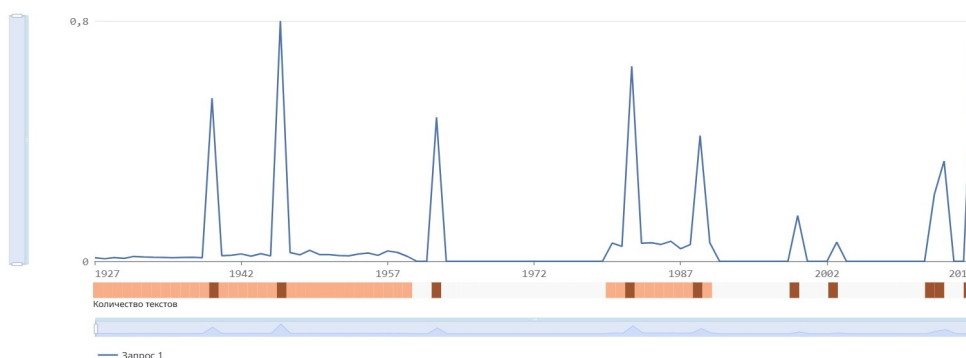

Рисунок 69 – Частотность функционирования фразеологизма **перо жар-птицы** в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *перо жар-птицы* зафиксирован в 1927 г.

Феникс – символ возрождения после сокрушительного разрушения: *как феникс из пепла* – символ возрождения, обновления и бессмертия, означающий восстать после полного разрушения или катастрофы и начать все заново, став при этом сильнее. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *возродиться из пепла; восстать из пепла; воскреснуть из пепла; подняться из пепла; обновиться; возродиться; восстать*.

Русь не раз разваливалась, но логика самой жизни заставляла ее вновь и вновь возрождаться, как Феникс из пепла [В. Шелохаев. Дневник (2012), НКРЯ].

Или, из Волгограда я время от времени получаю тоже довольно занятный альманах, который там без конца возрождается, как феникс из пепла, всякий раз под новым именем, – но других я просто не знаю [А. Пермяков. Разговоры с Андреем Пермяковым // «Волга» (2009), НКРЯ].

Вот такая легкая рука у «Волги» – она дала мне путевку в большую литературу, я до сих пор ценю это издание, регулярно читаю этот замечательный журнал, восставший как феникс из пепла после многих лет молчания, но не забвения [А. Титов. Большой конверт с тонким письмом // «Волга» (2008), НКРЯ].

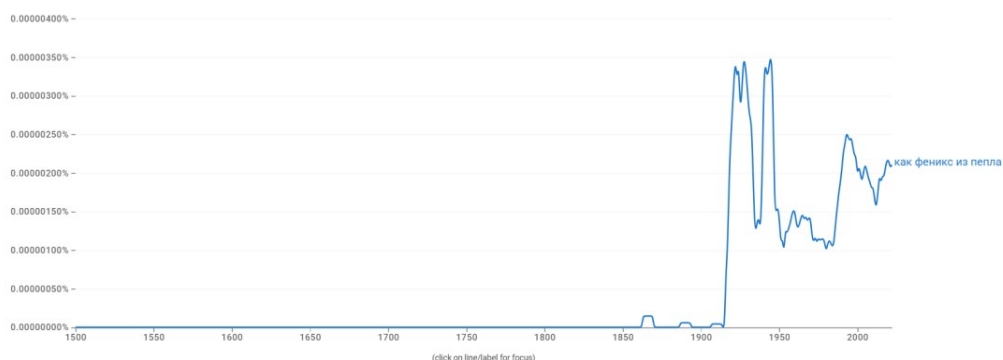

Рисунок 70 – Частотность функционирования фразеологизма *как феникс из пепла* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *как феникс из пепла* зафиксирован в 1863 г.

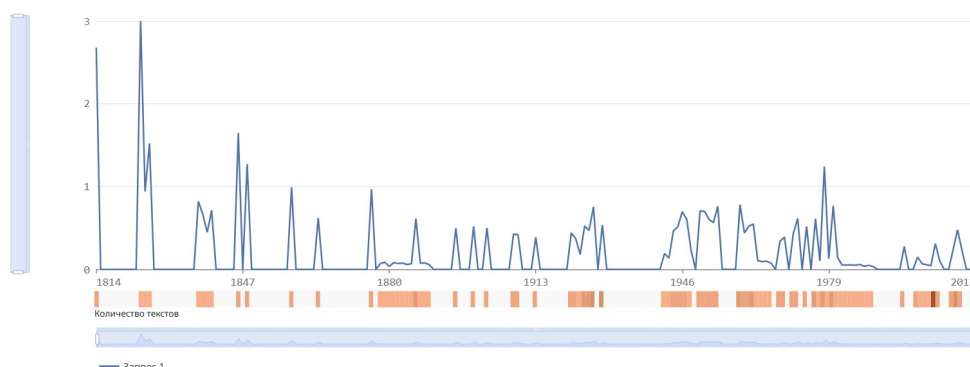

Рисунок 71 – Частотность функционирования фразеологизма *как феникс из пепла* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *как феникс из пепла* зафиксирован в 1814 г.

Образы *феникса* и *жар-птицы* имеют богатую и схожую культурную и мифологическую историю. *Феникс*, как символ возрождения, бессмертия и обновления, приходит из древних восточных и египетских мифов, где он олицетворял цикличность жизни и вечное возрождение. *Жар-птица* – это русский мифический образ, связанный с огненной птицей, которая символизирует свет, тепло и очищение. Образы *феникса* и *жар-птицы* в России использовались в литературе, искусстве и символике как метафоры трансформации, надежды и вечного возрождения, что нашло отражение в различных произведениях и культурных контекстах.

2.11. Компонент-зооним рыба

Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [1999], *рыба* – это «1. Позвоночное водное животное с конечностями в виде плавников, дышащее жабрами. <...> 2. Часть туши (тушки) такого животного, употребляемое в пищу. <...> 3. перен. Вялый, холодный человек (разг.). 4. То, что сделано (собрано, соединено) для обмана (прост.)». В словаре под редакцией С. А. Кузнецова

лексема *рыба* имеет следующие толкования: «1. Водное позвоночное животное с непостоянной температурой тела, дышащее жабрами и имеющее плавники. <...> Мясо такого животного; кушанье, приготовленное из этого мяса. <...> 2. Разг. О вялом, медлительном или холодном, бесстрастном человеке. <...> 3. Разг. То, что подготовлено для кого-л. в качестве предварительного или необходимого материала; заготовка. <...> 4. Разг. В игре в домино: позиция, при которой с обоих концов выложенного ряда костяшек оказываются одинаковые по числу очков, после чего игра считается законченной, и каждый игрок подсчитывает количество очков на оставшихся у него костяшках. 5. <...> Одно из двенадцати созвездий Зодиака // О человеке, родившемся в конце февраля – марте, когда Солнце находится в созвездии *Рыб*» [Большой толковый словарь русского языка 2003]. Согласно словарю В. И. Даля [1989], в русском языке встречаются названия *рыбка*, *рыбочка*, *рыбушка*, *рыбица*, *рыбонька*, *рыбченка*, *рыбешка*, *рыбина*, *рыбища*. В словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой находим некоторые образы, связанные с *рыбой*: *рыбий хвост* (женская прическа), *рыбья натура* (холодная натура). В мире было обнаружено около 32 000 видов *рыб*. Они обитают почти во всех водных средах на Земле – пресноводных озерах, реках и морских океанах. *Рыба* сопровождает человечество более 5 000 лет, она стала кормом и декоративным домашним животным в повседневной жизни человека.

Рыба представляет собой полисемантический символ в русской лингвокультурной традиции: в рамках языческого мировосприятия *рыба* выступает в роли символа вселенной; в то же время, согласно христианской традиции, образ *рыбы* ассоциируется со спасением и божественной мудростью [Маковский 1996]. В работах советских писателей 60–70-х гг. XX в. метафоры *рыб* были выбраны, чтобы читатели смогли глубже понять, осмыслить проблемы советского общества и конкретного человека: «писателям приходилось прибегать к аллегориям, чтобы люди могли осмыслить происходящее. Образы *рыб* в произведениях Ф. А. Абрамова и В. П. Астафьева – знаки неблагополучия,

предупреждения для власти и общества сделать шаги в сторону от падения в бездну» [Кралин 2016]. Особенностью фразеологических единиц с образом *рыбы* является амбивалентность, то есть двойственная или противоположная оценочная окрашенность.

Таблица 10 – Русские фразеологические единицы с компонентом-зоонимом *рыба*

	Источник	Фразеологизмы
1	Толковый словарь С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой	Биться как рыба об лед (иноск.); Ни рыба, ни мясо [ни кафтян ни ряса] (разг., неодобр., неизм.); Как рыба в воде (разг., только в указ. ф.); Нем, как рыба (перен.); Рыбкой скользнул (перен.); В мутной воде рыбу ловить (перен., разг., неодобр.); Мелкая рыбешка (перен., неодобр., разг.); Рыба гниет с головы (разг.); Холодный(-ая) как рыба (перен.)
2	Толковый словарь В. И. Даля	Мы с тобой, как рыба с водой (посл.); Не все с рыбкою, ино с репкою (посл.); Рыба не хлеб, ею сыт не будешь (посл.); Дал Бог рыбу, даст и хлеба (посл.); Была бы рыба, а хлеб будет (то же) (посл.); Ущица вместе, а рыбка в деле (дел, в дележ) (посл.); Ни рыба, ни мясо, ни кафтан, ни ряса (посл.); Кит-рыба под землей дрожит или на другой бок переваливается (посл.); Не учи рыбу плавать (посл.); Ловися рыбка малая и большая! (посл.); Рыба в реке – не в руке (посл.); Чей берег, того и рыба (посл.); Рыба мелка, да уха сладка (посл.); И маленькая рыбка лучше большого таракана (посл.); Всякая рыба хороша, коли на уду пошла (посл.); Послать со дна рыбу ловить (посл.); Либо рыбу съесть, либо на мель сесть (посл.); Рыбу ловить – при смерти ходить (посл.); Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть (посл.); Без труда не вынешь и рыбку из пруда (посл.); Большая рыба маленькую целиком глотает (посл.); Дешева рыба на чужом блюде (посл.); Хороша рыба, да на чужом она блюде (посл.); Хлебай уху, а рыба вверху (посл.); Дядя Мосей любит рыбку без костей (посл.); Хоть рыбы не есть, да в воду (в подполье) не лезть (посл.); Спела б и рыбка песенку, когда б голос был! (посл.); Нем как рыба, как безголосая рыба (посл.); Как рыба об лед бьется (посл.); Как рыба без

	Источник	Фразеологизмы
		воды (посл.); Рыба ищет глубже (где глубже), человек лучше (где лучше) (посл.); Рыбки да рябки, прощай деньки! (посл.); Рыбки да рябки, потерять уповодки (то есть рабочее время) (посл.); Рыбка да утка сделают без обутка (посл.); Держись берега, и рыба будет (посл.); Хороший лов рыбы, к урожаю хлеба (посл.); Рак не рыба, кожан не птица, баба не человек (посл.); Рыба – вода, ягода – трава, а хлеб – всему голова (посл.); Рыба не хлеб, ею сыт не будешь (посл.); Рыба от головы тухнет (посл.); Рыба рыбою сыта, а человек человеком (посл.); Рыба худа – не наварна уха, рыба жирна – янтарна уха (посл.); Рыбам – море, птицам – воздух, а человеку отчизна вселенный круг (посл.); Рыбам вода, птицам воздух, а человеку вся земля (посл.); Рыбе перевар, мясу недовар (посл.); Рыбина белужина хвостом вильнула: лесы спали, горы стали (посл.); Рыбку да утку встанью взять, а малых деток Бог дает (посл.); Рыбу ешь, да рыбака не съешь (посл.); Рыбу перевари, говядину недовари (посл.)

Рыба – символ бесполезности, тщетности, безуспешности: *биться как рыба об лед* (иноск.) – бесплодные, мучительные усилия по улучшению жизни или достижению цели. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *бедствовать; колотиться; перебиваться; нуждаться; мыкать горе; терпеть голод и холод; сидеть на мели; биться лбом о стены.*

А так – со своей красотой будешь биться и биться как рыба об лед да перебираться из одной постели в другую, слушая лживые обещания самоуверенных господ, которые клянутся-божатся, что помогут... [Т. Моспан. Подиум (2000), НКРЯ].

Продолжала биться как рыба об лед, надеясь, верно, кому-то что-то доказать? [Н. Кожевникова. В легком жанре (1986), НКРЯ].

Но Ляшкевич демонстративно уклоняется от всякой помощи этому делу – и предоставляет мне *биться как рыба об лед* [К. Чуковский. Дневник (1957), НКРЯ].

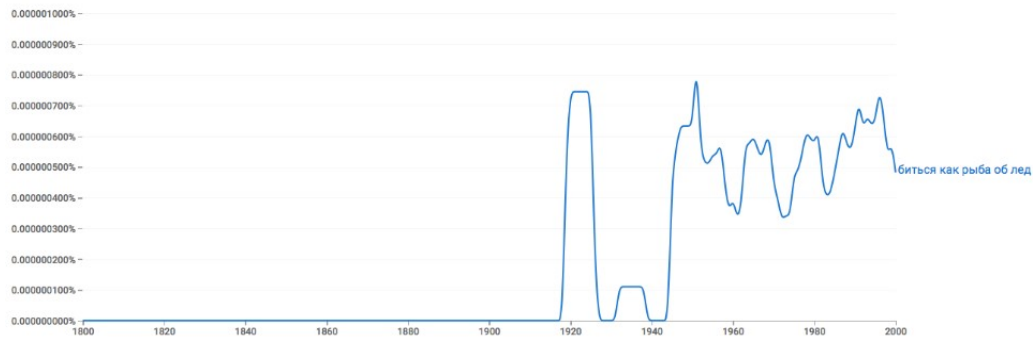

Рисунок 72 – Частотность функционирования фразеологизма *биться как рыба об лед* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *биться как рыба об лед* зафиксирован в 1917 г.

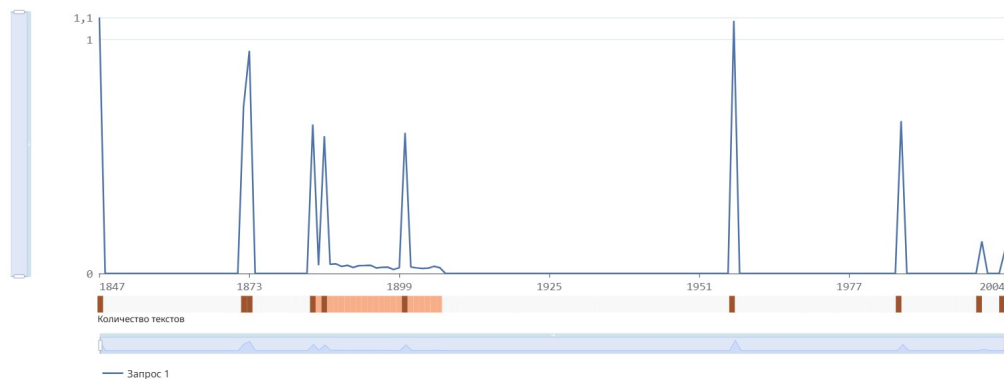

Рисунок 73 – Частотность функционирования фразеологизма *как рыба об лед* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *как рыба об лед* зафиксирован в 1847 г.

Рыба – символ заурядности: ни рыба, ни мясо [ни кафтян ни ряса] (разг., неодобр., неизм.) – ничем не выделяющийся, не имеющий ярких отличительных свойств, заурядный человек. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *ни то ни сё; серединка на половинку; ни*

Богу свечка, ни черту кочерга; ни пава, ни ворона; ни кафтан, ни ряса; так себе; неопределённый; никакой.

Ни рыба ни мясо, всегда молчит, ничего не знает [А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014), НКРЯ].

Думал, что Наташина сестра – ни рыба ни мясо [М. Трауб. Ласточка (2012), НКРЯ].

Рисунок 74 – Частотность функционирования фразеологизма *ни рыба ни мясо* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *ни рыба ни мясо* зафиксирован в 1839 г.

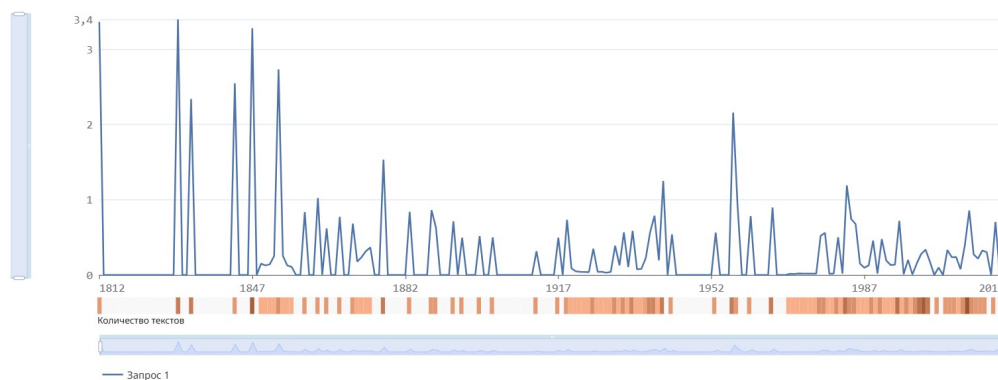

Рисунок 75 – Частотность функционирования фразеологизма *ни рыба ни мясо* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *ни рыба ни мясо* зафиксирован в 1812 г.

Рыба – символ свободы: как рыба в воде (разг., только в указ. ф.) – чувствовать себя очень комфортно, свободно, естественно и непринужденно в

какой-то среде или ситуации, где человек чувствует себя «в своей тарелке», хорошо разбирается в теме и легко ориентируется. С глаголами несовершенного и совершенного вида: *чувствовать себя, почувствовать себя... как? как рыба в воде* Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *свободно; непринужденно; естественно; вольготно; комфортно; как сыр в масле; в своей сфере; как в своей тарелке; как у себя дома; как дома; как в своей стихии; как в своем уголье.*

Но Федор Филатович в этом человеческом месиве чувствовал себя как рыба в воде [И. Грекова. Фазан (1984), НКРЯ].

Далее преисподняя кишит червями, страховидными, ужасно шипящими змеями и драконами, которые обитают в огне, как рыба в воде [А. Гуревич. Популярное богословие и народная религиозность средних веков (1976), НКРЯ].

Раньше я их не замечала, жила в них как рыба в воде [И. Грекова. Без улыбок (1975), НКРЯ].

Рисунок 76 – Частотность функционирования фразеологизма *как рыба в воде* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *как рыба в воде* зафиксирован в 1919 г.

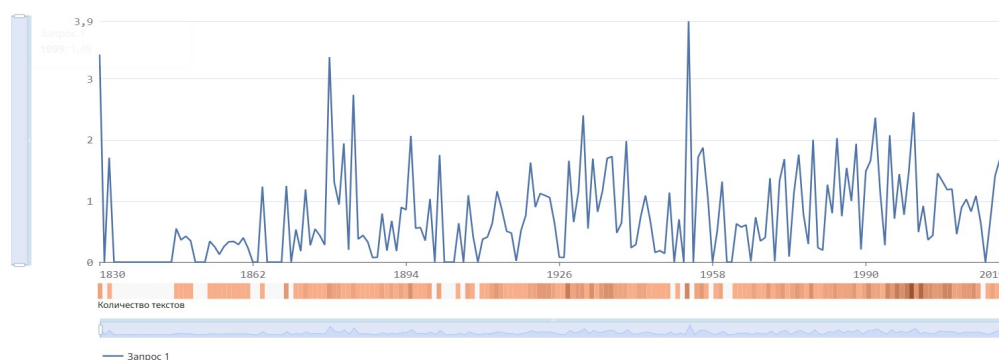

Рисунок 77 – Частотность функционирования фразеологизма *как рыба в воде* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *как рыба в воде* зафиксирован в 1830 г.

Рыба – символ умения хранить секреты: *нем, как рыба* (перен.) – человек упорно молчит, хранит тайны или совсем ничего не говорит, не поддается на уговоры или провокации выдать секрет. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *молчит как могила; проглотил язык; держит язык за зубами; набрать воды в рот; немой как рыба; нем как могила; немой как могила; молчаливый; молчун; неразговорчивый; безмолвный; замкнутый; затворник.*

Помню, помню, помню! – Филипп склонился к моей руке и поцеловал. Нем как рыба! Филипп давно, в начале нашей дружбы, дал слово не распространяться о моем остроумии [Н. Нестерова. Избранник Евы (2006), НКРЯ].

Нем как рыба, на этот счет у художника жесткие принципы [С. Есин. Дневник (2004), НКРЯ].

Буду нем, как рыба, – Петр Семенович покрутил перед губами, изображая замочек [М. Елизаров. Pasternak (2003), НКРЯ].

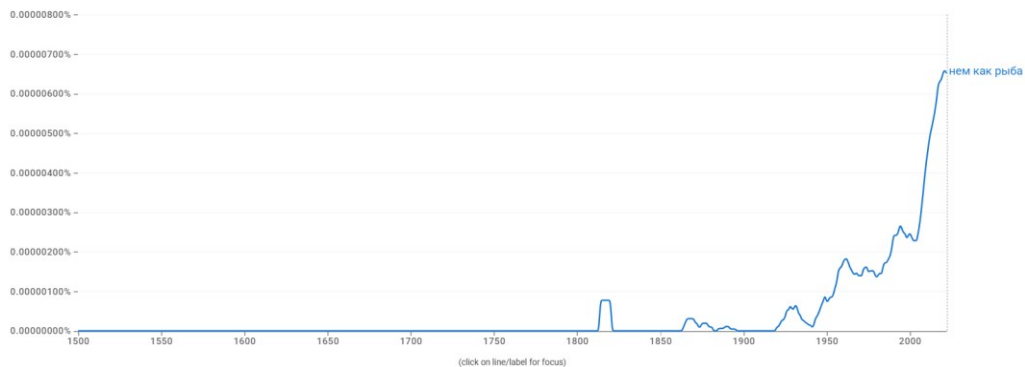

Рисунок 78 – Частотность функционирования фразеологизма *биться нем, как рыба* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *нем, как рыба* зафиксирован в 1814 г.

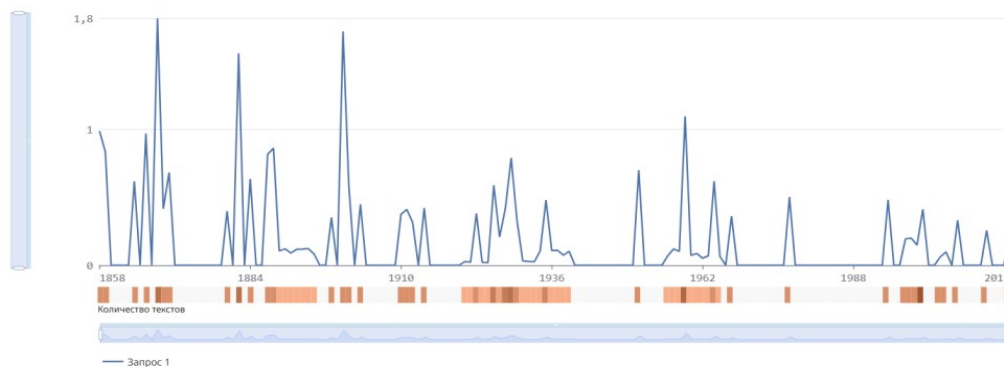

Рисунок 79 – Частотность функционирования фразеологизма *нем, как рыба* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *нем, как рыба* зафиксирован в 1858 г.

Рыба – символ ловкости: *рыбкой скользнул* (перен.) – незаметно, плавно, ловко и быстро проскользнуть или улизнуть, подобно *рыбе*, которая ускользает из рук или из воды. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *проскользнул*; *юркнул*; *выскользнул* (из чего-то); *шмыгнул*; *нырнул*; *улизнул*; *ускользнул*; *промелькнул*; *мелькнул*; *пронесся*.

*Расстроенный взгляд, ничего особенного не ища, **рыбкой скользнул** вдаль и вдруг совершенно неожиданно натолкнулся на старого знакомого: среди колонн аэропорта топтался Огнеопасный дед [У. Нова. Инка (2004), НКРЯ].*

*Эlegantно, легко набросил парашют, **рыбкой скользнул** в кресло [А. Анфиногенов. А внизу была земля (1982), НКРЯ].*

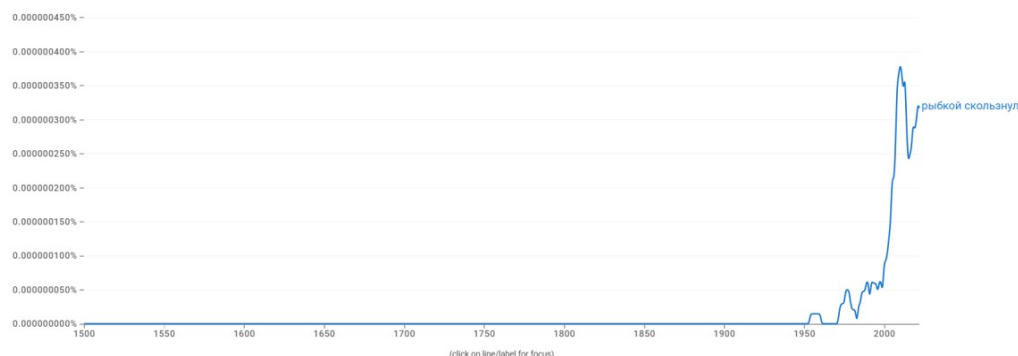

Рисунок 80 – Частотность функционирования фразеологизма *рыбкой скользнул* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *рыбкой скользнул* зафиксирован в 1954 г.

Рисунок 81 – Частотность функционирования фразеологизма *рыбкой скользнул* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *рыбкой скользнул* зафиксирован в 1982 г.

Рыба – символ извлечения выгоды: *в мутной воде рыбу ловить* (перен., разг., неодобр.) – извлекать выгоду из неясной, запутанной ситуации или чужих

затруднений, действуя нечестно или корыстно, пользуясь тем, что в условиях неразберихи сложнее проследить истинные мотивы и действия. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *хитрить; наживаться; обманывать; мошенничать; пользоваться; коварство; злой умысел; мухлевать; стратегия; афера; аферист; авантюра; авантюрист; жульничать; аферюга; делец; жулик; мошенник; плут; прохвост; проходимец; рыцарь наживы; мутный человек; нравственная нечистоплотность.*

*Сначала это было легкомыслие, соединенное с надеждой, что Петр Иванович не очнется; потом – страх при виде Петра Ивановича, показывающего несомненные признаки жизни, и наконец, соображение, что не существует такого положения, в котором не было бы возможно **в мутной воде рыбу ловить*** [М. Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге (1872), НКРЯ].

*Весь мир крепко ухватился за это предположение, но всех более хлопотал бурмистр байдаровский Тарас Вороненков, смысленный и ловкий мужик, умеющий и дело делать, и **в мутной воде рыбу ловить*** [С. Славутинский. Мирская беда // Селиванов И. В., Славутинский С. Т. Из провинциальной жизни (1985), НКРЯ].

*Рассказывают также, будто бы он жалуется со дом, Гомер и всякую беспорядицу для того, дескать, чтоб **в мутной воде рыбу ловить**, да это все бабы сплетни* [М. Загоскин. Вечер на Хопре (1834), НКРЯ].

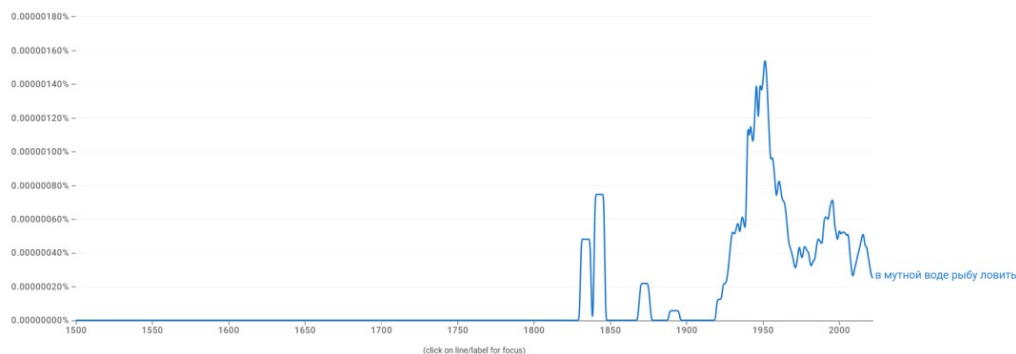

Рисунок 82 – Частотность функционирования фразеологизма *в мутной воде рыбу ловить* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *в мутной воде рыбу ловить* зафиксирован в 1831 г.

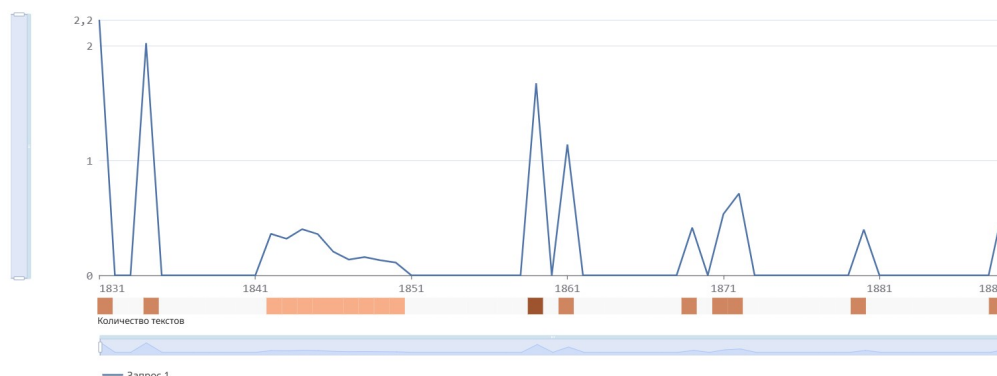

Рисунок 83 – Частотность функционирования фразеологизма *в мутной воде рыбу ловить* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *в мутной воде рыбу ловить* зафиксирован в 1831 г.

Рыба – символ ничтожности: *мелкая рыбёшка* (перен., неодобр., разг.) – пренебрежительное название для незначительного, неважного, малозначимого человека или группы людей, не имеющих авторитета, власти или влияния. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *мелюзга; незначительный; неважный; второстепенный; второсортный; непросвещенный; непонимающий; неосведомленный; незнающий; малозначимый; мелкий; пустяковый; несведущий.*

*Но государственный сектор живет своей жизнью, а коммерческий – своей, стараясь подстраиваться под медленно поворачивающуюся махину госмедицины, как **мелкая рыбешка** под кита* [Г. Костина. Лечить вместе // «Эксперт» (2016), НКРЯ].

*Но как человек практичный, он сознавал, что в конечном счете деньги сыграют свою роковую роль и высоко поднятый меч Фемиды вряд ли опустится на шеи основных махинаторов. Скорее всего, пострадает лишь **мелкая рыбешка**. Так что успешные действия налетчиков хоть и не особо радовали следователя,*

но все же вызывали злорадную ухмылку [А. Ростовский. По законам волчьей стаи (2000), НКРЯ].

Девяткин – мелкая рыбёшка, у него нет влиятельных друзей или высоких покровителей, из-за его гибели никто не станет поднимать шум [А. Троицкий. Удар из прошлого (2000), НКРЯ].

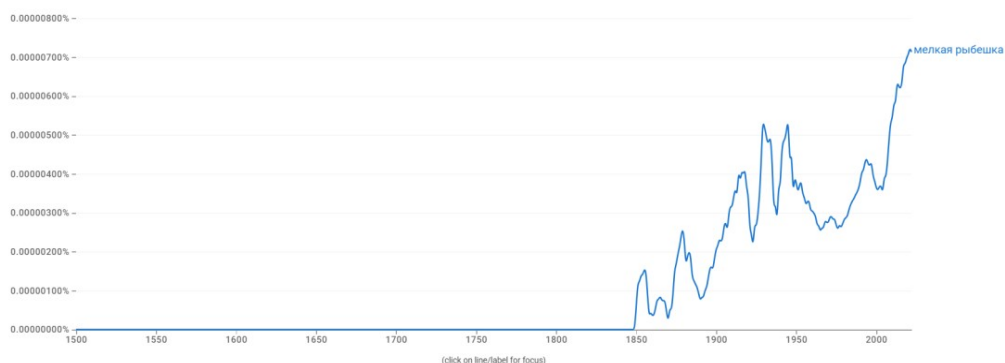

Рисунок 84 – Частотность функционирования фразеологизма *мелкая рыбешка* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *мелкая рыбёшка* зафиксирован в 1850 г.

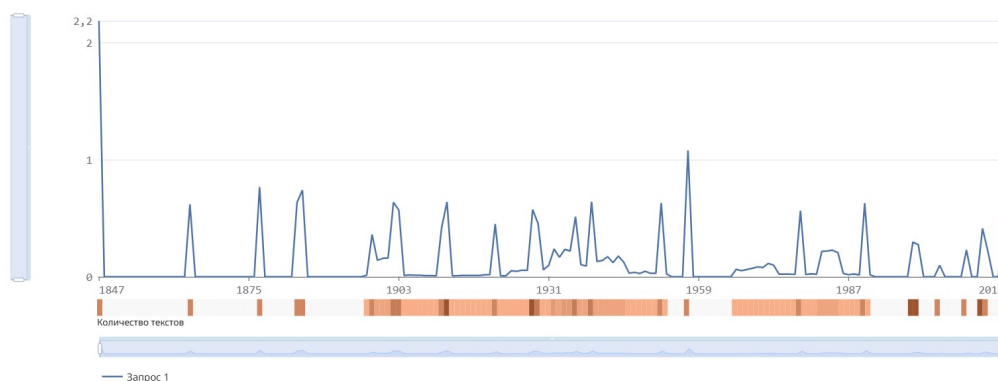

Рисунок 85 – Частотность функционирования фразеологизма *мелкая рыбешка* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *мелкая рыбёшка* зафиксирован в 1860 г.

Рыба – символ трудолюбия: без труда не вытянешь и рыбку из пруда (посл.) – для достижения любого результата, даже самого простого, необходимо

приложить усилия, работу или старание; успех не приходит сам по себе, а требует вложений сил, времени и терпения. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *терпение и труд всё перетрут; нет боли, нет побед; дело мастера боится; упорство; стойкость; напористость; воля; выдержка; стержень; настойчивость; решительность; непреклонность; выносливость.*

А порой я думала так: первый успех пришел «вдруг», без вклада. Без труда выловила рыбку из пруда. А после была неминуемая расплата [Л. Гурченко. Аплодисменты (1994–2003), НКРЯ].

Как говорится, без труда не вынешь и рыбку из пруда, а уж тем более – не выучишь иностранный [И. Мирзалис. Говорящие на незнакомых языках, или что такое ксеногlossия? // «Пятое измерение» (2002), НКРЯ].

А шустрых много, и произвол одного натывается на произвол остальных, однако без труда не выловишь и рыбку из пруда [М. Анчаров. Как Птица Гаруда (1989), НКРЯ].

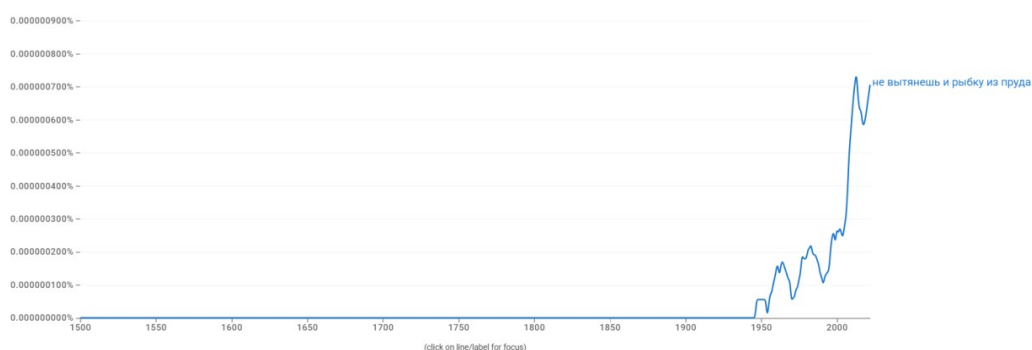

Рисунок 86 – Частотность функционирования фразеологизма *не вытянешь и рыбку из пруда* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *не вытянешь и рыбку из пруда* зафиксирован в 1947 г.

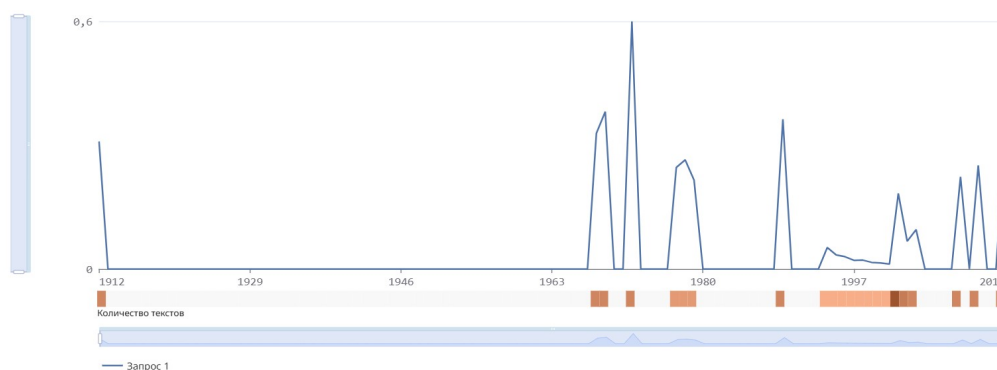

Рисунок 87 – Частотность функционирования фразеологизма *не вытянешь и рыбку из пруда* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *не вытянешь и рыбку из пруда* зафиксирован в 1912 г.

Рыба – символ порочности: рыба гниёт с головы (разг.) – проблемы, коррупция и разложение в коллективе, организации или государстве начинаются с руководства и лидеров, которые задают тон и подают пример. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *бардак; беспредел; начало конца; корень зла; источник проблем; основная причина; первоисточник неприятностей; первопричина*.

Общее мнение большинства её членов сводится к тому, что надо наводить порядок, но начинать его наводить нужно с тех, которые наверху, памятуя народную мудрость: **рыба гниёт с головы** [Оборотни первой волны // «Завтра» (2003), НКРЯ].

Конечно, конечно, **рыба гниёт с головы**, и эта диковая мода шла от вечно пьяного рыка предыдущего президента, которой своей блатноватостью даже бравировал, полагая, видимо, что таким он больше нравится простому народу [В. Пронин. Банда 8 (2005), НКРЯ].

Как известно, **рыба гниёт с головы**, а проблемы начинаются с начальства [С. Козлов. Волшебники-недоучки // «Боевое искусство планеты» (2004), НКРЯ].

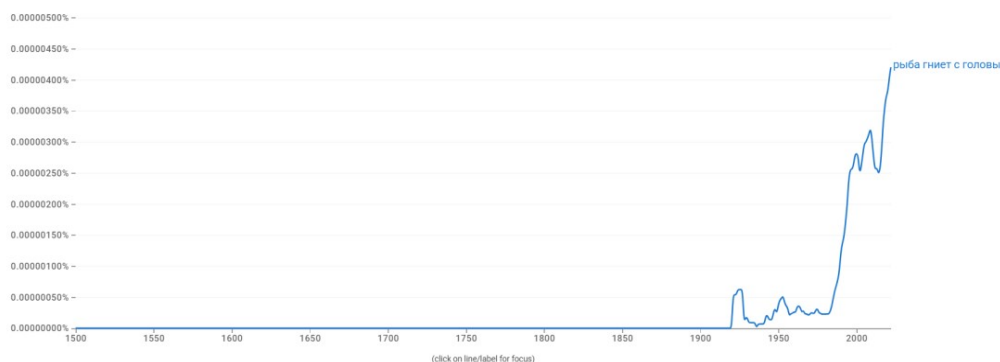

Рисунок 88 – Частотность функционирования фразеологизма биться *рыба гниёт с головы* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *рыба гниёт с головы* зафиксирован в 1941 г.

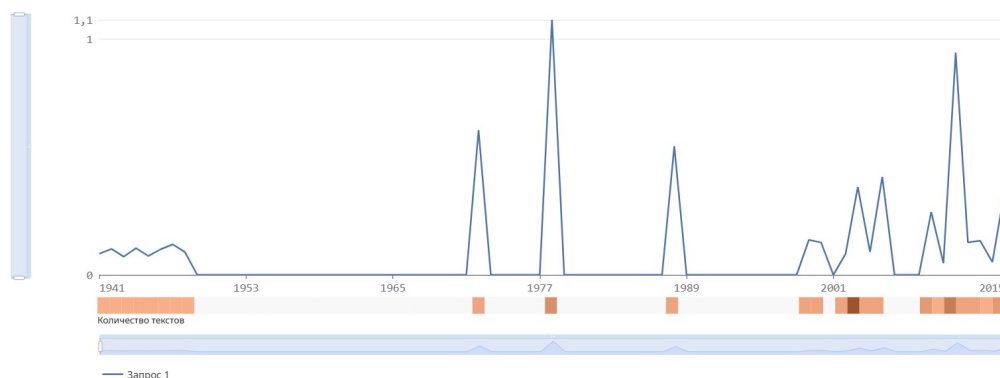

Рисунок 89 – Частотность функционирования фразеологизма *рыба гниёт с головы* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *рыба гниёт с головы* зафиксирован в 1921 г.

Рыба – символ бесчувственности: *холодный(-ая) как рыба* (перен.) – эмоциональная черствость, безразличие, неспособность проявлять чувства к человеку, молчаливость. Семантика фразеологизма может быть представлена другими синонимичными единицами: *бесчувственный; бездушный; холодный; бессердечный; равнодушный; безучастный; хладнокровный; безжалостный;*

невнимательный; сухой; прохладный; загрубелый; окаменелый; безэмоциональный; сдержанный; сухарь.

Я холодна, как рыба, но тем не менее мне кажется, что это мне было бы не особенно неприятно [М. Вишневская. Дневник (1917), НКРЯ].

Вариантов много. Холодный, как рыба. Эмоциональная холодность [В. Цнев. Кроссенс сновидения // «Наука и жизнь» (2006), НКРЯ].

Она была мокрая и холодная, как рыба, но её дыхание было горячо, оно жгло щеку Фомы и наполняло грудь его буйной радостью [М. Горький. Фома Гордеев (1899), НКРЯ].

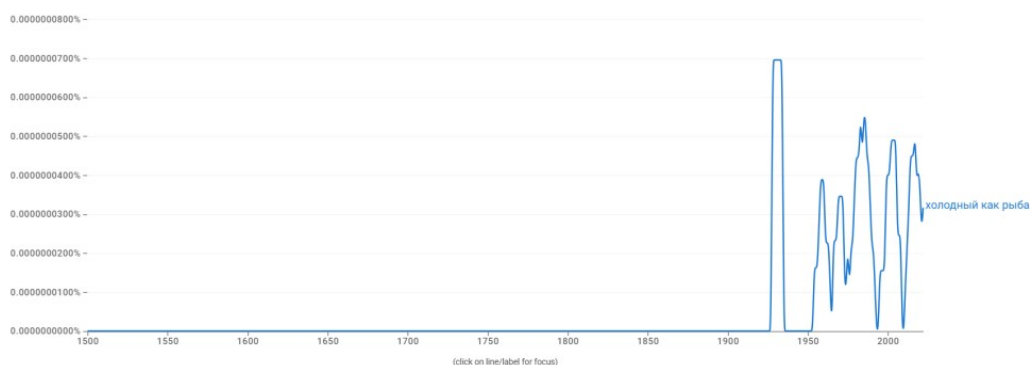

Рисунок 90 – Частотность функционирования фразеологизма *холодный(-ая) как рыба* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV фразеологизм *холодный(-ая) как рыба* зафиксирован в 1928 г.

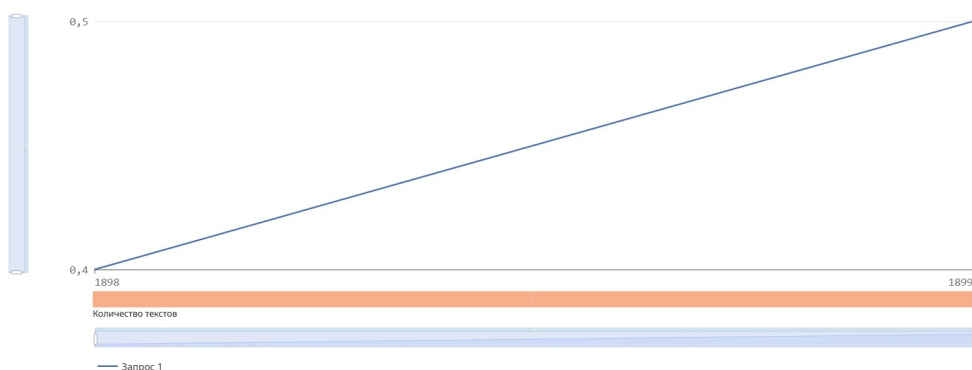

Рисунок 91 – Частотность функционирования фразеологизма *холодный(-ая) как рыба* в русском языке по данным НКРЯ

Зооним Символ	курица	олень	журавль	лошадь	дракон	муравей	слон	черепаха	феникс / жар-птица	рыба
недостижимость	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–
жестокость	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–
трудолюбие	–	–	–	+	–	+	–	–	–	+
медлительность	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–
возрождение	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–

Курица в символическом контексте олицетворяет хаос, ассоциируется с образами безвольных или жалких личностей, глупости, нелепости, чрезмерности и суетливости. В некоторых случаях данный образ может обозначать неловкие или затруднительные ситуации, а также символизировать изобилие и богатство.

Олень в символике олицетворяет как дружбу, так и ее отсутствие, а также является символом духовной любви, священным животным и носителем духовных начал.

Журавль в символическом контексте представляет собой образ недоступности и символизирует проявление смекалки.

Лошадь символизирует неожиданный триумф и победу, а также является символом хитрости, дара со скрытым злым умыслом, человека с богатым опытом, символом выносливости, трудолюбия, а также может обозначать абсурд, плохие перемены и обман. В русской языковой картине мира данный анимализм является одним из наиболее многогранных и глубоких символов.

Дракон в символическом аспекте олицетворяет вражду, раздор, смуту и сопряжен с ассоциациями жестокости.

Муравей является олицетворением трудолюбия, усердной и кропотливой работы, а также символом эмоциональных переживаний.

Слон олицетворяет преувеличенное внимание, а также является символом неуклюжести, недостаточности и чрезмерной малости, ассоциируется с плохим слухом.

Черепаша символизирует медлительность и неторопливость.

Феникс / жар-птица символизирует счастье и является символом возрождения после катастрофического разрушения.

Рыба в символическом плане представляет собой образ непреклонности, заурядности и свободы, также она ассоциируется с умением хранить секреты, плавностью движений, извлечением выгоды, а в некоторых контекстах – с ничтожностью, трудолюбием, порочностью, бесчувственностью и умеренностью.

Таким образом, большинство анимализмов несут очевидную символику, связанную с определенными чертами или характеристиками человека, что подчеркивает функциональную роль таких образов в коммуникации.

ГЛАВА 3. АНИМАЛИСТИЧЕСКИЙ КОД В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

3.1. Компонент-зооним 鸡 (курица)

Для выявления контекстов употребления анализируемых чэньюй был проведен комплексный лингвистический анализ, включающий использование подкорпуса Chinese-Russian parallel subcorpus of RNC (Русско-китайский параллельный подкорпус НКРЯ), а также исследование текстов, взятых из глобальной цифровой библиотеки GBNV. Помимо этого, был привлечен крупнейший китайский корпус BCC 语料库 (北京语言大学语言智能研究院), разработанный Пекинским университетом языка и культуры. Многоаспектная методика позволила получить более полное и точное представление о функционировании чэньюй в различных контекстах, что способствует более глубокому пониманию их семантики, прагматических особенностей и стилистических характеристик.

В китайских словарях иероглиф 鸡 используется как общее обозначение для *курицы* и *петуха*. Так, в БКРС иероглифом 鸡 обозначаются: 1) *курица, петух, курятина*, а также прилагательные *куриный* и *петуший*; 2) *курица* домашняя; 3) *Петух* как десятое животное из цикла 12-ти (год *Петуха*); 4) проститутка (жарг.); 5) обзывательство (см. [БКРС]).

Таблица 12 – Китайские чэньюй с компонентом-зоонимом 鸡 (公鸡)

№	Источник	Чэньюй
1	Китайско-русский фразеологический словарь О. М. Готлиба, М. Хуаина	呆若木鸡 (букв. «глупый как деревянная курица»); 斗酒只鸡 (букв. «кубок вина и курица»); 家鸡野 (букв. «домашняя курица, дикий фазан»); 木鸡养到 (букв. «петух, вскормленный для боя, выглядит деревянным»); 牛刀割鸡 (букв. «мечом для забоя буйволов резать курицу»);

№	Источник	Чэньюй
		牝鸡司晨 (букв. «курица возвещает рассвет»); 杀鸡取卵 (букв. «убивать курицу, чтобы взять яйцо»); 雄鸡断尾 (букв. «петух сломал (себе) хвост»); 争鸡失羊 (букв. «добиться курицы, но потерять козу»)
2	Энциклопедия Байду	鹤发鸡皮 (букв. «седина и куриная кожа»); 鸡肠鼠肚 (букв. «крысиный живот и куриные кишки»); 鸡虫得失 (букв. «как курица ловит насекомых»); 鸡飞蛋打 (букв. «курица улетела и яйцо разбилось»); 鸡毛蒜皮 (букв. «пух курицы и чесночная шелуха»); 鸡声鹅斗 / 鸡争鹅斗 (букв. «драться как курицы и гуси»); 落汤鸡 / 落汤鸡子 (букв. «мокрая курица»); 杀鸡儆猴 / 杀鸡吓猴 (букв. «зарезать курицу на устрашение обезьяне»); 铁公鸡 (букв. «железный петух»); 味如鸡肋 (букв. «на вкус как куриные ребрышки»)
3	Словарь идиоматических выражений Ю. Ши	鹤立鸡群 (букв. «журавль среди кур»)
4	Словарь древних и современных китайских идиом	牛鼎烹鸡 (букв. «варить курицу в котле, предназначенном для быка»).

鸡 – символ проституции: в китайском языке *курица* как символ проституции закреплена в выражениях **做鸡** (букв. «заниматься проституцией») и **这条街晚上鸡很多** (букв. «на этой улице вечером много проституток»). Подобное использование анималистического образа распространено в разговорной речи и сленге, что требует осторожного подхода к употреблению данного зоонима из-за негативных коннотаций.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами: **鴨** (букв. «мужчина легкого поведения / жиголо / мальчик по вызову»); **做鴨** (букв. «заниматься мужской проституцией»); **野雞** (букв. «уличная проститутка, работающая в дешевых нелегальных заведениях»); **窑姐** (букв. «девка из борделя») [Энциклопедия Байду].

«做了官李亞落日平林噪晚鸡仙還是娼婦你還是小娼度佳云若不是在將軍陸天他» [增註第六才子書釋解: 8 卷; 末卷] («Став чиновником, Ли Я, сансет, Пинлинь, покойная куриная фея все еще проститутка, ты все еще маленькая проститутка, Ду Цзяюнь, если ты не принадлежишь к генералу Лу Тяню, хэ»² [Шестая книга толкования талантов: Том 8; последний том]).

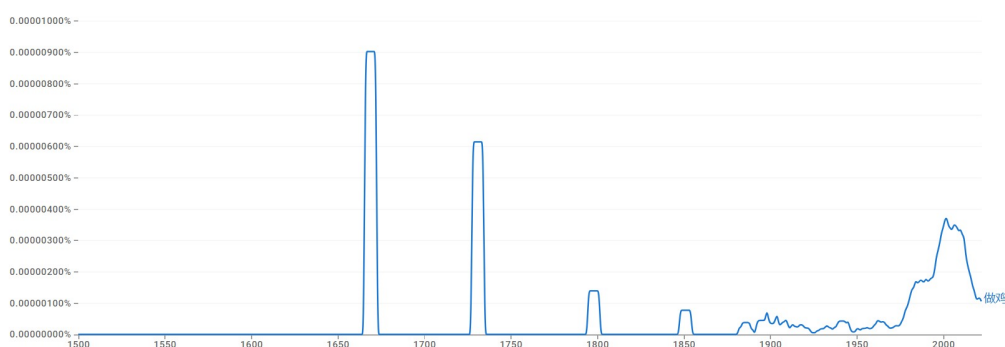

Рисунок 92 – Частотность функционирования выражения **做鸡** (букв.

«заниматься проституцией») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV выражение **做鸡** (букв. «заниматься проституцией») зафиксировано в 1666 г.

Образ курицы закрепился также в качестве разговорного порицания. Это подтверждается сленговым выражением **你太鸡了** (букв. «ты ведешь себя слишком по-куриному»), которое используют в значении «ну ты и мелочный» или «хватит мелочиться / скандалить по пустякам».

鸡 – символ мудрости: возвращаясь к иным интерпретациям, стоит подчеркнуть, что в китайском языке образы курицы и петуха часто символизируют

² Здесь и далее перевод наш.

мудрость, мастерство, выделение из группы. Данный анималистический образ представлен в китайском языке также синонимами: **公鸡** (букв. «самцовая курица») (символ мужества и бдительности); **神鸡** (букв. «божественная курица / волшебный петух») (образ мудрой или пророческой птицы в мифологии); **德禽** (букв. «птица добродетели») (литературное название петуха, отражающее его высокую репутацию в китайской культуре) [Энциклопедия Байду]. Так, для описания мудреца, пытающегося избежать катастрофы, используют чэньюй **雄鸡断尾** (букв. «петух со сломанным хвостом»).

«生顯靈,狐突遇鬼(僖十),秦謀復蘇(宣八),雄雞斷尾(昭二十二),乃至於介葛盧能辨獸音(僖二十九),晉文之柩有聲如牛(僖三十二),老人結草以亢杜同(宣十五),皆其例也。若夫終彼歲星,晉侯數魯襄之齒(襄九);算乎亥字,史趙知絳老之年(襄三十),誇博矜異...» [孔孟學報] («Явление духов живым [вдовицу], внезапная встреча Ху Ту с призраком (10-й год правления Си-гуна), воскрешение шпиона царства Цинь (8-й год Сюань-гуна), петух, отсекающий свой хвост (22-й год Чжао-гуна), и даже способность Цзе Гэ Лу понимать голоса животных (29-й год Си-гуна), исходящие из гроба цзиньского правителя Вэнь-гуна звуки, подобные мычанию быка (32-й год Си-гуна), или старик, связывающий траву, чтобы подставить подножку Ду Хуэю (15-й год Сюань-гуна), – всё это примеры явлений подобного [сверхъестественного] рода. Что же касается того, как на исходе цикла года Юпитера правитель Цзинь пересчитывал зубы луского Сян-гуна (9-й год Сюань-гуна), или как по циклическому знаку “хай” историограф Чжао вычислил возраст старца из Цзян (30-й год Сян-гуна), то данные сюжеты лишь бахвалятся широтой познаний и превозносят разного рода аномалии...» [«Вестник общества Конфуция и Мэн-цзы» / 孔孟學報]).

«的是宾。他正在为王子朝继位的事情处心积虑, 到郊外去或许是为寻找什么对策, 可他对雄鸡的暗示, 却没得出正确的理解。用我们的眼睛看雄鸡断尾, 首先会让人倒吸一口冷气。似乎一只活生生的公鸡正站在面前。它扭转头颈, 正狠命地啄扯着高高翘起的尾部 ...» [寓言鉴赏辞典, 1991] («Тот, у кого был сломан хвост, был гостем. Он строил планы относительно восшествия принца на престол, и его поездка за город, возможно, была связана с поиском какой-то стратегии, но он неправильно понял намек петуха. Увидев петуха со сломанным хвостом, мы сначала ахали. Казалось, будто перед нами стоит живой петух» [Словарь для оценки басен, 1991]).

Рисунок 93 – Частотность функционирования чэньюй **雄鸡断尾**

(букв. «петух со сломанным хвостом») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV данный чэньюй зафиксирован в 1978 г.

鸡 – **символ мастерства**: о человеке, который в совершенстве овладел искусством кунг-фу, говорят **木鸡养到** (букв. «петух, вскормленный для боя, выглядит деревянным»).

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами: **炉火纯青** (букв. «пламя в горне стало чисто-голубым») [Энциклопедия Байду]: образ взят из даосской алхимии, где появление голубого пламени означало, что эликсир бессмертия идеально выплавлен. Означает человека, достигшего пика квалификации, совершенства и чистоты в своем ремесле или боевом искусстве.

«木雞養到這才內飲的一個好比例從戰略戰術上說來就是主力的運用要自由要待機要乘隙就是要用縱隊略戰術上說來就是主» [蔣百里全集, 1971] («Только когда деревянный цыпленок поднят до этой точки, он может быть должным образом сбалансирован внутри. В стратегическом и тактическом плане это означает, что основные силы должны использоваться свободно, терпеливо и с учетом возможностей» [Полное собрание сочинений Цзян Байли, 1971]).

«木雞養到暫隨緣玉雞瑞氣亦偶然詎羨吐綬乞人憐閨本陽餘理可稽陰聲和性物難齊休嗤舊說多荒誕今歲仙蟲社罕擠買香林樂手重携却望辰間北斗低我是最閒心最靜驗將物化詎無稽怨女如今尚溯齊詎因守約惡聞嘶鳴蟬未必能全化作崇淮南一作朱家給使妻試據渾天歷數稽二分 ...» [柳齋遺集, 1962] («Деревянный петух выращен временно, как диктует судьба; благоприятная аура нефритового петуха тоже случайна. Зачем завидовать тому, кто выплевывает ленточку, моля о жалости? Принципы Инь и Ян проверяемы; звуки Инь и Ян и природа трудно согласуются...» [Собрание сочинений Рюсяя, 1962]).

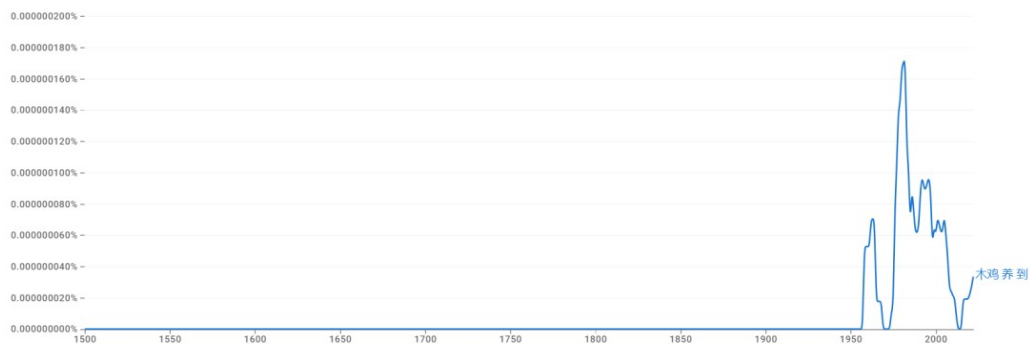

Рисунок 94 – Частотность функционирования чэньюй 木鸡养到 (букв. «петух, вскормленный для боя, выглядит деревянным»)

в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 木鸡养到 (букв. «петух, вскормленный для боя, выглядит деревянным») зафиксирован в 1959 г.

鸡 – **символ исключительности**: для обозначения внешности или таланта человека, выделяющегося среди группы людей, есть чэньюй **鹤立鸡群** (букв. «журавль среди кур»).

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами: **出类拔萃** (букв. «выйти за пределы своего рода, возвыситься над травой»); **独占鳌头** (букв. «в одиночку стоять на голове гигантской черепахи»); **卓尔不群** (букв. «выдающийся и не такой, как толпа»); **佼佼者** (букв. «самый яркий / выдающийся среди равных»); **脱颖而出** (букв. «острие шила, прорвавшее мешок [и вышедшее наружу]»); **一枝独秀** (букв. «одна ветвь цветет красивее всех остальных») [Энциклопедия Байду].

«**鹤立鸡群**, **一尘不染**。在当时的军阀部队中, 部队的军风纪律很坏。士兵不守营规, 背着官长就干坏事。打牌、赌博、嫖妓、吃鸦片, 甚至于进行抢劫, 这是比较常见的, 并不奇怪» [湖南文史资料选辑, 1981] («Выделяющиеся из толпы, безупречные. В армиях военачальников того времени дисциплина была крайне низкой. Солдаты игнорировали лагерные правила и совершали проступки за спинами своих офицеров. Азартные игры, проституция, употребление опиума и даже грабежи были обычным явлением, что неудивительно» [Избранные исторические и культурные материалы провинции Хунань, 1981]).

«**鹤立鸡群**了。不巧, 裴团长不在家, 他爱人接待了我。她虽然称得上是这个太平镇里的“一品诰命夫人”, 但那略有些浅麻子的脸上, 却含着东北妇女那种直朴、粗放、憨厚的性格, 绝没有城里官太太那种娇柔造作之感» [星火, 1900] («Я выделялся из толпы. К сожалению, командующего Пэя не было дома; меня встретила его жена. Хотя в этом городе Тайпина ее можно было бы считать первоклассной императорской дамой, на её слегка изборожденном оспинами лице

читалась прямолинейность, непритязательность и честность женичины с северо-востока, совершенно лишенная показной манерности жены городского чиновника. Мое напряженное настроение рассеялось» [Star, 1900]).

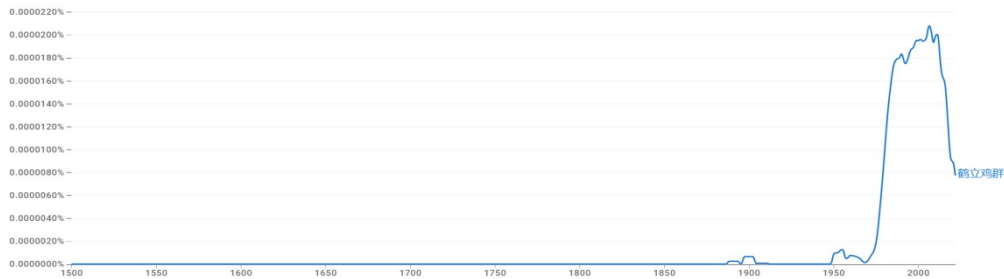

Рисунок 95 – Частотность функционирования чэньюй 鹤立鸡群

(букв. «журавль среди кур») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV данный чэньюй зафиксирован в 1890 г.

鸡 – символ внутренней дисциплины, раннего подъема и готовности усердно трудиться ради великой цели: **闻鸡起舞** (букв. «услышав пение петуха, взмахнуть мечом») означает вставать с петухами, браться за дело с утра пораньше (практиковать боевые искусства), а также подняться по первому зову.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами: **发愤图强** (букв. «воспарить духом и стремиться изменить судьбу»); **起早贪黑** (букв. «рано вставать и жаждавать темноты / работать допоздна»); **披星戴月** (букв. «набрасывать на плечи звезды и надевать на голову луну»); **起早贪黑** (букв. «от зари до зари») [Энциклопедия Байду].

«**闻鸡, 起舞时。【尾声】渔郎误入仙源去, 回首桃花路已迷。再莫向风前有所思。【注释】本谒侯门冀托名, 红颜顾盼笑颜生**» [六十种曲评注, 2001] («С криком петуха приходит время вставать и танцевать. [Эпилог] Рыбак по ошибке попал в сказочную страну, а когда обернулся, обнаружил, что тропинка среди персиковых цветов заплутала. Пусть больше никаких мыслей не уносится ветром» [Комментарий к шестидесяти видам музыки, 2001]).

«**干团教育长陈敢《军中吟》民国·郝聘珍**器声夜厉枪闻鸡, **起舞中原应鼓** 鼙。百战风云遗故垒, 十年泥雪证前蹄。过江名士咸归蜀, 表海雄邦复霸齐。我志未酬人已苦, 欲挥长剑恨天低!» [怀宁县志, 1996] («Чэнь Гань, начальник отдела образования кадрового корпуса, «Песнь в армии» (Китайская Республика) – Хао Пинчжэнь. Ночной шум оглушителен, кукарекает петух, и Центральные равнины поднимаются под звуки барабанов. Сотни сражений оставили позади старые крепости, десять лет грязи и снега свидетельствуют о прошлом. Все знаменитые ученые, переправившиеся через реку, вернулись в Сычуань, и могущественная морская держава восстановила свое господство над Ци. Мои амбиции остаются нереализованными, и люди страдают; я хочу владеть своим длинным мечом, но небо слишком низко!» [Летопись округа Хуайнин, 1996]).

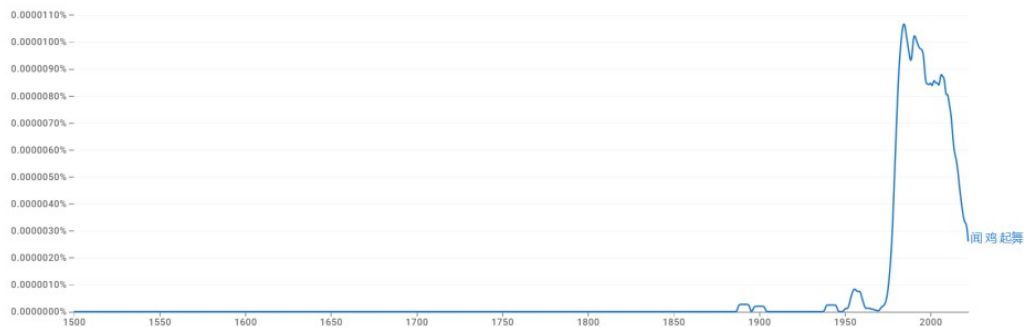

Рисунок 96 – Частотность функционирования чэньюй **闻鸡起舞** (букв. «услышав пение петуха, взмахнуть мечом») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй **闻鸡起舞** (букв. «услышав пение петуха, взмахнуть мечом») зафиксирован в 1888 г.

鸡 – символ возвышения: **鸡犬升天** (букв. «курицы и собаки возносятся на небеса») для описания ситуации, когда близкие люди получившего власть человека также становятся влиятельными.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами: **裙带关系** (букв. «связи по юбочной ленте» (родство по женской

линии)»); 任人唯亲 (букв. «назначать на должности только близких»); 因人成事 (букв. «добиться успеха благодаря другому человеку»); 狐假虎威 (букв. «лиса пользуется могуществом тигра») [Энциклопедия Байду].

«鸡, 犬, 升天?» 他的手向天花板上扬着, 想象着鸡呀狗呀腾云驾雾的情形。 “很好, 苏联没有这样的成语, 可是我懂。 我懂。” 乘火车从莫斯科去列宁格勒的那天晚上, 气候转冷。 病着的南老师正望着她包厢里薄薄的卧具发愁, 尤拉把他的棉垫和毯子一古脑儿抱来了» [肃毒战争, 1989] («“Куры, собаки, возносящиеся на небеса”? Он поднял руку к потолку, представляя себе кур и собак, парящих в облаках. “Очень хорошо, в Советском Союзе такого выражения нет, но я понимаю. Я понимаю”. Ночью, когда они ехали поездом из Москвы в Ленинград, похолодало. Больная госпожа Нань с тревогой смотрела на тонкое постельное белье в своем купе, когда Юра принес свой хлопчатобумажный матрас и одеяло» [Война с наркотиками, 1989]).

«鸡犬, 升天, 你们算他妈什么玩艺儿! 曼林打来电话, 约我去她家, 说是她男人从希腊回来, 带回来一些美术资料, 要送给我» [小说家, 1990] («Даже куры и собаки, вы считаете себя чем-то особенным! Манлин позвонила, пригласив меня к себе домой, сказав, что ее муж вернулся из Греции с некоторыми художественными материалами, которые он хотел мне подарить» [Писатель, 1990]).

Рисунок 97 – Частотность функционирования чэньюй 鸡犬升天 (букв. «курицы и собаки возносятся на небеса») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV данный чэньюй зафиксирован в 1897 г.

鸡 — символ жалкого положения: 落汤鸡 / 落汤鸡 子 (букв. «мокрая курица») обозначает курицу, упавшую в воду или полностью промокшую. Образ курицы используется метафорически для описания человека, промокшего до костей или находящегося в жалком состоянии. Образ восходит к шестой главе романа династии Мин «Каменное кивание». В английском языке есть похожее выражение *drown rat* (утопленная крыса).

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами: 丧家之犬 (букв. «бездомная собака / собака, потерявшая хозяина»); 败军之将 (букв. «генерал разбитой армии»); 狼狈不堪 (букв. «в крайнем замешательстве, подобно волку и оборотню») [Энциклопедия Байду].

«落湯雞子浴風波尊敬也無又問丫頭「和陸鄉里怎麼唱」又隨口換出腔來道我勸人我勸人家左右聽東鄰西舍莫爭論城發火起虧渠救加添水火弗救人•又有人問說丫頭「你叫化的可曉得子孫怎麼樣教」又隨口換出一調道•生下兒來又有孫呀熱鬧門庭呼熱鬧門庭賢愚貴賤門與庭» [中國文學珍本叢書第 1 輯, 1935] («Мокрая курица, купавшаяся в буре и не проявлявшая никакого уважения, спросила служанку: “Как поют в Лусяне?” Она небрежно сменила тему, сказав: “Я советую людям, я советую людям слушать своих соседей, не спорьте. Город горит, огонь горит, канал используется для спасения людей, добавление воды и огня не спасет людей”. Затем кто-то спросил служанку: “Разве нищий знает, как воспитывать детей?” Она снова небрежно сменила тему, сказав: “После рождения сына появятся внуки, дом будет оживленным и шумным, ворота распахнуты настежь, мудрые и глупые, благородные и смиренные, ворота и дворы”» [Серия «Сокровища китайской литературы», 1935]).

«细推敲片刻, 拍手称绝, 笑道: "乃貂蝉也。" 黄周星赞曰: "贤兄才高, 受敬落汤鸡'无愧也! " 当即以刚。后来, 黄周星将这一谜作编入自己的《虞辞四十笺》中。落汤鸡果真是鸡吗? 想想看» [古代谜语故事, 1984] («Поразмыслив немного, он восхищенно

захлопал в ладоши и рассмеялся: “Это Дяо Чань!” Хуан Чжоусин похвалил его: “Брат, твой талант превосходен; ты действительно заслуживаешь титула “мокрая курица”!” Он тут же согласился. Позже Хуан Чжоусин включил эту загадку в свои “Сорок заметок о загадках”. Действительно ли мокрая курица – это курица? Подумайте об этом. В конце династии Мин Ли Цзичэн, лидер повстанцев, возглавил крестьянское восстание» [Древние истории-загадки, 1984]).

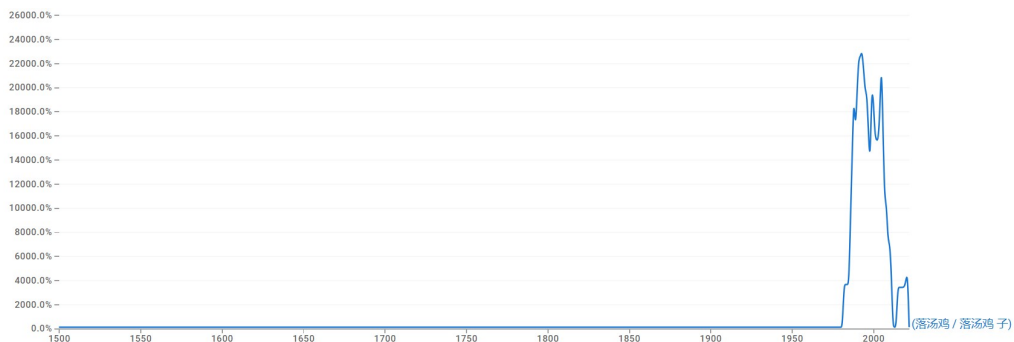

Рисунок 98 – Частотность функционирования выражений 落汤鸡 / 落汤鸡子 (букв. «мокрая курица») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV выражения 落汤鸡 / 落汤鸡子 (букв. «мокрая курица») зафиксированы в 1982 г.

鸡 – символ жадности: 争鸡失羊 (букв. «добиться курицы, но потерять козу») – это китайская идиома, происходящая из классических текстов династии Хань. Ее основной смысл заключается в описании поведения, при котором жадность ради малой выгоды приводит к большим потерям. Выражение впервые появилось в восьмом томе «Илиня» (易林) Цзяо Яньшоу.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами: 得不偿失 (букв. «полученное не возмещает утерянного»); 因小失大 (букв. «из-за малого потерять большое»); 捡了芝麻, 丢了西瓜 (букв. «подобрать кунжутное семечко, но выронить арбуз»); 鼠目寸光 (букв. «взор мыши видит лишь на цунь вперед»); 饮鸩止渴 (букв. «пить отравленное вино, чтобы утолить жажду») [Энциклопедия Байду].

«市人善贾。鬼崇其宇，夬争鸡失羊，亡其金囊。利不得长，陈蔡之患，垢九登十涉，马跌不前» [傳世藏書, 1996] («Жители города преуспевают в бизнесе. Призраки бродят по их домам; в драке из-за кур они теряют овец и золотые кошельки. Прибыль недолговечна; подобно бедствиям Чэня и Цая, они взбираются на девять гор и пересекают десять рек, их лошади спотыкаются и не могут двигаться вперед» [Собрание книг, передававшихся из поколения в поколение, 1996]).

«爭雞失羊利得不長陳蔡之患賴楚以安» [尚書中候鄭注, 2008] («Борьба за кур и потеря овец приносят кратковременные выгоды. Беды Чэня и Цая завясят от Чу в вопросах мира» [Комментарий Чжэн Сюаня к Книге документов, 2008]).

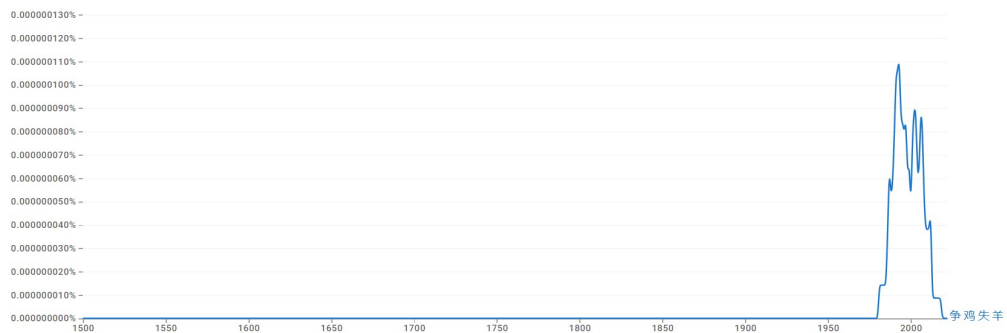

Рисунок 99 – Частотность функционирования чэньюй 争鸡失羊 (букв.

«добиться курицы, но потерять козу») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV данный чэньюй зафиксирован в 1982 г.

Китайская идиома 杀鸡取卵 (букв. «убивать курицу, чтобы взять яйцо») происходит из басен Эзопа, а именно из истории о курице, несущей золотые яйца. Это метафора жадности к сиюминутной выгоде и пренебрежения долгосрочными интересами.

Семантика идиомы языке представлена синонимичными единицами: 竭泽而渔 (букв. «осушить озеро, чтобы выловить [всю] рыбу»); 焚林而猎 (букв. «сжечь лес, чтобы поймать [всех зверей] на охоте»); 寅吃卯粮 (букв. «в год Тигра (инь) проедать зерно, отложенное на год Кролика (мао)») [Энциклопедия Байду].

«杀鸡取卵旧体制下是政府杀鸡取卵, 不养企业, 一有赢利, 统统拿走。现在是企业杀鸡取卵, 宰消费者, 取他的钱包之卵» [经济管理文摘, 1998] («При старой системе правительство убивало курицу, несущую золотые яйца, не поддерживая бизнес и забирая всю прибыль. Теперь бизнес убивает курицу, несущую золотые яйца, эксплуатируя потребителей и забирая их деньги» [Сборник статей по экономическому менеджменту, 1998]).

«杀鸡取卵是什么意思?» “杀鸡取卵! 不是杀鸡取卵! 卵就是鸡蛋!” 王平说, “这个, 你暂时还不懂。..... 你以为当个单位一把手容易吗? 什么事由我一支笔批字, 权力好像大得吓人。但盯着这笔头的大有人在呢! 这个月, 就接受审计、纪检、监察、物价部门七» [作品与争鸣, 1998] («Что значит “убить гуся, несущего золотые яйца”?” “Убить гуся, несущего золотые яйца! Это не “убить гуся, несущего золотые яйца”! Это всего лишь куриные яйца!” – сказал Ван Пин. – “Вы этого ещё не понимаете... Думаете, быть главой подразделения легко? Всё, что я одобряю своей рукой, кажется, будто я обладаю ужасающей властью. Но многие люди смотрят на эту руку! Только в этом месяце меня проверяли семь отделов: аудит, дисциплинарная инспекция, надзор и ценовой контроль”» [Работы и дискуссии. Выпуски 205–216, 1998]).

Рисунок 100 – Частотность функционирования чэньюй 杀鸡取卵 (букв. «убивать курицу, чтобы взять яйцо») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV данный чэньюй зафиксирован в 1898 г.

鸡 – символ потрясения: 呆若木鸡 (букв. «глупый как деревянная курица») – это китайская идиома, взятая из книги «Чжуанцзы: Дашэн». Идиома означает быть ошеломленным и потрясенным.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами: 惊慌失措 (букв. «в панике потерять [способность] принимать меры»); 魂飞魄散 (букв. «душа улетела, дух рассеялся») [Энциклопедия Байду].

«呆若木鸡, 维吉妮亚从跪着站起来, 庆贺父亲已悔罪, 这是再一次对照» [欧美名剧探魅, 1987] («Ошеломленная, Вирджиния поднимается с колен, чтобы поздравить отца с раскаянием – еще один контраст. Затем входит Галилео, его действия, поведение и слова резко контрастируют с действиями Андреа» [Детективные истории из известных европейских и американских сериалов, 1987]).

«正在吴三桂左右盘算, 希望之心日增之际, 一声闷雷晴天劈来, 使他呆若木鸡。 五田府歌妓入宫面圣使吴三桂呆若木鸡» [吴三桂与陈圆圆, 1989] («Как раз когда У Сангуй размышлял об этом, его надежды крепили, с ясного неба раздался приглушенный раскат грома, оставив его в полном недоумении. Затем повествование переходит к другой теме: куртизанка из семьи Тянь входит во дворец, чтобы встретиться с императором; У Сангуй ошеломлен» [У Сангуй и Чэнь Юаньюань, 1989]).

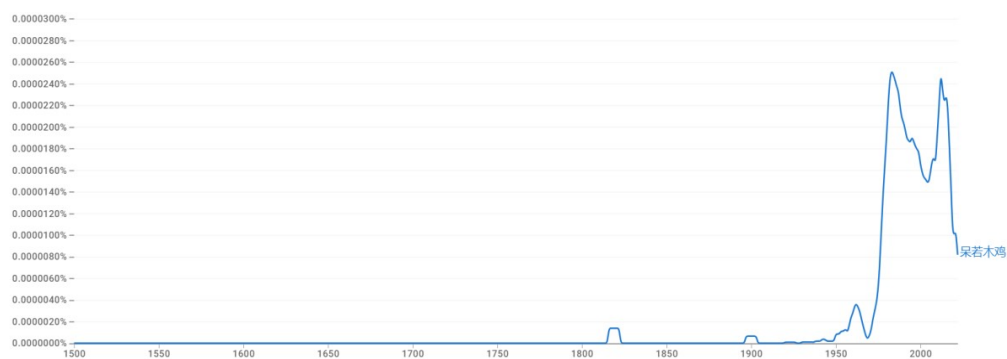

Рисунок 101 – Частотность функционирования чэньюй 呆若木鸡

(букв. «глупый как деревянная курица») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй **呆若木鸡** (букв. «глупый как деревянная курица») зафиксирован в 1816 г.

鸡 – символ мелочности: **鸡肠鼠肚** (букв. «крысиный живот и куриные кишки») – метафорическое описание узколобого и мелочного человека. Существуют различия в источниках его происхождения; оно зафиксировано как в «Чжань Гуй Чжуань», так и в «Ай Янь» Янься Саньжэня династии Мин. В английском переводе звучит как *узколобый*.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами: **目光如豆** (букв. «взор, величиной с фасолину»); **斤斤计较** (букв. «торговаться и спорить за каждый цзинь (полкилограмма) и ли (миллиграмм)») [Энциклопедия Байду].

«鸡肠鼠肚的人!» 吴兰芝急忙说些宽慰话儿。就在这时候, 忽然听有人叫门, 校长吩咐校役去看看» [小说, 1992] («Узколобый человек! – поспешно сказала У Ланьчжи утешительные слова. В этот момент кто-то постучал в дверь, и директор поручил школьному уборщику пойти проверить» [Роман, 1992]).

«鸡肠鼠肚, 容不得手足兄弟。大谈“人性本善”的道理, 即使苟矢弗如真的失去了善性, 应该相信他自己还会再寻回来» [孟子傳, 1992] («Они ограничены и нетерпимы, неспособны терпеть даже собственных братьев. Они проповедуют принцип “человеческая природа по своей сути добра”, предполагая, что даже если кто-то действительно утратил свою доброту, он должен верить, что сможет её вернуть» [Биография Мэнцзы, 1992]).

Рисунок 102 – Частотность функционирования чэньюй 鸡肠鼠肚

(букв. «крысиный живот и куриные кишки») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 鸡肠鼠肚 (букв. «крысиный живот и куриные кишки») зафиксирован в 1975 г.

鸡 – символ бытовых мелочей: 鸡毛蒜皮 (букв. «пух курицы и чесночная шелуха») – китайская идиома, означающая пустяки или бесполезные вещи. Идиома происходит из народной легенды: два соседа, один из которых продавал кур, а другой продавал чеснок, поссорились из-за того, что куриные перья и чесночная шелуха попадали друг другу во дворы, что в итоге привело к спору, который дошёл до окружной администрации. Окружной судья посчитал такую мелочь не заслуживающей внимания и приговорил обоих к десяти ударам плетью, назвав это «пустяком из-за куриных перьев и чесночной шелухи».

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами: 鸡零狗碎 (букв. «куриные и собачьи остатки»); 不足挂齿 (букв. «не стоит того, чтобы застревать в зубах [быть произнесенным]») [Энциклопедия Байду].

«鸡毛蒜皮的小细想一下, 这与我们的现实生活有着惊人的相似之处» [18 岁后要懂点人情世故, 2014] («Размышляя об этих, казалось бы, тривиальных вещах, мы видим поразительное сходство с нашей реальной жизнью» [Правила социального этикета, которые необходимо понимать после достижения 18 лет, 2014]).

«鸡毛蒜皮的日常人事入手的描写», 并不像'沪上学人, 所说的那样, '犹如细流蔓延, 最后汇流成海, 浑然天成中抵达本质的真实', 恰恰相反, 作者根本就没有在'浑然天成中抵达本质的真实', 而是从始至终都酱在“细枝末节、鸡毛蒜皮'的烂泥塘里» [浮光与掠影: 新世纪以来的上海文学, 2014] («Описания, начиная с тривиальных повседневных дел, не являются, как утверждают некоторые шанхайские ученые, “подобными ручейку, растекающемуся и в конечном итоге сливающимся в море, естественным образом достигающему сущности истины”». Напротив, автор никогда не “естественным образом достигает сущности истины”, а скорее остается погрязшим в “мутном болоте мелочей и мелких ссор” от начала до конца» [Мимолетные проблески и мимолетные образы: шанхайская литература с начала нового века, 2014]).

Рисунок 103 – Частотность функционирования чэньюй 鸡毛蒜皮

(букв. «пух курицы и чесночная шелуха») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 鸡毛蒜皮 (букв. «пух курицы и чесночная шелуха») зафиксирован в 1816 г.

鸡 – символ незначительной прибыли и потерь: 鸡虫得失 (букв. «как курица ловит насекомых») означает небольшие, незначительные прибыли и потери.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами: 蝇头微利 (букв. «крошечная выгода размером с мышиную головку»); 蜗角虚名 (букв. «пустая слава на рожке улитки») [Энциклопедия Байду].

«*鸡虫得失无了时, 注目寒江倚山阁*» [毛泽东的诗词艺术, 1991] («*Когда цыплятам и насекомым нечего будет приобрести или потерять, обратите внимание на павильон Ханьцзян Ишань*» [Искусство поэзии Мао Цзэдуна, 1991]).

«*鸡虫得失这一件小事中联系到人世的纷争, 这个道理无法用语言表达, 也无须用语言表达, 正所谓“此中有真意, 欲辨已忘言” (陶渊明《饮酒》二十首之五), 于是用描状作结*» [杜甫诗歌赏析集, 1993] («*Казалось бы, тривиальные вопросы прибыли и убытков, подобно курам и насекомым, связаны с конфликтами в мире. Эту истину нельзя выразить словами, да и не нужно. Как говорится: “Здесь есть истинный смысл, но я забыл слова, чтобы его выразить” (Тао Юаньмин, “Пить вино”, стихотворение номер пять). Таким образом, стихотворение завершается описательным отрывком*» [Сборник отзывов на стихи Ду Фу, 1993]).

Рисунок 104 – Частотность функционирования чэньюй *鸡虫得失*

(букв. «как курица ловит насекомых») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй *鸡虫得失* (букв. «как курица ловит насекомых») зафиксирован в 1897 г.

鸡 – символ возвышения над остальными людьми: идиома **鹤立鸡群** (букв. «стоять как журавль среди кур») означает, что внешность или талант человека выделяются среди группы людей. Первоначально выражение описывало выдающуюся внешность и манеры, но постепенно оно развилось в выражение, подчеркивающее внутренние качества и характер, включая исключительный талант и добродетель. Идиома происходит из истории о Семи Мудрецах

Бамбуковой Роши, записанной Дай Куем из династии Восточная Цзинь, и первоначально относится к выдающимся манерам Цзи Шао, сына Цзи Кана.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами: **出类拔萃** (букв. «выйти за пределы своего рода, возвыситься над травой»); **独占鳌头** (букв. «в одиночку стоять на голове гигантской черепахи»); **卓尔不群** (букв. «выдающийся и не такой, как толпа»); **佼佼者** (букв. «самый яркий / выдающийся среди равных»); **脱颖而出** (букв. «острие иголки, прорвавшее мешок [и вышедшее наружу]»); **一枝独秀** (букв. «одна ветвь цветет красивее всех остальных») [Энциклопедия Байду].

«**鹤立鸡群, 特别引人注目**» [浩然《山水情》] («В этом отдаленном горном районе он выделялся, как журавль среди кур, привлекая к себе значительное внимание» [Хао Ран, «Чувства к горам и рекам»]).

«**鹤立鸡群**» **的一些秘诀, 只要你真正掌握, 举一反三, 就能实现这个愿望**» [沟通心理学, 2018] («Некоторые секреты, позволяющие выделиться из толпы, если их по-настоящему освоить и применять различными способами, помогут вам достичь этой цели» [Психология коммуникации, 2018]).

Рисунок 105 – Частотность функционирования чэньюй **鹤立鸡群**

(букв. «стоять как журавль среди кур») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй **鹤立鸡群** (букв. «стоять как журавль среди кур») зафиксирован в 1888 г.

鸡 – символ узурпации власти: идиома **牝鸡司晨** (букв. «*курица возвещает рассвет*») используется для характеристики женщин, узурпирующих власть и разрушающих государственное устройство.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами: **牝鸡之晨** (букв. «*утро [под пение] курицы*») – означает упадок государства из-за женского правления; **女人干政** (букв. «*женщина вмешивается в политику*»); **外戚专政** (букв. «*диктатура родственников по линии императрицы*») [Энциклопедия Байду].

«*我, 而且骂她婆婆, 这明明的牝鸡司晨了。第二句, 说是毕顺不应娶她为妻*» [狄公案: 中國古典公案小說精品書庫, 2007] («*Я, и я даже прокляла её свекровь, это явно курица, возвещающая рассвет. Вторая строка говорит о том, что Би Шунь не должен был на ней жениться*» [Дела судьи Ди: Сборник классических китайских детективных романов, 2007]).

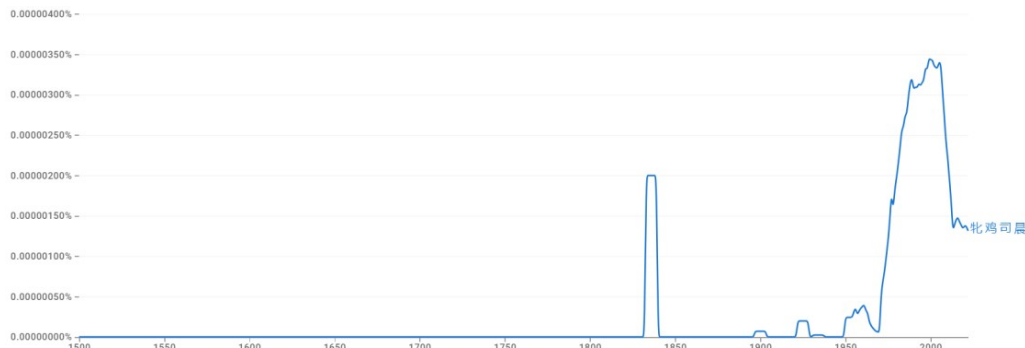

Рисунок 106 – Частотность функционирования чэньюй **牝鸡司晨**

(букв. «*курица возвещает рассвет*») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV данный чэньюй зафиксирован в 1888 г.

鸡 – символ скупости: для описания скупого человека используют китайскую идиому **铁公鸡** (букв. «*железный петух*»).

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами: **一毛不拔** (букв. «*и волоска из себя не вырвет*»); **抠门** (букв.

«ковырять [щели в] дверях, чтобы достать застрявшую копейку»); 吝嗇成性 (букв. «скупость въелась в характер») [Энциклопедия Байду].

«铁公鸡是一毛不拔吗?» 阿胞却现出认真而神秘的神情, 小声说: “叔叔伯伯们, 只要大家齐心, 我保证我们能打个牛肉牙祭。”接着他把... 铁公鸡面前交差, 他们也做好了安排, 然后依计而行。下午, 太阳偏西时, 阿胞赶着牛群回来, 关好牛, 他急忙哭丧着脸跑到铁公鸡» [世界經典民間傳說故事, 2011] («“Неужели этот скряга настолько скуп?” – спросил А Бао. Однако с серьезным и загадочным выражением лица он прошептал: “Дяди и старейшины, если мы будем работать вместе, я гарантирую, что у нас будет пир из говядины”. Затем он изложил свой план скряге, и они приняли соответствующие меры. Днем, когда солнце начало садиться, А Бао отогнал скот, запер его и поспешно побежал к скряге с мрачным лицом» [Мировые классические народные сказки, 2011]).

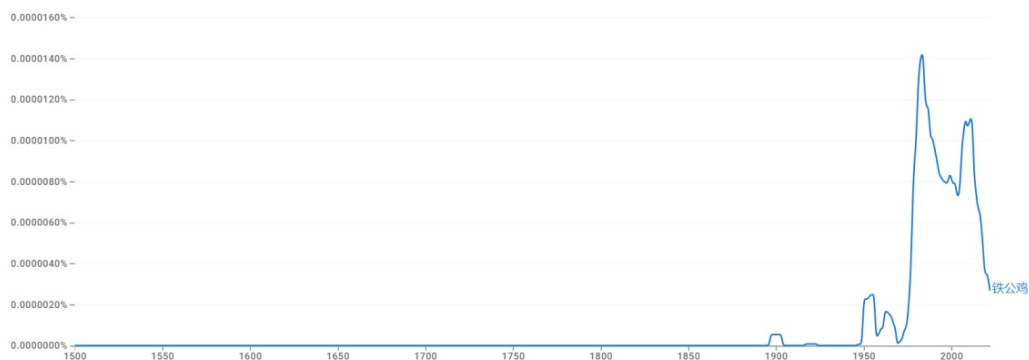

Рисунок 107 – Частотность функционирования чэньюй 铁公鸡

(букв. «железный петух») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 铁公鸡 (букв. «железный петух») зафиксирован в 1899 г.

鸡 – символ старости и увядания: внешность пожилого человека с седыми волосами и морщинистой кожей отразилась в китайской идиоме 鹤发鸡皮 (букв. «седина и куриная кожа»).

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами: **老态龙钟** (букв. «старческий вид, подобный [качающемуся] колоколу»); **风烛残年** (букв. «остаток лет, подобный свече на ветру»); **迟暮之年** (букв. «годы поздних сумерек»); **桑榆暮景** (букв. «вечерний пейзаж на кронах шелковицы и вяза») [Энциклопедия Байду].

«**语出北周·庾信《竹杖赋》: 噫, 子老矣, 鹤发鸡皮, 蓬头历齿**» [六十种曲评注, 2001] («Из “Оды бамбуковому посоху” Юй Синя времен династии Северная Чжоу: “Увы, ты стар, с седыми волосами и морщинистой кожей, растрепанными волосами и торчащими зубами” [Комментарий к шестидесяти видам музыки, 2001]).

Рисунок 108 – Частотность функционирования чэьюй **鹤发鸡皮**

(букв. «седина и куриная кожа») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй **鹤发鸡皮** (букв. «седина и куриная кожа») зафиксирован в 1958 г.

鸡 – символ наказания в назидание другим: закрепляется выражением **杀鸡儆猴/杀鸡吓猴** (букв. «зарезать курицу на устрашение обезьяне»).

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами: **杀一儆百** (букв. «казнить одного, чтобы предостеречь сотню»); **以儆效尤** (букв. «предостеречь [остальных] от подражания пороку»); **严惩不贷** (букв. «строго наказать без снисхождения») [Энциклопедия Байду].

«杀鸡吓猴的警告, 显示他余团总在这一带不可动摇的威严和力量» [情仇, 1981] («Это предупреждение, призванное отпугнуть обезьян, продемонстрировало непоколебимую власть и авторитет Юй Туаньцзуна в этом районе» [Любовь и ненависть, 1981]).

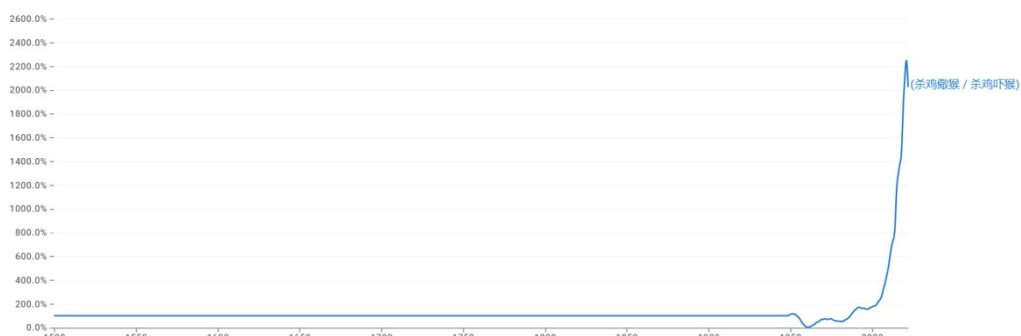

Рисунок 109 – Частотность функционирования чэньюй 杀鸡儆猴 / 杀鸡吓猴 (букв. «зарезать курицу на устрашение обезьяне») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 杀鸡儆猴 / 杀鸡吓猴 (букв. «зарезать курицу на устрашение обезьяне») зафиксированы ранее 1950 г.

鸡 – символ траура: траур по умершему другу описывается идиомой 斗酒只鸡 (букв. «кубок вина и курица»).

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами: 千里祭奠 (букв. «прийти за тысячу ли, чтобы совершить поминальный ритуал»); 睹物思人 (букв. «видеть вещи [умершего] и тосковать о человеке»); 人琴俱亡 (букв. «и человек, и его цинь (музыкальный инструмент) ушли вместе») [Энциклопедия Байду].

«又承从容约誓之言: “姐逝之后, 路有经由, 不以斗酒只鸡过相沃酹, 车过三步, 腹痛勿怪。” 虽临时戏笑之言, 非至亲之笃好, 胡肯为此辞乎?” 后因以“斗酒只鸡”为祭吊亡友之典» [中国典故大辞典, 2005] («Кроме того, я получил неофициальный обет: “После смерти моей сестры, если я буду проходить мимо, я предложу ей кувшин вина и курицу в качестве возлияния. Если моя карета

проедет мимо на три шага, и у меня заболит живот, пожалуйста, не удивляйтесь”. Хотя это было шутливое замечание, сделанное спонтанно, как мог человек, не будучи настолько близким к ней, дать такое обещание? Позже кувшин вина и курица стали распространенным обрядом оплакивания умершего друга» [Полный словарь китайских аллюзий, 2005]).

Рисунок 110 – Частотность функционирования чэньюй 斗酒只鸡

(букв. «кубок вина и курица») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 斗酒只鸡 (букв. «кубок вина и курица») зафиксирован в 1897 г.

鸡 – символ двойных потерь: для описания ситуации, когда неправильные действия приводят к двойным потерям, китайцы используют идиому 鸡飞蛋打 (букв. «курица улетела и яйцо разбилось»).

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами: 人财两空 (букв. «и человек ушел, и богатство испарилось»); 两头落空 (букв. «упустить оба конца»); 付诸东流 (букв. «пустить по течению на восток (все реки Китая текут на восток)») [Энциклопедия Байду].

«鸡飞蛋打大酒店», 到处发帖子迷人光顾。我想这回你这个弟弟总没有什么好推脱的了吧! 對个标房或凭大姐这个名头打个对折弄个总统套房什么的,也好好享受一个晚上, 谁知这个大酒店和网络一样也是虚拟的,别说躺了,连个坐的地方也没有,名副其实的鸡飞蛋打,好大...» [青春, 2003] («Повсюду висят объявления типа

“Отель “Курица и яйцо вдребезги”, пытаюсь заманить клиентов. Я думал, на этот раз у тебя, младшего брата, не будет никаких отговорок! Может, ты сможешь снять стандартный номер или, используя имя своей старшей сестры, получить 50 % скидку на президентский люкс и насладиться полноценной ночью. Но этот “отель”, как и интернет, виртуальный. Забудьте о том, чтобы лечь, там даже негде было сесть. Настоящий отель “курица и яйцо вдребезги”, какое огромное разочарование...” [Молодость, 2003]).

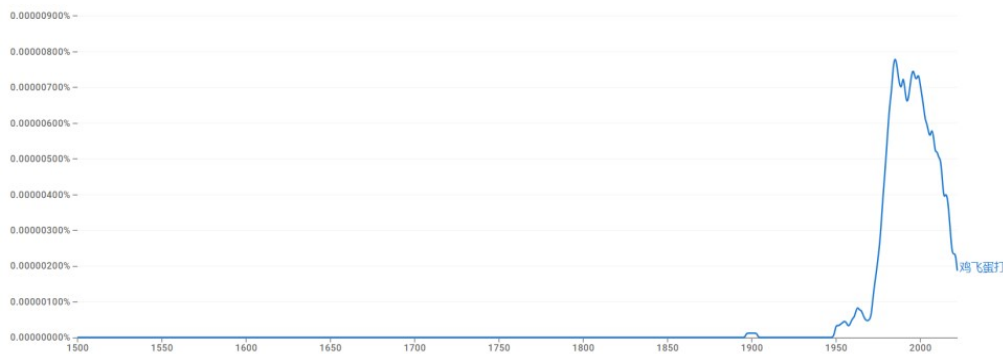

Рисунок 111 – Частотность функционирования чэньюй 鸡飞蛋打

(букв. «курица улетела и яйцо разбилось») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 鸡飞蛋打 (букв. «курица улетела и яйцо разбилось») зафиксирован в 1897 г.

В китайском языке также присутствует идиома 家鸡野 (букв. «домашняя курица, дикий фазан»), которая обозначает различия в художественных стилях, таких как каллиграфия и живопись, также является метафорой того, что люди любят все новое и не любят обыденное.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами: 见异思迁 (букв. «увидев нечто иное, переносить [туда] свои мысли»); 弃旧图新 (букв. «отвергнуть старое и стремиться к новому») [Энциклопедия Байду].

«**写章草**, 人们称他为**草贤**。**家鸡野鹜**【原文】晋庾翼少时, 书与右军¹齐名, 学者多宗右军。庾不忿, 《与都人书》云: “小儿辈乃厌家鸡, 反爱野鹜², 皆学逸少书» [夜航船全鉴, 2018] («Он писал курсивом, и люди называли его “мудрецом курсивного письма”. Домашние куры и дикие утки. Когда Юй И из династии Цзинь был молод, его каллиграфия была так же известна, как и каллиграфия Ван Сичжи (303–361), и многие ученые следовали стилю Ван Сичжи. Юй был возмущен и написал в своем “Письме народу столицы”: “Мои дети не любят домашних кур, а вместо этого любят диких уток, и все они изучают каллиграфию Ван Сичжи”» [Полное руководство по ночным путешествиям, 2018]).

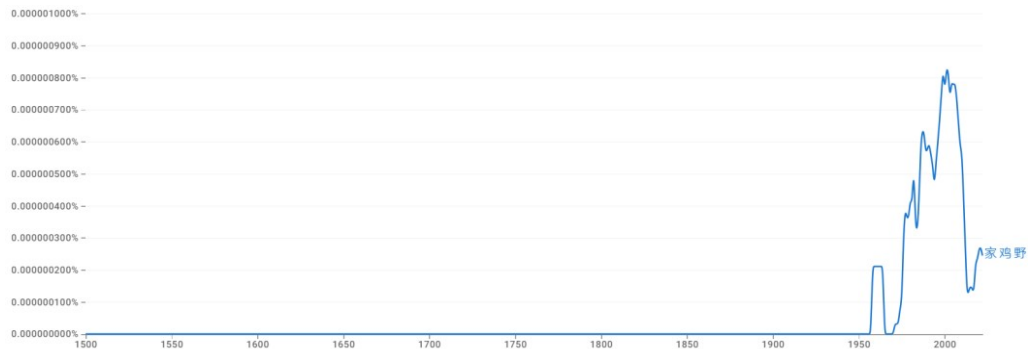

Рисунок 112 – Частотность функционирования выражение **家鸡野**

(букв. «домашняя курица, дикий фазан») в китайском языке по данным GBV

В исследовательском корпусе GBV выражение **家鸡野** (букв. «домашняя курица, дикий фазан») зафиксирован в 1958 г.

Чэньюй **味如鸡肋** (букв. «на вкус как куриные ребрышки») означает отсутствие интереса к чему-либо или получение от этого малой выгоды.

Полководец Цао Цао, размышляя о трудной военной кампании, сравнил её с **куриными ребрышками**: есть там нечего (выгода ничтожна), но и выбросить жалко (жаль потраченных усилий). В современном языке выражение описывает нечто малопривлекательное, бесперспективное, не приносящее радости или прибыли, но от чего человек не может отказаться по привычке или из-за вложений.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей **得不偿失** (букв. «полученное не возмещает утерянного») [Энциклопедия Байду].

«事日壞, 大亂將作, 八股味如雞肋奈何? 一朝有變, 弟且短衣從戎去矣。吾兄閒中亦一究心兵事, 勿更作書生酸也» [藝風堂雜鈔, 2010] («Ситуация ухудшается, хаос неизбежен, а это восьминогое эссе безвкусно, как куриные ребрышки – что же делать? Если все изменится, мне, твоему брату, придется идти на войну в короткой одежде. Мой брат, в свободное время изучай военное дело; не оставайся книжным ученым» [Различные заметки Ифэнтана, 2010]).

Рисунок 113 – Частотность функционирования чэньюй **味如鸡肋**

(букв. «на вкус как куриные ребрышки») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй **味如鸡肋** (букв. «на вкус как куриные ребрышки») зафиксирован в 1951 г.

Таким образом, образ *курицы* и *петуха* в китайской лингвокультуре имеет множество значений и коннотаций, которые варьируются от нейтральных и положительных до негативных и оскорбительных. В целом, использование данных анималистических образов показывает богатство символики и широкий спектр эмоциональных и культурных оттенков в китайском языке.

3.2. Компонент-зооним 鹿 (олень)

В китайских словарях иероглиф 鹿 используется как общее обозначение для *олень*. Так, данным иероглифом обозначаются: 1) *олень*; 2) трон,

императорская власть (в переносном смысле относится к политической власти или дворянскому титулу, а также метафора для тех, кто находится у власти); 3) амбар, склад; хранилище; 4) рог для вина (см. [БКРС]).

Таблица 13 – Китайские чэньюй с компонентом-зоонимом 鹿

№	Источник	Чэньюй
1	Китайско-русский фразеологический словарь О. М. Готлиба, М. Хуайна	即鹿无虞 (букв. «охота на оленя близка, но нет егеря»); 獐麋马鹿 (букв. «кабарга, кабарожка, лошадь, олень»); 指鹿为马 (букв. «показывая на оленя, называть его лошастью»); 逐鹿中原 (букв. «гнаться за оленем на срединной равнине»)
2	Словарь идиоматических выражений Ю. Ши	共挽鹿车 (букв. «вместе тянуть оленью упряжку»); 小鹿乱撞 (букв. «учащенное сердцебиение маленького оленя»)
3	Словарь древних и современных китайских идиом	群雄逐鹿 (букв. «битва героев»)

鹿 – символ политической власти: **群雄逐鹿** (букв. «*битва героев*») – китайская идиома, происходящая из «Биографии маркиза Хуайиня» в «Записях великого историка». Основной смысл идиомы относится к борьбе различных сил за политическое господство. «**群雄**» обозначает сепаратистские силы, обладающие военной мощью, а «**逐鹿**» – это метафора борьбы за трон. Идиома использовалась в выражении «Когда Цинь потерял своего оленя, весь мир погнался за ним» как метафора борьбы за власть во время смены режимов.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами: **问鼎中原** (букв. «*вопрошать о сосудах (треножниках) Центральной равнины*»), **逐鹿中原 / 争霸天下** (букв. «*оспаривать друг у друга первенство над Поднебесной*») [Энциклопедия Байду].

《群雄逐鹿，在此時個人特質至關重要，要懂得識別人才，善用人才，同時也要把眼光放得長遠。現代的商場，競爭的激烈和殘忍程度，相對於從前的戰場有過之而無不及。在這場群雄逐鹿中，每個人的表現各不相同，有人眼光長遠，氣定神閒，有人鼠目寸光，氣急敗壞，有眼光、有。》[張玉斌. 三國管理智慧: 德威文化, 2012]

(«В этой ожесточенной конкурентной среде индивидуальные качества имеют первостепенное значение. Необходимо уметь эффективно выявлять и использовать таланты, а также обладать долгосрочным видением. Современный деловой мир более напряженный и безжалостный, чем любое поле битвы прошлого. В этой борьбе за превосходство каждый ведет себя по-разному: одни дальновидны и спокойны, другие – недальновидны и суетливы» [Чжан Юбинь. Управленческая мудрость эпохи Трёх Королевств: Культура Дэвэй, 2012]).

《群雄逐鹿時崛起，首先打出了“唯才是舉”的旗號，於是在爭取人才方面超過了他的主要政治對手袁紹》[古人處事智慧, 2017] («Выдвинувшись на первый план в борьбе за власть, он сначала поднял знамя “назначения только талантливых”, тем самым превзойдя своего главного политического соперника, Юань Шао, в привлечении талантов» [Древняя мудрость в решении различных вопросов, 2017]).

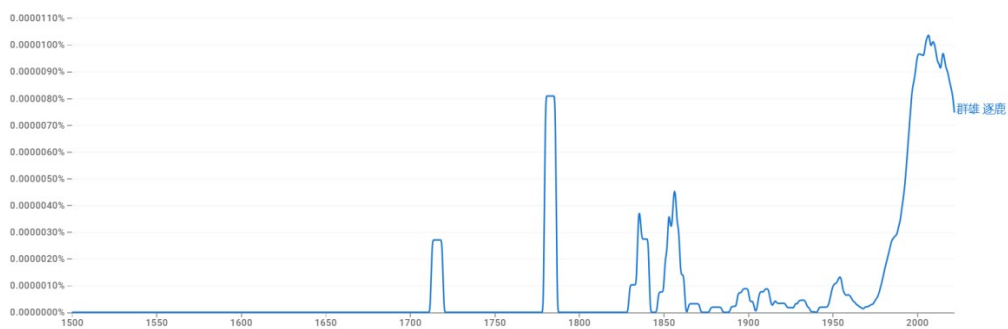

Рисунок 114 – Частотность функционирования чэньюй **群雄逐鹿**

(букв. «*битва героев*») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй **群雄逐鹿** (букв. «*битва героев*») зафиксирован в 1713 г.

鹿 – символ обмана: чэньюй **指鹿为马** (букв. «показывая на оленя, называть его лошадью») означает преднамеренное искажение истины, смешение добра и зла. Чэньюй происходит из исторического рассказа, самое раннее упоминание относится к «Записям великого историка: Летопись Цинь Шихуана». По легенде, Чжао Гао, желая спровоцировать восстание, но опасаясь неповиновения министров, придумал испытание. Он преподнес Второму императору (Цинь Эр Ши, Ху Хай) оленя, сказав: «Это лошадь». Второй император рассмеялся и сказал: «Неужели премьер-министр ошибся? Назвать оленя лошадью!». Он спросил своих слуг, некоторые молчали, другие же, чтобы польстить Чжао Гао, говорили, что это лошадь. Тех, кто говорил, что это олень, Чжао Гао тайно наказывал. После этого все министры стали бояться Чжао Гао.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей **颠倒黑白** (букв. «переворачивать чёрное и белое») [Энциклопедия Байду].

«指鹿为马故事的博弈论理解蒲勇健 我们注意到这样一个事实, 即一些独裁者通常会迫使老百姓去认可他们杜撰出来的似是而非的理论。譬如, 希特勒的演说十分蛊惑人心, 但在当时的德国却大有市场。其实, 这样的例子在极端的情形是中国古代的指鹿为马故事» [经济学家茶座, 2009] («Понимание истории о том, как оленя называли лошадью, с точки зрения теории игр (автор Пу Юнцзянь). Мы заметили, что некоторые диктаторы часто заставляют людей принимать их вымышленные, казалось бы, правдоподобные теории. Например, речи Г... были очень убедительными, но в то время у них было много последователей в Германии» [Чайная комната экономиста, 2009]).*

«指鹿为马现象, 的确令人气愤! 指鹿为马者, 多属有一定的权。手中有权, 把腐败带进学术界, 不管是为名或为利, 是为人或为己, 其结果都是“为乱”» [自然辩证法通讯, 2001] («Феномен “называть оленя лошадью” поистине возмутителен! Те, кто так поступает, часто обладают значительной властью. Обладание

властью позволяет коррупции проникать в академическую среду, будь то ради славы или прибыли, личной выгоды или выгоды других, результатом всегда является хаос» [Сообщения по диалектике природы, 2001]).

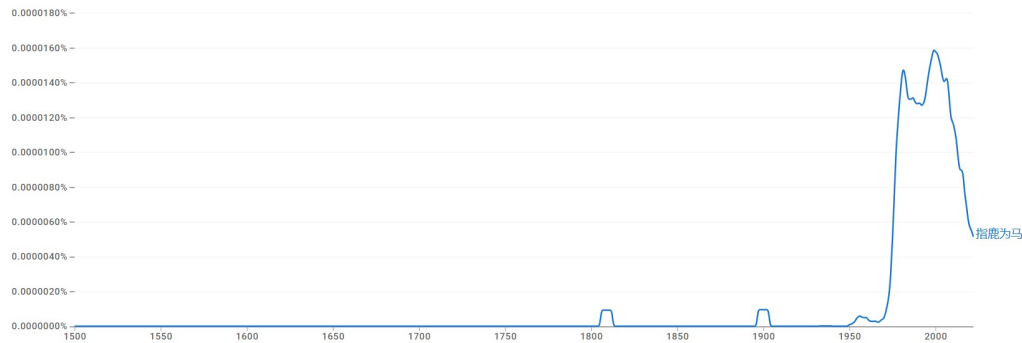

Рисунок 115 – Частотность функционирования чэньюй **指鹿为马** (букв. «показывая на оленя, называть его лошадей») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй **指鹿为马** (букв. «показывая на оленя, называть его лошадей») зафиксирован в 1806 г.

鹿 – символ любви: чэньюй **共挽鹿车** (букв. «вместе тянуть оленью упряжку») происходит из «Биографии жены Бао Сюаня» в «Книге поздней династии Хань». В прошлом она использовалась для восхваления супружеской пары, которая была единомышленна и довольна бедностью.

Первоначальное значение этого идиоматического выражения относится к сцене, где муж и жена вместе тянут оленью повозку, чтобы вернуться в свой родной город, а затем оно расширилось до значения добродетели мужа и жены, ведущих простую и скромную жизнь вместе. Согласно «Книге поздней династии Хань», Хуань Шаоцзюнь, жена Бао Сюаня, происходила из богатой семьи. После замужества она сама сняла свои дорогие наряды и надела одежду из грубой ткани, и вместе с мужем потянула оленью повозку, чтобы вернуться в свой родной город. Ее поведение было высоко оценено жителями деревни.

Идиома возникла из истории брака Бао Сюаня и Хуань Шаоцзюнь в эпоху Западной Хань. Отец Шаоцзюнь восхищался характером Бао Сюаня и обручил с ним свою дочь. Столкнувшись с опасениями Бао Сюаня по поводу бедности его

семьи, Шаоцзюнь добровольно сняла с себя шелк и надела простую одежду, а затем вместе с мужем вернулась в родной город, запрягая в телегу оленя. Позже Бао Сюань был отмечен за сыновнюю почтительность и честность и поступил на государственную службу. Поступки супругов задокументированы в истории.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами 同甘共苦 (букв. «разделять радости и горести, быть вместе и в счастье, и в беде»), 风雨同舟 (букв. «плыть в одной лодке в бурю»), 夫唱妇随 (букв. «муж запекает, жена подпекает») [Энциклопедия Байду].

«美好愿望是“双双共挽鹿车乘, 对对同吹风箫鸣; 再结同心, 偕老今生» [古典剧曲鉴赏辞典, 2004] («Прекрасное желание – “вместе тянуть оленью упряжку, вместе играть на флейте; воссоединиться в сердцах и вместе состариться”» [Словарь по основам классической драматургии, 2004]).

«共挽鹿车归计得, 独怜老病屡关垂» [黄光集, 2005] («Вместе мы тянули оленью упряжку, наши планы осуществились, но я один скорблю о своей старости и частых болезнях» [Хуан Гуанцзи, 2005]).

Рисунок 116 – Частотность функционирования чэньюй 共挽鹿车

(букв. «вместе тянуть оленью упряжку») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 共挽鹿车 (букв. «вместе тянуть оленью упряжку») зафиксирован в 1897 г.

鹿 – символ возбуждения: чэньюй 小鹿乱撞 (букв. «учащенное сердцебиение маленького оленя») первоначально описывало быстрое биение

сердца, вызванное страхом, но позже это выражение начало использоваться для описания чувства внезапного влечения к кому-либо из числа мужчин и женщин. В пьесе Ма Чжиюаня «Осень во дворце Хань», акт 3, звучит фраза: «В тот момент, когда ты берёшь в руки меч или копье, моё сердце бьётся, как у оленя».

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 怦然心动 (букв. «сердце внезапно затрепетало») [Энциклопедия Байду].

«小鹿乱撞.....韩启涛的表白太突然了! 这个大四时认识的男生, 曾经给了自己其他男生给不了的心动感觉» [溅血封喉, 2022] («У меня сердце колотится ... Признание Хань Цитао было таким внезапным! Этот парень, с которым я познакомилась на последнем курсе университета, подарил мне такое волнение, какого не мог подарить ни один другой» [Кровопролитие и смертельный удар, 2022]).

«小鹿乱撞, 原来她就好这一口» [《重炼传说 2》桔梗王座篇 01: 骨沙血海之地(简体中文版), 2018] («Ее сердце затрепетало; значит, это был именно тот тип, который ей нужен» [Reforged Tales 2: Kikyo's Throne, Глава 1: Земля костей, песка и крови (упрощенная китайская версия), 2018]).

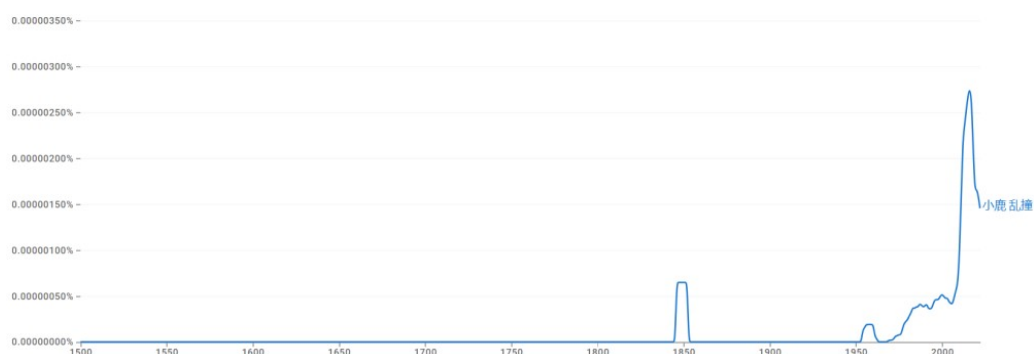

Рисунок 117 – Частотность функционирования чэньюй 小鹿乱撞

(букв. «учащенное сердцебиение маленького оленя»)

в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 小鹿乱撞 (букв. «учащенное сердцебиение маленького оленя») зафиксирован в 1846 г.

Таким образом, образ *олень* в китайской лингвокультуре несет множество символических значений, которые варьируются в зависимости от контекста и исторической эпохи. Он может обозначать не только *олень*, но и метафорически указывать на власть, обман, любовь или волнение, олицетворяя разные аспекты человеческих чувств и социальных отношений.

3.3. Компонент-зооним 鹤 (журавль)

В китайских словарях иероглиф 鹤 используется как общее обозначение для *журавля*. Так, данным иероглифом обозначаются: 1) журавль обыкновенный; 2) журавль (птица, на которой летают небожители, символ долголетия, опытности, верности); 3) миф., даос. небожитель, бессмертный, святой; 4) окраска белого журавля; белизна, седина; серебристо-белый; седой (см. [БКРС]).

Таблица 14 – Китайские чэньюй с компонентом-зоонимом 鹤

№	Источник	Чэньюй
1	Китайско-русский фразеологический словарь О. М. Готлиба, М. Хуаина	延颈鹤望 (букв. «смотреть, как журавль, вытянув шею»); 孤云野鹤 (букв. «одинокая туча, дикий журавль»); 杳如黄鹤 (букв. «исчезнуть как желтый журавль»); 一琴一鹤 (букв. «одна цитра, один журавль»); 云中白鹤 (букв. «белый журавль в облаках»); 别鹤孤鸾 (букв. «одинокий феникс, простившийся с журавлем»); 不舞之鹤 (букв. «не танцующий журавль»); 虫沙猿鹤 (букв. «насекомые и песок, обезьяны и журавли»); 断鹤续凫 (букв. «отрубить ноги журавлю и приставлять дикой утке»); 焚琴煮鹤 (букв. «поджечь цитру и сварить на ней журавля»); 凫胫鹤膝 (букв. «голень утки и колено журавля»)
2	Словарь идиоматических выражений Ю. Ши	鹤立鸡群 (букв. «журавль среди кур»); 风声鹤唳 (букв. «шум ветра и крик журавлей»); 闲云野鹤 (букв. «праздные облака и дикие журавли»)

鹤 – символ тревоги: идиома **风声鹤唳** (букв. «шум ветра и крик журавлей») происходит из исторического рассказа из «Биографии Се Сюаня» в «Книге Цзинь». Это метафора актуализирует панику, страх и тревогу.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами **惊弓之鸟** (букв. «птица, испуганная луком») [Энциклопедия Байду], **不可终日** (букв. «быть не в состоянии дожидаться окончания дня»), **惊弓之鸟** (букв. «птица, уже пуганная луком [и стрелами]»), **惊恐** (букв. «пугаться, бояться, страшиться; быть в страхе; испуг»), **惊恐万状** (букв. «с особенным ужасом; в страшной панике; в ужасном страхе; перепуганный насмерть»), **惊惶失措** (букв. «быть в полной растерянности»), **惊骇** (букв. «пугаться, приходить в смятение; испуг»), **惶恐** (букв. «пугаться, бояться, трепетать; в страхе; страх, ужас, смятение, паника»), **惶惶** (букв. «быть перепуганным; быть в смятении; теряться; в страхе; в растерянности; тревожный; в тревоге»), **杯弓蛇影** (букв. «пугаться созданного собственным воображением») – по историческому анекдоту: некто увидел в своём бокале отражение висящего на стене лука, вообразил, что в бокале змея, перепугался и от страха заболел, **草木皆兵** (букв. «трава и деревья кажутся [вражескими] солдатами») [БКРС].

«**风声鹤唳中. 终古英灵走河胃,此间形势障江东**» [黄景仁诗选, 2009] («Среди шума ветра и криков журавлей. Духи героев всех времен бродили по реке, и это место является преградой для Цзяндуна» [Избранные стихотворения Хуан Цзинжэня, 2009]).

«**电文中率皆痛切陈词, 年来天灾惶, 一夕数惊, 已有风声鹤唳之概。全国各地, 纷纷通电直奉双方, 请求已, 不免也要调兵遣将, 应付万一, 京津一带, 于是战云密布, 人心惶张作霖说是要调回关内奉军, 其实则奉军正源源出关, 直军迫不得 曹锟二位 四晓谕, 又提出了**» [吴佩孚全传, 2013] («Телеграммы были полны яростных жалоб, сетований на стихийные бедствия и частые тревоги последних лет, создавая

атмосферу шума ветра и криков журавлей. Телеграммы отправлялись со всей страны как в Чжили, так и в Фэнтянь, с просьбой о помощи. Было неизбежно, что потребуется мобилизация войск для подготовки к любым непредвиденным обстоятельствам. В районе Пекина и Тяньцзиня сгущались тучи войны, и население охватило паникой. Чжан Цзуолинь утверждал, что отзывает армию Фэнтяня из-за Великой стены, но на самом деле армия Фэнтяня уже массово покидала Великую стену. Армия Чжили была вынуждена четырежды отдавать распоряжения Цао Куню и Чжан Цзуолинь, и просьба была сделана снова» [Полная биография У Пэйфу, 2013]).

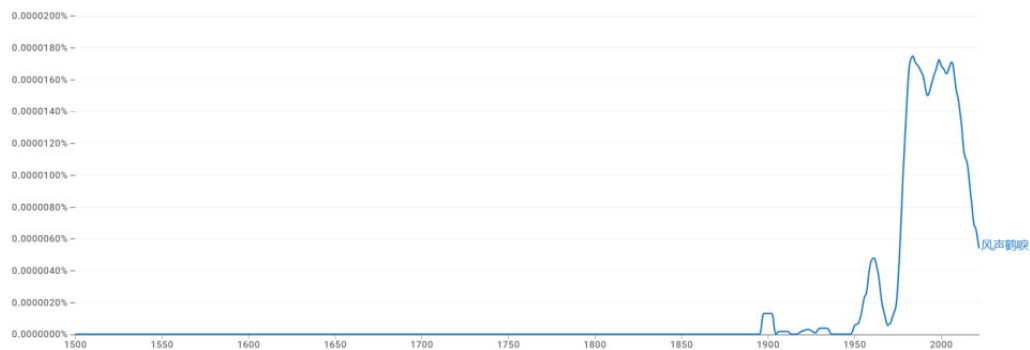

Рисунок 118 – Частотность функционирования чэньюй 风声鹤唳

(букв. «шум ветра и крик журавлей») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 风声鹤唳 (букв. «шум ветра и крик журавлей») зафиксирован в 1897 г.

鹤 – символ свободы: чэньюй 闲云野鹤 (букв. «праздные облака и дикие журавли») взята из 6-го тома «Полного собрания поэзии династии Тан» Ю Мао из династии Сун. Первоисточником является историческая история о Гуань Сю, поэте-монахе эпохи Пяти династий, который отказался пересматривать свое стихотворение. Этот идиоматический оборот состоит из образов «необузданных облаков», «диких журавлей» и используется для описания человека, свободного и ничем не скованного мирской жизнью. В романе династии Цин «Сон в красном тереме» в качестве литературного примера приводится описание Мяоюй, которая говорит о себе как о «необузданном облаке или диком журавле».

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей *孤云野鹤* (букв. «одинокое облако и дикий журавль») [Энциклопедия Байду].

«乾隆不愿他再提文泰来之事, 问道: “你今年几岁?” 陈家洛道: “二十五了。” 乾隆叹道: “我不羡你闲云野鹤, 却羡你青春年少。唉, 任人功业盖世, 寿数一到, 终归化为黄土罢了» [金庸. 书剑恩仇录 (二) · 手足情义: 新修插图版, 2013] («Император Цяньлун, не желая, чтобы тот снова упомянул Вэнь Тайлая, спросил: “Сколько тебе лет в этом году?”. Чэнь Цзяло ответил: “Двадцать пять”. Цяньлун вздохнул: “Я не завидую твоей беззаботной жизни, но завидую твоей молодости. Увы, какими бы великими ни были достижения, когда жизнь заканчивается, человек в конечном итоге возвращается в прах”» [Джин Ён. Книга и меч (Часть вторая): Братство, 2013]).

«野鹤闲云, 砰然扣扉。编者将选文的自由发挥到了极致, 将编辑思路中的“有系统有重点地供给”做成了一种艺术» [藏书家, 2009] («Словно дикий журавль среди плывущих облаков, внезапный стук в дверь. Редактор довел свободу отбора до крайности, превратив редакционный подход “систематического и избирательного предоставления контента” в искусство» [Коллекционер книг, 2009]).

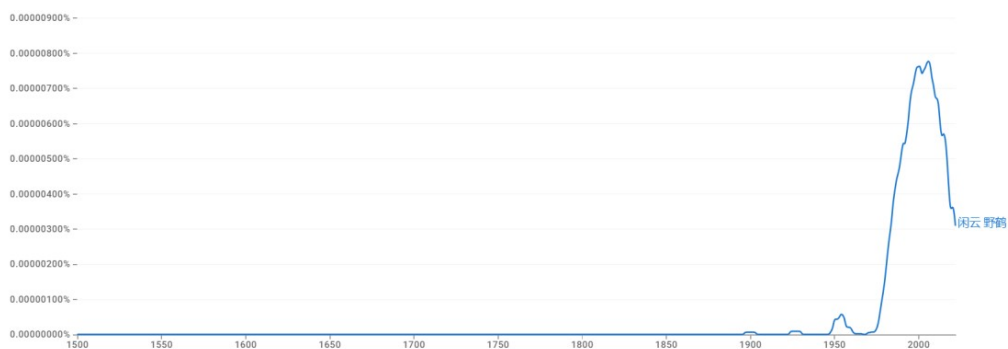

Рисунок 119 – Частотность функционирования чэньюй *闲云野鹤*

(букв. «праздные облака и дикие журавли») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV данный чэньюй зафиксирован в 1897 г.

В целом, журавль в культуре Китая – это многозначный символ, объединяющий идеи долголетия, духовности, тревоги и волеизъявления, что подчеркивает его богатство и универсальность в китайской мысли и литературе.

3.4. Компонент-зооним 马 (лошадь / конь)

Иероглифом 马 обозначается *лошадь, конь*. Основное значение этого иероглифа совпадает с русскими словарями, кроме того *лошадь* – это «седьмое животное из цикла 12, соответствует циклическому знаку 午, обозначающему год *Коня*», а также «знак (фишка) для счета выигранных состязаний (игр)» [БКРС 1983].

Таблица 15 – Китайские чэньюй с компонентом-зоонимом 马

	Источник	Чэньюй
1	Китайско-русский фразеологический словарь О. М. Готлиба, М. Хуаина	鞍马劳顿 (букв. «оседланная лошадь устала в пути»); 宝马香车 (букв. «прекрасная лошадь, великолепная повозка»); 髀肉复生 (букв. «(из-за того, что долго не сидел на лошади) мясо на бедрахросло»); 车殆马烦 (букв. «повозка растряслась, лошадь утомилась»); 非驴非马 (букв. «ни осел, ни лошадь»); 肥马轻裘 (букв. «сытая лошадь, легкая шуба»); 归马放牛 (букв. «вернуть лошадей, освободить быков»); 害群之马 (букв. «лошадь, напугавшая табун»); 见鞍思马 (букв. «увидев седло, вспоминаешь о лошади»); 牛头马面 (букв. «коровья голова и морда лошади»); 盘马弯弓 (букв. «гарцевать на лошади и натягивать лук»); 求马唐肆 (букв. «искать лошадь на пустом базаре»); 塞翁失马，焉知非福 (букв. «старик с границы потерял лошадь, опечалился пропажей, но лошадь вернулась, приведя еще одну»); 三马同槽 (букв. «три лошади в одних яслях»);

	Источник	Чэньюй
		童牛角马 (букв. «комолый бык, рогатая лошадь»); 獐麋马鹿 (букв. «кабарга, кабарожка, лошадь, олень»); 仗马寒蝉 (букв. «лошадь из царской свиты и замершая цикада»); 指鹿为马 (букв. «указывая на оленя, говорить о лошади / называть оленя лошастью»); 蛛丝马迹 (букв. «нить паутины и следы лошади»); 走马章台 (букв. «на лошади (ехать по улице) Чжан Тай»)
2	Энциклопедия Байду	白驹过隙 (букв. «жеребенок перепрыгивает через щель»); 汗马功劳 (букв. «заслуги, добытые в трудах / в походах»); 黑马 (букв. «темная лошадка»); 襟裾马牛/裾马襟牛/马牛襟裾 (букв. «лошадь и бык в человеческой одежде»); 老马识途 (букв. «старая лошадь знает дорогу»); 勒马悬崖 (букв. «сдержать лошадь на краю пропасти»); 龙马精神 (букв. «дух дракона и лошади»); 率马以骥 (букв. «скакун возглавляет лошадей»); 盲人瞎马 (букв. «слепец на слепой лошади»); 千兵万马/千军万马 (букв. «тысячи солдат и десять тысяч лошадей»); 千里之驹 (букв. «тысячемильный жеребенок»); 脱缰之马 (букв. «лошадь, сорвавшаяся с привязи»); 万马皆喑/万马齐喑 (букв. «десять тысяч лошадей молчат»); 乌白马角/乌头白, 马生角 (букв. «ворон становится белым, а на голове лошади вырастают рога»); 意马心猿 (букв. «мысли как лошади, душа как орангутанг»); 驷马难追 (букв. «нельзя угнаться за четырьмя лошадьми»); 一马当先 (букв. «первым броситься в бой»); 鞍马劳顿 (букв. «измученный долгими путешествиями или непрерывными сражениями»);

	Источник	Чэньюй
		仗马寒蝉 (букв. «лошадь из царской свиты и цикада зимой»); 意马心猿 (букв. «ум подобен дикой обезьяне, воля подобна скачущей лошади»); 乌白头马生角 (букв. «ворона белеет, а у лошади вырастают рога»); 万马齐瘖 (букв. «десять тысяч лошадей замолчали»); 脱缰之马 (букв. «неуправляемая лошадь»); 率马以骥 (букв. «вести табун лошадей на прекрасном коне»)
3	Словарь китайских идиом В. Тао	寒蝉仗马 (букв. «леденящий душу конь»); 土牛木马 (букв. «глиняный бык и деревянная лошадь»)

马 – символ сдержанного обещания: чэньюй **驷马难追** (букв. «нельзя угнаться за четырьмя лошадьми») означает, что однажды произнесенное обещание нельзя отменить.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей **一言既出, 驷马难追** (букв. «слово вылетело – на четвёрке коней не догонишь»), **一诺千金** (букв. «одно обещание – тысяча золотых») [БКРС].

«**驷马难追。**” 韦小宝在一旁瞧着群雄慷慨的神情,忍不住百脉贲张,恨不得自己年纪立刻大了,武功立刻高了,也如这位李西华一般,在众位英雄之前,大出风头» [鹿鼎记, 1999] («Обещание сдержано. Вэй Сяобао, наблюдая за великодушными выражениями лиц героев, невольно почувствовал, как в нем закипает кровь» [Олень и котел, 1999]).

«**驷马难追。**又有“言必信, 行必果”之说法» [申望, 周欣. 员工管理手册, 2000] («Обещание есть обещание. Есть также поговорка: “Обещание нужно сдерживать, а действие нужно выполнить”» [Шэнь Ван, Чжоу Синь. Руководство по управлению персоналом, 2000]).

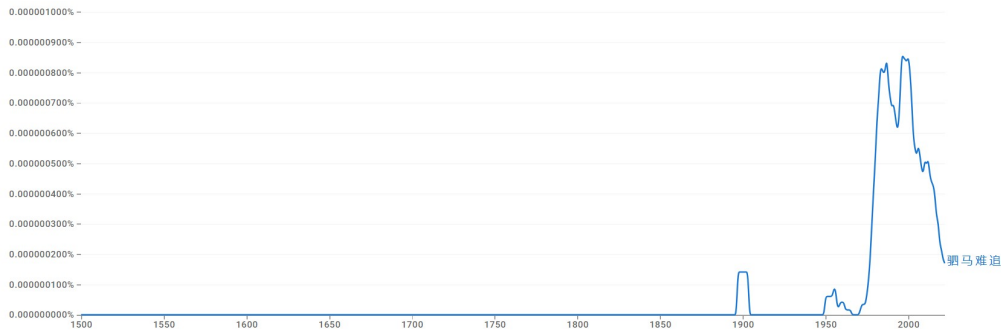

Рисунок 120 – Частотность функционирования чэньюй 驷马难追
(букв. «нельзя угнаться за четырьмя лошадьми»)
в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 驷马难追 (букв. «нельзя угнаться за четырьмя лошадьми») зафиксирован в 1897 г.

马 – символ лидерства: чэньюй 一马当先 (букв. «первым броситься в бой») первоначально означал атаку верхом на лошади во время сражения, но позже стал обозначать нахождение в лидирующей позиции или лидерство в работе. Самый ранний источник – это 96-я глава «Водяной заставы» Ши Найяня эпохи Мин, а дальнейшее распространение выражение получило в 83-й главе «Двадцатилетних странных событий, свидетелем которых мы стали в эпоху Цин». В современную эпоху чэньюй широко используется в отчетах о работе правительства, в проектах скоординированного регионального развития, в мероприятиях по привлечению инвестиций, а также в культурно-спортивной деятельности.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 身先士卒 (букв. «быть впереди солдат, личным примером вести за собой») [Энциклопедия Байду], 遥遥领先 (букв. «быть далеко впереди, вырваться вперёд, намного опередить»), 占先 (букв. «занять первое место, опередить (других); перехватить инициативу; взять верх; первенство, приоритет, инициатива») [БКРС].

«一马当先。这不是提倡搞个人英雄主义, 而是合乎人才成长规律的必然要求» [江泽民, 张秀强. 《江泽民文选》成语典故, 2007] («Взять на себя инициативу. Это не призыв к индивидуальному героизму, а скорее необходимое условие в соответствии с законами развития талантов» [Цзян Цзэминь, Чжан Сюцянь. Идиомы и аллюзии из «Избранных произведений Цзян Цзэминя», 2007]).

«一马当先, 挥剑冲去。花云紧紧地跟在他后面» [千古梟雄朱元璋, 2009] («Он бросился вперёд с мечом в руке. Хуа Юнь следовал за ним по пятам» [Чжу Юаньчжан, герой на протяжении всей истории, 2009]).

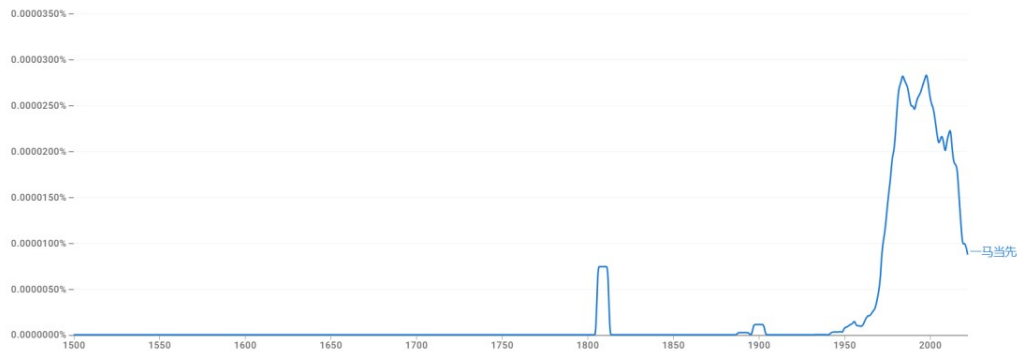

Рисунок 121 – Частотность функционирования чэньюй 一马当先

(букв. «первым броситься в бой») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV данный чэньюй зафиксирован в 1806 г.

马 – символ взаимопревращаемости блага и беды: чэньюй 塞翁失马 (букв. «старик потерял лошадь») означает, что плохие вещи могут превратиться в хорошие при определенных условиях.

Выражение довольно распространено в Китае, оно основано на притче. На границе жил человек, чья лошадь однажды убежала. Он очень расстроился из-за этого и потерял аппетит. Его соседи, узнав об этом, пришли его утешить, сказав, чтобы он берег себя. Его отец остался равнодушен и сказал всем: «Откуда вы знаете, что потеря лошади не обернется к лучшему?». Соседи не поняли, что говорил старик. Несколько месяцев спустя сбежавшая лошадь внезапно вернулась,

приведя с собой высокого, великолепного коня. Когда соседи узнали об этом, все пришли поздравить. Неожиданно старик холодно сказал: «Потерянная лошадь вернулась, но откуда вы знаете, что это не обернется чем-то плохим?». Услышав это, все были озадачены и подумали, что старик странный, но больше ничего не сказали. Поскольку в семье появилась новая прекрасная лошадь, сын всегда ездил на ней верхом. К сожалению, однажды он упал с нее и сломал ногу. Когда соседи узнали об этом, все пришли выразить соболезнования. В очередной раз мнение старика отличалось от мнения всех остальных: «Откуда вы знаете, что сломанная нога не обернется к лучшему?». Слова старика вновь озадачили толпу, и она молча разошлась. Год спустя армия сюнну из-за Великой стены начала крупномасштабное вторжение, и все трудоспособные мужчины, находившиеся рядом с домом старика, были призваны в армию. Большинство из тех, кто отправился воевать, погибли в бою. Однако сын старика не был призван, потому что был хромым после падения с лошади, и в результате и отец, и сын выжили.

Эта история была написана Лю Анем, мыслителем и писателем династии Западная Хань, на основе идей Лао-цзы, известного мыслителя. Она рассказывает историю о принципе бедствия и счастья и показывает, что хорошие и плохие вещи могут взаимодополнять друг друга. Позже люди обобщили ее в идиому «старик потерял лошадь» или «старик потерял лошадь, но кто знает, может быть, это благословение в облиии несчастья».

Феномен несчастья и удачи, переплетенный в истории старика, потерявшего лошадь, прекрасно иллюстрирует диалектический принцип, согласно которому две стороны противоречия при определенных условиях превращаются в свои противоположности.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей *失之东隅, 收之桑榆* (букв. «*потерять на востоке, приобрести на западе*») [Энциклопедия Байду].

«失去的东西, 不要耿耿于怀, 老是放不下; 对于那很深, 悟得很透。塞翁失马的故事我们几乎都听过, 这个叫塞翁的人, 将这层道理看得常一眨眼的工夫便跑完了。一鞭扬起, 如霹雳惊雷, 那马听得飕飕风响, 便驰骋往还, 百里路程, 常塞翁有一批好马, 这匹马有着雪白的鬃毛» [雅文编著. 做自己的心理调节师, 2014] («Не за цикливайтесь на том, что потеряли, не бойтесь отпустить; глубоко и основательно разбирайтесь во всём. Почти все мы слышали историю о старике, потерявшем лошадь. Этот старик прекрасно понимал этот принцип. В мгновение ока лошадь убежала. С треском кнута, словно раскат грома, лошадь услышала свист ветра и поскакала взад и вперёд, преодолев сто миль. У старика был табун прекрасных лошадей, у этой была белоснежная грива» [Я Вэнь. Будьте сами себе психотерапевтом, 2014]).

«失馬吾偏愛塞翁» [全臺詞, 2017] («Я потерял свою лошадь, но все же предпочитаю быть стариком на границе» [Сюй Цзюня, Ли Юаньчжи. Полная линия, 2017]).

Рисунок 122 – Частотность функционирования чэньюй 塞翁失马

(букв. «старик потерял лошадь») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 塞翁失马 (букв. «старик потерял лошадь») зафиксирован в 1897 г.

马 – символ физической усталости: чэньюй 鞍马劳顿 (букв. «измученный долгими путешествиями или непрерывными сражениями») относится к

состоянию усталости и истощения. Самый ранний известный пример идиомы встречается в четвёртом акте пьесы Ян Сяньчжэ эпохи Юань «Сяо Сян Юй» («Дождь в реке Сяо Сян»), где персонаж Чжан Тяньцзюэ сетует на усталость от седла и лошади во время путешествия под дождем. Позже это выражение стало распространенным в древней литературе и использовалось для описания трудностей путешествия.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами **鞍马劳倦** (букв. «испытывать усталость и истощение от долгих дорог или военных походов»), **鞍马劳神** (букв. «утомление в пути, духовная и физическая усталость от поездки»), **鞍马劳困** (букв. «измученный, измотанный конным путём или тяготами») [Энциклопедия Байду].

«**鞍马劳顿, 连夜奔波。**” 圆性转过头来, 向他看了一眼, 心中在说: “我何尝不知该当好好休养, 若不是为了你, 我何必鞍马劳顿, 连夜奔波?” [金庸. 飞狐外传 (四) · 掌门大会: 新修插图版, 2013] («Мы измотаны ночным путешествием. Юаньсин повернула голову и взглянула на него, подумав про себя: “Как я могла не знать, что нужно хорошо отдохнуть? Если бы не ты, зачем бы мне пришлось ехать всю ночь, терпя такие трудности?”» [Джин Ён. Летучая лисица Снежной Горы (Часть 4): Собрание лидеров секты, 2013]).

«**鞍马劳顿, 刷卷、调审、采访, 诸事繁多, 在限定时间内往往难以真正地“深究民情, 博考吏治”**» [中国传统官僚政治中的权力制约机制, 2010] («Трудное путешествие, изучение документов, расследования, допросы – многочисленные задачи часто затрудняли возможность по-настоящему глубоко изучить настроения людей и всесторонне проанализировать действия чиновников в ограниченное время» [Механизм сдержек и противовесов в традиционной китайской бюрократической политике, 2010]).

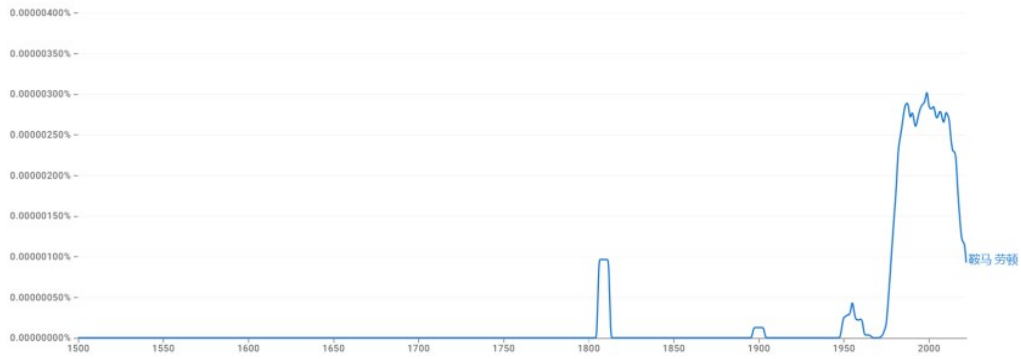

Рисунок 123 – Частотность функционирования чэньюй 鞍马劳顿 (букв. «измученный долгими путешествиями или непрерывными сражениями») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 鞍马劳顿 (букв. «измученный долгими путешествиями или непрерывными сражениями») зафиксирован в 1806 г.

马 – символ роскоши: чэньюй 宝马香车 (букв. «прекрасная лошадь, великолепная повозка») в современном употреблении часто используется для описания расточительности или как контраст между древними и современными временами.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 结驷连骑 (букв. «вереницы упряжек и конных всадников») [Энциклопедия Байду].

«宝马香车来邀请我参加诗酒筵席, 我只能婉言拒绝» [宋, 李清照. 漱玉词, 2019] («Прибыла роскошная карета, приглашавшая меня на пир поэзии и вина, но я могла лишь вежливо отказаться» [Династия Сун, Ли Цинчжао. Шую Ци, 2019]).

«玉钩卷起的窗帘横斜。街上尘飞扬天色将暮, 跑着宝马香车» [花间集译注, 2019] («Шторы, свернутые нефритовыми крючками, висят криво. С наступлением сумерек на улицах поднимается пыль, мимо проносятся изящные кареты и лошади» [Перевод и аннотирование Хуацзяньцзи, 2019]).

Рисунок 124 – Частотность функционирования чэньюй **宝马香车**
(букв. «прекрасная лошадь, великолепная повозка»)
в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй **宝马香车** (букв. «прекрасная лошадь, великолепная повозка») зафиксирован в 1954 г.

Еще один символ роскошного образа жизни богатых людей отражается в чэньюй **肥马轻裘** (букв. «сытая лошадь, легкая шуба»). Идиома возникла из оценки Конфуцием показного поведения своего ученика Цзихуа во время его миссии в государство Ци в период Весны и Осени. В поступке Ран Цзы, помогающего своей матери, она воплощает конфуцианский этический принцип помощи тем, кто остро нуждается, а не богатым. Тексты разных династий, такие как «Записки о знаменитых деятелях конца династии Хань» и «Редкая пьеса династий Юань и Мин: Возвращение домой в славе», заимствовали эту аллюзию, постепенно закрепив ее как устойчивое выражение для изображения роскошной жизни.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей **花天酒地** (букв. «цветочное небо и винная земля») [Энциклопедия Байду].

«**肥马轻裘拥绣车, 朝中产禄斗仓储**» [梵天庐丛录, 1999] («Сытые лошади и легкие меха украшают расшитые кареты, богатства двора безграничны» [Записи об обители Брахмы, 1999]).

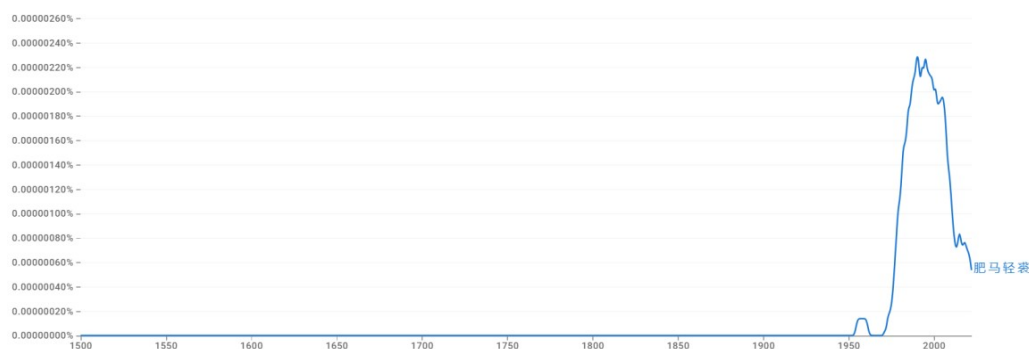

Рисунок 125 – Частотность функционирования чэньюй **肥马轻裘**

(букв. «сытая лошадь, легкая шуба») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй **肥马轻裘** (букв. «сытая лошадь, легкая шуба») зафиксирован в 1954 г.

马 – символ жизни без рисков: чэньюй **骠肉复生** (букв. «из-за того, что долго не сидел на лошади, мясо на бедрахросло») описывает жизнь в комфорте и беззаботности в течение длительного времени без каких-либо достижений.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами **马齿徒增** (букв. «зубы коня напрасно прибавляются») [Энциклопедия Байду], **骠肉复生** (букв. «раздобреть, растолстеть») [БКРС].

«**骠肉復生, 亦不覺潸然流淚·少頃復入席表見玄德有淚容, 怪問之·玄德長歎曰: “備往常身不離鞍, 骠肉皆散·今久不騎骠裏肉生日月蹉跎, 老將至矣, 而功業不建, 是以悲耳!”**» [Fan i chu li, 1952] («Его мышцы бедра восстановились, и он не смог сдержать слез. Вскоре он вернулся к столу и, увидев заплаканное лицо Сюаньде, с удивлением спросил его. Сюаньде глубоко вздохнул и сказал: “Раньше я всегда был в седле, и мои мышцы бедра были очень расслаблены. Сейчас я давно не ездил верхом, и кожа на бедрах обвисла. Прошли дни и месяцы, я старею, а ничего не достиг. Вот почему я грущу!”» [Фань и Чу Ли, 1952]).

Рисунок 126 – Частотность функционирования чэньюй 脾肉复生

(букв. «из-за того, что долго не сидел на лошади, мясо на бедрахросло»)

в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV данный чэньюй зафиксирован в 1953 г.

马 – символ трудного пути: чэньюй 车殆马烦 (букв. «каре́та измотана, лошадь попала в беду») описывает сцену измученного экипажа и трудный путь.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами 鞍马劳顿 (букв. «усталость от седла и коней») [Энциклопедия Байду], 车殆马烦 (букв. «повозки чуть держатся, и кони измотались») [БКРС].

«“日既西倾, 车殆马烦, 尔乃税驾乎衡皋, 秣骝乎芝田» [洛神赋] («Солнце садилось на западе, повозки и лошади устали, поэтому мы отдохнули на благоухающем берегу реки и покормили их на кунжутных полях» [Цао Чжи. Ода богине реки Ло]).

«“人烦马殆禽兽尽, 百里腥膻禾黍稀» [津阳门诗] («Люди устали, лошади изнемогли, и даже птицы и звери исчезли; на протяжении ста миль запах баранины и зерна был редким» [Чжэн Юй. Цзинь Ян Мэнь]).

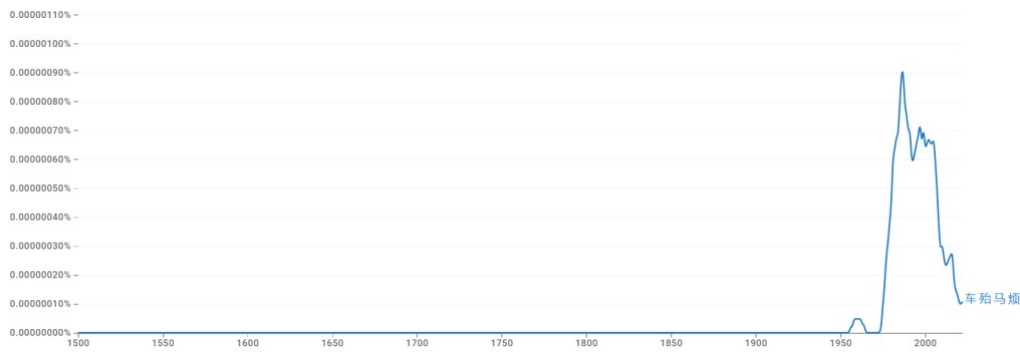

Рисунок 127 – Частотность функционирования чэньюй 车殆马烦
(букв. «каре́та измотана, лоша́дь попала в бе́ду»)
в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 车殆马烦 (букв. «каре́та измотана, лоша́дь попала в бе́ду») зафиксирован в 1956 г.

马 – символ отсутствия отличительных черт: чэньюй 非驴非马 (букв. «ни осел, ни лоша́дь») описывает что-то или кого-то, кто не подходит ни под одну из привычных категорий или ярлыков. Другими словами, это характеристика чего-то уникального, необычного или трудно отнесенного к стандартным определениям.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 不伦不类 (букв. «непонятно, на что похоже») [Энциклопедия Байду].

«”这句话是与俞曲园的后人俞平伯先生说的, 所言“非驴非马之国”, 显然指的是既非完全殖民地(即半殖民地), 又非完全封建(即半封建), 虽无帝制之名, 又无共和之实的旧中国» [烈日秋霜: 李乔历史随笔, 2004] («Эту фразу произнес г-н Юй Пинбо, потомок Юй Цюйюаня: “Страна, которая не является ни ослом, ни лоша́дью явно относится к старому Китаю, который не был ни полноценной колонией (то есть полуколонией), ни полноценным феодальным государством (то есть полуфеодальным государством), не имея ни титула императора, ни реальной республики”» [Палящее солнце и осенний мороз: Исторические очерки Ли Цяо, 2004]).

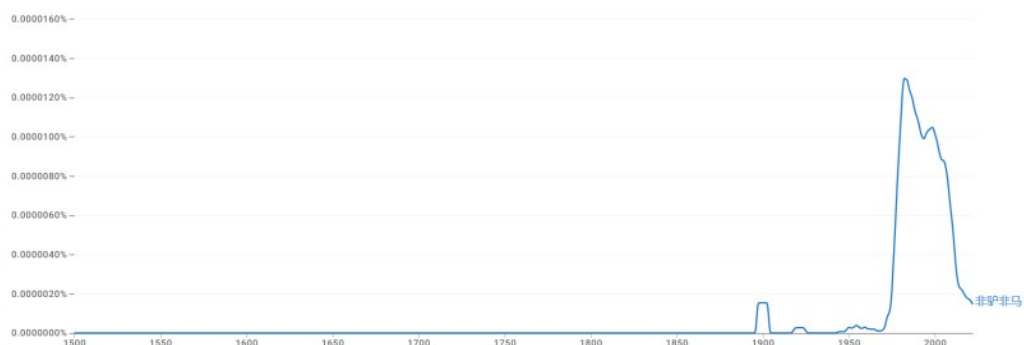

Рисунок 128. Частотность функционирования чэньюй 非驴非马 (букв. «ни осел, ни лошадь») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 非驴非马 (букв. «ни осел, ни лошадь») зафиксирован в 1900 г.

马 – символ окончания войны: чэньюй 归马放牛 (букв. «вернуть лошадей, освободить быков») является метафорой окончания войны и прекращения применения силы.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 刀枪入库 (букв. «убрать мечи и копья на склад») [Энциклопедия Байду].

«归马放牛, 撤边兵十之八九, 斯固小民沐浴歌咏之会乎, 而无如下里僻壤, 独苦于粟贱不售, 而同罹姜攘之乱, 兼频年水旱之灾, 遂致地无丁逃, 贫困之状, 相沿而日甚一日, 此其前后景象之大相径庭者, 有由来矣» [皇权旁的山西: 集权政治与地域文化, 2007] («С возвращением лошадей на пастбища и выпуском скота, а также выводом восьми или девяти из десяти пограничных войск, простые люди наслаждались миром и праздником. Однако в отдаленных и бедных районах люди страдали от нехватки зерна, не имея возможности его продать, а также были поражены восстанием Цзянрана, усугубленным многолетними наводнениями и засухами. В результате земля опустела, и нищета с каждым днем усиливалась. Этот резкий контраст между прошлым и настоящим имеет свои истоки» [Шаньси, страна имперской власти: централизованная политика и региональная культура, 2007]).

Рисунок 129. Частотность функционирования чэньюй 归马放牛
(букв. «вернуть лошадей, освободить быков»)

в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 归马放牛 (букв. «вернуть лошадей, освободить быков») зафиксирован в 1897 г.

马 – символ тоски: чэньюй 见鞍思马 (букв. «при виде седла сразу вспоминается лошадь») описывает чувство тоски по кому-то, когда видишь предмет, связанный с умершим или ушедшим из жизни человеком. Идиома происходит из стихотворения «Опираясь на седло, я думаю о прекрасной лошади; поглаживая поводья, я думаю о зелёном коне» из «Собрания сочинений господина Ши из Цулайшаня» (Часть 3, Чувства) Ши Цзе, эпохи династии Сун.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 睹物思人 (букв. «видеть вещь – думать о человеке») [Энциклопедия Байду].

«女弟班惠的笔仗! 正是见鞍思马, 睹物伤情» [简明汉语俗语词典, 2007]
(«Письменный стиль моей младшей сестры Бан Хуэй поистине замечателен! Это как увидеть седло и подумать о лошади, увидеть предмет и почувствовать печаль» [Краткий словарь китайских пословиц, 2007]).

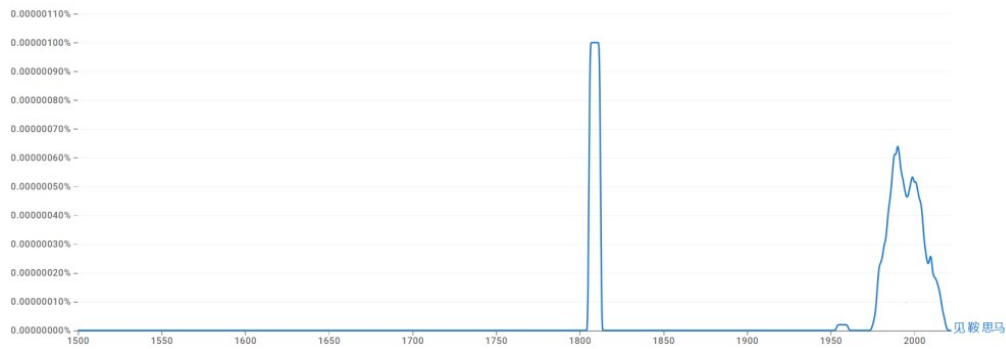

Рисунок 130 – Частотность функционирования чэньюй 见鞍思马 (букв. «при виде седла сразу вспоминается лошадь») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 见鞍思马 (букв. «при виде седла сразу вспоминается лошадь») зафиксирован в 1806 г.

马 – символ злых и презренных людей: в традиционной китайской культуре «быкоголовые» и «лошадиномордые» являются посланниками, которые собирают души. Чэньюй 牛头马面 (букв. «коровья голова и морда лошади») используется метафорически для описания различных типов злых и презренных людей. Согласно «Сутре об Аде Железного города», при жизни Абанг был неблагодарен своим родителям. После смерти он переродился в подземном мире в образе человека с бычьей головой, служил патрульным и арестовывал сбежавших преступников. Некоторые источники утверждают, что в буддизме изначально существовала только фигура с бычьей головой, а когда она попала в Китай, из-за китайских народных представлений о симметрии и парности, к ней добавилась фигура с лошадиным лицом. Однако другие источники утверждают, что фигура с лошадиным лицом, также известная как ракшаса с лошадиным лицом, также происходит из буддизма.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 妖魔鬼怪 (букв. «оборотни, демоны, черти и духи») [Энциклопедия Байдун].

«牛头马面的模样, 只不过现在两个人一身盔甲, 牛头一身金盔金甲, 外形如同大力牛魔王, 马面一身白金色的盔甲, 身后面背着一对钢铁化的羽翼, 和公孙有的一拼, 两个人互相看了看, 又看了看自己, 飞身形跳上云端, 站在公孙的身边儿, 激动地

说道:“头儿, 我们成功了!”» [凌云逸士. 史上最强法师 (中册), 2022] («Они были похожи на Быкоголового и Лошадиную Морду, только теперь оба были облачены в доспехи. Быкоголовый носил золотые доспехи и шлем, напоминая могучего Короля Демонов-Быков, а Лошадиная Морда – платиновые доспехи и пару стальных крыльев за спиной, что делало его похожим на Гунсуня. Они посмотрели друг на друга, затем на себя, после чего вскочили на облака и, встав рядом с Гунсунем, с восторгом воскликнули: “Босс, мы преуспели!”» [Линъюнь Иши. Самый сильный маг в истории (Том 2), 2022]).

Рисунок 131 – Частотность функционирования чэньюй **牛头马面**

(букв. «коровья голова и морда лошади») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV данный чэньюй зафиксирован в 1897 г.

马 – символ демонстрации силы: чэньюй **盘马弯弓** (букв. «гарцевать на лошади и натягивать лук») описывает демонстрацию впечатляющей силы без совершения каких-либо действий. Первоначальное значение данной идиомы было сосредоточено на конкретном описании военных действий: 1) в буквальном смысле относится к боевой подготовке в кавалерийской тактике, подчеркивая состояние готовности к бою; 2) в широком смысле выражение может означать принятие определенной позы и тщательную подготовку перед совершением каких-либо действий; 3) в переносном смысле используется для описания модели поведения, включающей блеф и демонстрацию силы без каких-либо реальных действий, имеет негативный оттенок.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 妖魔鬼怪 (букв. «оборотни, демоны, черти и духи») [Энциклопедия Байду].

«盘马弯弓的姿态。玉蚕已经明白了蔡老板的意思, 心怦怦地剧跳起来。娘也猜到了蔡老板的意思, 淡淡道: “上海滩上漂亮小姑娘还不是一捞一大把的?” 蔡老板摇摇头道: “漂亮是一层, 最要紧能兼具古典家具家饰的典雅神韵, 我寻了许久没寻见, 今天真是‘踏破铁鞋无觅’» [中华文学选刊, 2009] («Поза гарцующей лошади и натянутого лука. Юй Цань поняла, что имел в виду босс Цай, и ее сердце бешено заколотилось. Мать тоже догадалась и спокойно сказала: “Разве в Шанхае нет ... красивых молодых девушек?” Босс Цай покачал головой и сказал: “Красота – это одно, но самое главное – обладать элегантным очарованием классической мебели и домашнего декора. Я долго искал, но так и не нашел; сегодня это действительно случай, когда поиски ведутся повсюду, но безрезультатно”» [Подборка китайской литературы, 2009]).

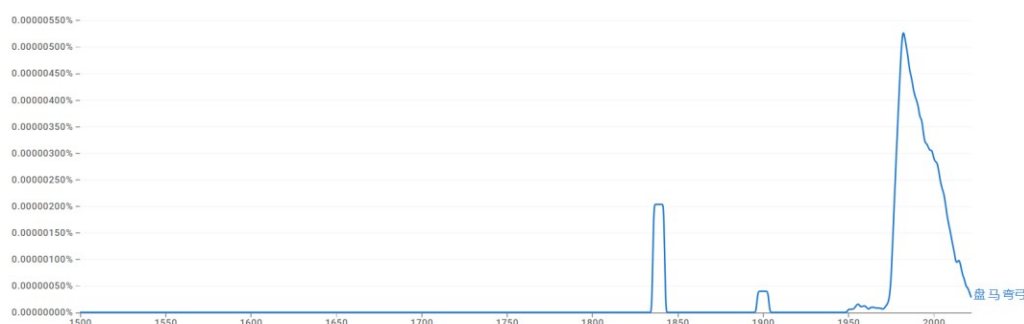

Рисунок 132 – Частотность функционирования чэньюй 盘马弯弓

(букв. «гарцевать на лошади и натягивать лук»)

в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 盘马弯弓 (букв. «гарцевать на лошади и натягивать лук») зафиксирован в 1897 г.

马 – символ поиска чего-либо методом или способом, неизбежно приводящим к отсутствию результата: чэньюй 求马唐肆 (букв. «искать лошадь на пустом базаре») метафорически указывает на поиск чего-либо там,

где ничего нет. Идиома происходит от предложения из «Чжуанцзы»: «Все они исчезли, а ты ищешь их, как будто они там; это как поиск лошадей на пустом рынке».

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 缘木求鱼 (букв. «лезть на дерево в поисках рыбы») [Энциклопедия Байду].

«求馬唐肆, 強人所難! 」沈明揚感慨。旋即他又抱著一線希望, 詢問母親關於是否祖先老宅中藏有這些寶典?» [吳仁光. 神劍風雲, 2021] («“Искать лошадь на пустом базаре – значит просить невозможного!” – вздохнул Шэнь Минъян. Затем, цепляясь за крошечную надежду, он спросил мать, спрятаны ли эти сокровища в родовом доме» [У Жэньгуан. Божественный Меч и Облако, 2021]).

Рисунок 133 – Частотность функционирования чэньюй 求馬唐肆

(букв. «искать лошадь на пустом базаре») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 求馬唐肆 (букв. «искать лошадь на пустом базаре») зафиксирован в 1980 г.

马 – символ молчания: чэньюй 仗馬寒蟬 (букв. «лошадь из царской свиты и цикада зимой») состоит из образа стоящей лошади в императорской церемониальной процессии и цикады, которая не поет холодной зимой. Идиома используется для описания людей, которые боятся говорить откровенно. Фраза «напротив, каждый из них занимал видное положение, но они просто сидели на лаврах и ничего не делали» в главе 30 «Сборника литературы поздней Цин:

холодный взгляд» является типичным примером этой идиомы. Основной образ цикада зимой отражает молчание чиновников.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 噤若寒蝉 (букв. «молчать как цикада в холодное время года») [Энциклопедия Байду].

«*仗马寒蝉无忌惮。便这一副联语，两首绝诗，他只当游戏文章在意*» [清宫秘闻, 2001] («Он был словно лошадь из царской свиты и цикада зимой. Он относился к этому двустихию и двум изысканным стихотворениям как к простому игривому творчеству» [Тайны династии Цин, 2001]).

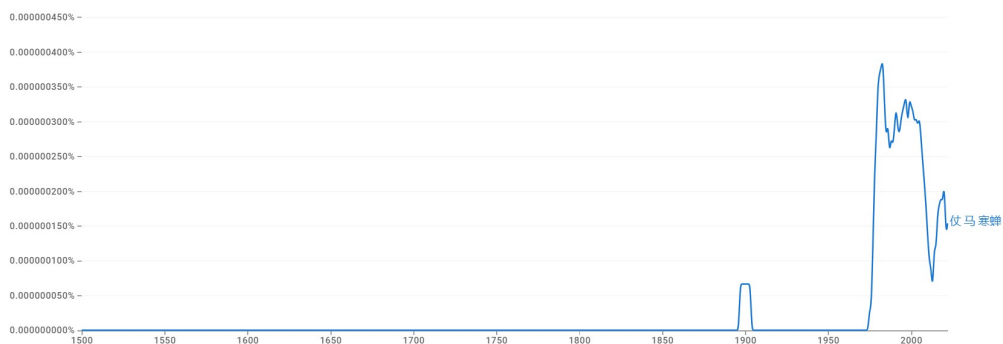

Рисунок 134 – Частотность функционирования чэньюй 仗马寒蝉

(букв. «лошадь из царской свиты и цикада зимой»)

в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 仗马寒蝉 (букв. «лошадь из царской свиты и цикада зимой») зафиксирован в 1897 г.

马 – символ подсказок: чэньюй 蛛丝马迹 (букв. «нить паутины и следы лошади») происходит из «Классики драконов: Боевая звезда» Ян Юньсуна в эпоху династии Тан и «Предисловия к изящным изречениям» Ван Цзябэня в эпоху династии Цин. В наше время идиома часто используется для описания специфической практики отслеживания улик в ходе расследования преступлений и исполнения приговоров.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами 草蛇灰线 (букв. «змея в траве и серая линия») [Энциклопедия Байду], 征候 (букв. «признак, симптом; предзнаменование»), 迹象 (букв. «след, признак; симптом») [БКРС].

«蛛丝马迹。而这个蛛丝马迹的信息, 成就了面包店未来把握住事态发展中的每一个蛛丝马迹的信号就是把握住了未来» [杨波. 你的价值决定你的位置, 2014] («И именно эти подсказки, эти тонкие детали информации, позволили пекарне предвидеть будущее. Понимание каждого тонкого сигнала в развитии событий является ключом к пониманию будущего» [Ян Бо. Ваша ценность определяет ваше положение, 2014]).

«蛛丝马迹, 以便得以及早治疗。肾脏肿瘤的蛛丝马迹有: 一、肿物在腰部或腹部摸到坚硬的, 凸凹不平的肿物, 说明肾肿瘤体积已经较大» [配餐宜忌大全丛书 (套装共 6 册), 2015] («Для выявления едва заметных признаков и содействия раннему лечению. Ранние признаки опухолей почек включают: 1. Образование: В нижней части спины или в брюшной полости можно прощупать твердое, неровное образование, указывающее на относительно большую опухоль почки...» [Полное руководство по сочетанию продуктов и еды (комплект из 6 книг), 2015]).

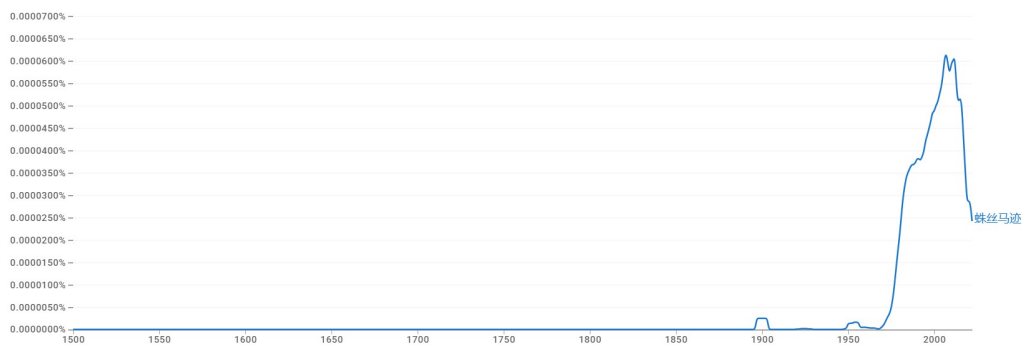

Рисунок 135 – Частотность функционирования чэньюй 蛛丝马迹 (букв. «нить паутины и следы лошади») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 蛛丝马迹 (букв. «*нить паутины и следы лошади*») зафиксирован в 1898 г.

马 – символ непристойного поведения: чэньюй 走马章台 (букв. «*на лошади ехать по улице Чжантай*»). Чжантай – это название улицы, расположенной ниже улицы Чжантай в Чанъане во времена династии Хань. Поскольку в этом районе было много таверн, это было старое название борделей. Идиома возникла из истории Чжан Чана, который служил префектом Цзинчжао во времена династии Западная Хань. Он часто проезжал по улице Чжантай после судебных заседаний, закрывая лицо маской. Его нетрадиционное поведение привело к его импичменту придворными чиновниками. Хотя он не был сурово наказан, он так и не достиг высокого положения в обществе.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами 秦楼楚馆 (букв. «*терема Цинь и заведения Чу*»), 涉足风月 (букв. «*вступать в мир ветра и луны*») [Энциклопедия Байду].

«走马章台街, 使御史驱, 自以便面拊马。又为妇画眉, 长安中传张京兆眉妩» [許暉. 古人原來是這樣說話的!, 2015] («Он проехал на коне по улице Чжантай, приказав императорской гвардии прогнать его, а сам прикрыл лицо веером и подстегнул коня. Он также нарисовал брови своей жене, и в Чанъане распространилась поговорка, что брови Чжан Цзинчжао очаровательны и прекрасны» [Сюй Хуэй. Так говорили древние, 2015]).

«走马章台街” 语。唐许尧佐《章台柳传》，记妓女柳氏事。后因以章台为歌妓聚居之地» [(宋) 欧阳修著 东篱子解译. 欧阳修集全鉴 (珍藏版), 2021] («Фраза “на лошади ехать по улице Чжантай” происходит из “Истории Лю из Чжантай” Сюй Яоцзо, написанной в эпоху династии Тан, в которой рассказывается история куртизанки по имени Лю. Позже Чжантай стал известен как место, где собирались куртизанки» [(Династия Сун) «Дунлицзы»

(Восточная ограда) Оуян Сю – интерпретация. Полное собрание сочинений Оуян Сю (коллекционное издание), 2021])).

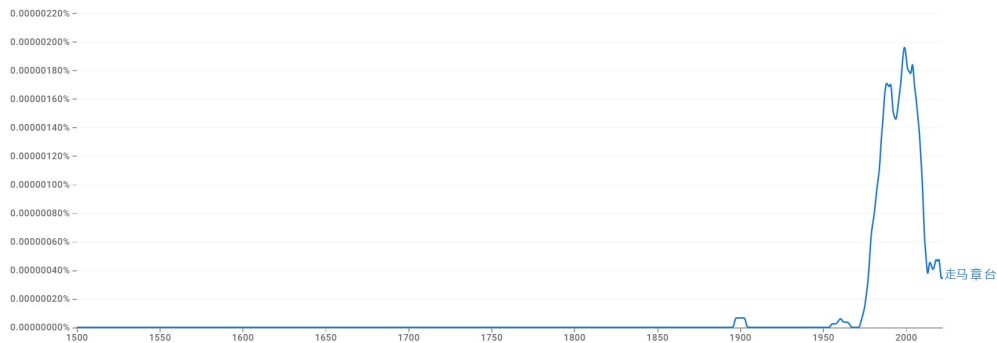

Рисунок 136 – Частотность функционирования чэньюй 走马章台

(букв. «на лошади ехать по улице Чжантай»)

в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 走马章台 (букв. «на лошади ехать по улице Чжантай») зафиксирован в 1898 г.

马 – символ усердного вклада: чэньюй 汗马功劳 (букв. «лошади, потеющие от изнеможения») первоначально означал признание военных заслуг на поле боя, а позже стал обозначать вклад, сделанный благодаря упорному труду.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами 劳苦功高 (букв. «усердно трудиться и иметь большие заслуги»), 丰功伟绩 (букв. «великие заслуги и подвиги») [Энциклопедия Байду].

«汗马功劳, 只要她开口, 我都尽量满足。” 林老释。然这样, 还有什么话好说? 我一不是林人, 二为林汗马功劳, 说白了是个路人甲, 甩了也不足惜。林老要我快别这么说, 我对他的义凡, 他.....舍不得我走。这.....这是何思? 我说我不» [杜. 东瀛之爱 (简体字版), 2019] («“Она внесла огромный вклад, и я сделаю все возможное, чтобы исполнить все ее желания”, – объяснил старый Линь. Но что еще я мог сказать? Во-первых, я не член семьи Линь, а во-вторых, я внес огромный вклад в жизнь семьи; честно говоря, я всего лишь никто, меня легко отбросить. Старый

Линь велел мне не говорить этого, что он... не хотел бы, чтобы я уходил, что он... не хотел бы, чтобы я уезжал. Что это... что это за образ мышления? Я сказал “нет”» [Б. Ду. Любовь к Востоку (упрощенная китайская версия), 2019]).

«**汗马功劳, 后丧于小人的一张**» [伯昇. 曾_藩的舍得, 2018] («Великие достижения, в конечном итоге разрушенные кознями мелочного человека» [Бойи. Готовность Цзэн Фаня сдаться, 2018]).

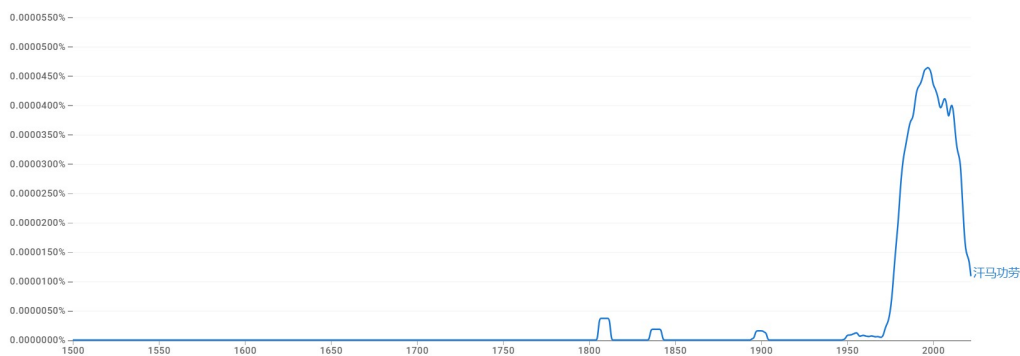

Рисунок 137 – Частотность функционирования чэньюй **汗马功劳**

(букв. «лошади, потеющие от изнеможения»)

в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй **汗马功劳** (букв. «лошади, потеющие от изнеможения») зафиксирован в 1898 г.

马 – символ нехватки мудрости и знаний: чэньюй **襟裾马牛** (букв. «лошадь и бык в человеческой одежде») происходит из поэмы «Фу Душу Чэннань» Хань Юя из династии Тан. В идиоме используется образ скота в человеческой одежде для описания людей, которым не хватает мудрости и знаний. Часто используется в сатирическом контексте в литературных произведениях.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей **衣冠沐猴** (букв. «обезьяна в шапке и с гребнем») [Энциклопедия Байду].

«**人不通古今, 襟裾马牛; 士不晓廉耻, 衣冠狗彘**» [(明) 陳繼儒. 小窗幽記: 外二種, 2015] («Люди, подобные лошади и быку в человеческой одежде в прошлом и настоящем, подобны скоту и лошадям; ученые, не знающие стыда, подобны

собакам и свиньям в своих нарядах» [Династия Мин. Чэнь Цзиру. Тихое окно: две другие истории, 2015]).

«襟裾马牛, 人必有忧也» [叶福翔. 易玄虚研究, 2005] («Край платья украшен изображением лошадей и волов. Такое зрелище символизирует печаль» [Исследование И Сюаньсюя, 2005]).

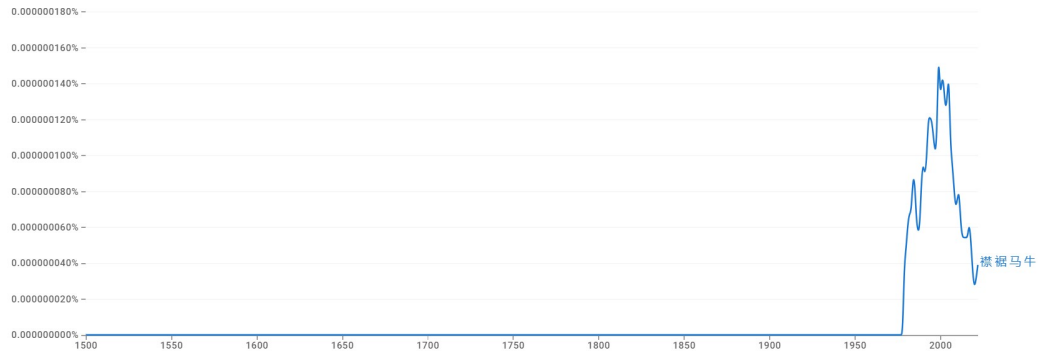

Рисунок 138 – Частотность функционирования чэньюй 襟裾马牛
(букв. «лошадь и бык в человеческой одежде»)

в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 襟裾马牛 (букв. «лошадь и бык в человеческой одежде») зафиксирован в 1979 г.

马 – символ опыта: чэньюй 老马识途 (букв. «старая лошадь знает дорогу») используется как метафора, характеризующая опытного человека. В 663 г. до н. э. герцог Хуань из Ци отправил войска для нападения на Шаньжун, вторгшихся в Янь. Канцлер Гуань Чжун и Великий Мастер Си Пэн сопровождали его. Армия Ци отправилась в путь весной и вернулась зимой. Армия бродила по долине, в конце концов заблудилась и не смогла найти обратный путь. Хотя было отправлено множество разведчиков для исследования дороги, они так и не смогли найти выход из долины. Со временем запасы армии истощились. Ситуация стала критической. Если бы они не нашли выход, армия оказалась бы в ловушке и погибла бы. Гуань Чжун долго размышлял и придумал: раз собаки могут найти дорогу домой, даже если находятся далеко, то лошади в армии, особенно старые, тоже должны уметь

распознавать дорогу. Он сказал герцогу Хуаню из Ци: «Ваше Величество, я думаю, что старые лошади умеют распознавать дорогу. Мы можем позволить им вести нас и вывести армию из долины». Герцог Хуань из Ци согласился попробовать. Гуань Чжун тут же выбрал несколько старых лошадей, отвязал им поводья и позволил им свободно идти впереди армии. Как ни странно, все эти старые лошади без колебаний шли в одном направлении. Армия следовала за ними по пятам, двигаясь на восток и запад, и наконец они вышли из долины и нашли главную дорогу обратно в Ци.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей *驾轻就熟* (букв. «управлять легкой повозкой по знакомой дороге») [Энциклопедия Байду].

«*老马识途等, 这些生动的寓言故事, 无不蕴含了深刻的哲理, 给人们以智慧的启迪*» [周慕白. 读读小古文, 2020] («Старый конь знает дорогу, и так далее. Все эти яркие басни содержат глубокие философские принципы, дарящие людям мудрость и просветление» [Чжоу Мубай. Несколько коротких текстов по классическому китайскому языку, 2020]).

«*老马识途的故事吗?*» 这人中只有大和那杰克逊有听过, 二人摇了摇头。连星缓缓道: “*过有一本书, 做韩子。韩子书上介绍了这样一个故事——仲, 朋从于桓而伐竹, 往冬, 迷惑失道。仲曰: “老马智可用也。” 老马而随, 遂得道。” 大和杰克逊睁大双, 一时间不明*» [糖衣古典. 鬼吹前: 魔域, 2018] («“История о старом коне, который нашел дорогу?” Только Ямато и Джексон из группы слышали её, и оба покачали головами. Лянь Син медленно произнёс: “Есть книга под названием “Хань Юй”. В ней рассказывается такая история: Чжун, друг Хуана, отправился рубить бамбук. Зимой они заблудились. Чжун сказал: “Старый конь мудр и может пригодиться”. Они последовали за старым конём и нашли дорогу”. Глаза Ямато и Джексона расширились, на мгновение растерявшись» [Классика в сахарной глазури. Призрак выдыхается: Магический домен, 2018]).

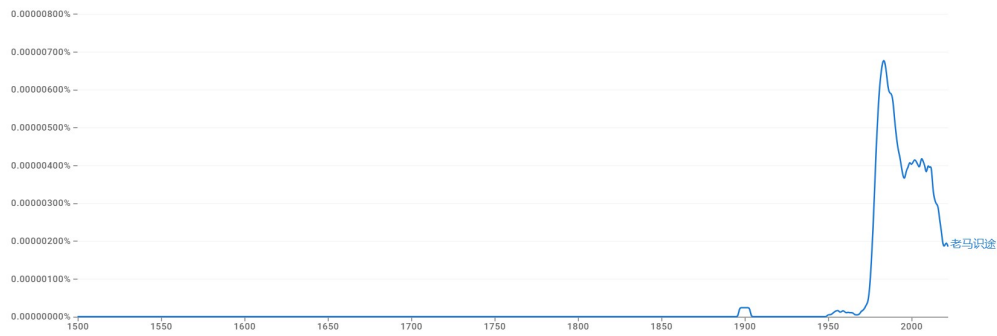

Рисунок 139 – Частотность функционирования чэньюй 老马识途

(букв. «старая лошадь знает дорогу») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 老马识途 (букв. «старая лошадь знает дорогу») зафиксирован в 1979 г.

马 – символ опасности: чэньюй 勒马悬崖 (букв. «укрощать лошадь на краю обрыва») – метафора возвращения в прошлое, когда человек находится на грани опасности.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 悬崖勒马 (букв. «остановить коня на краю обрыва») [Энциклопедия Байду].

«勒马悬崖, 歇诸驰求, 回向少欲无为的一条路上行去» [太虚. 佛经七讲, 2013] («Отступив от пропасти, прекратив всякие стремления, человек возвращается на путь минимальных желаний и бездействия» [Тайсуй. Семь лекций по буддийским писаниям, 2013]).

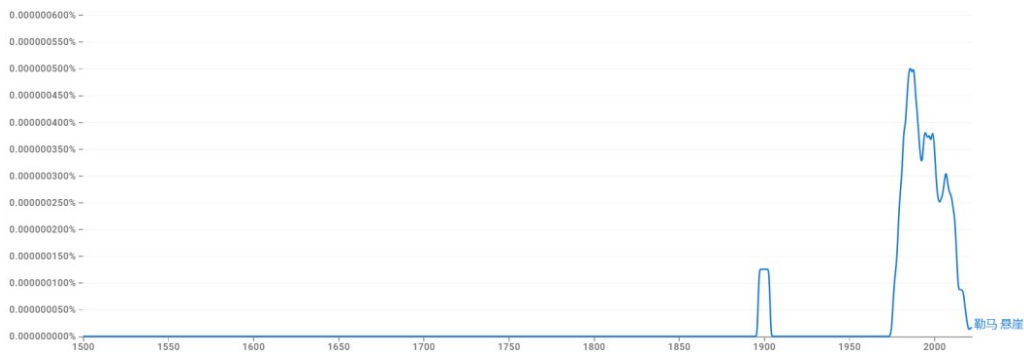

Рисунок 140 – Частотность функционирования чэньюй 勒马悬崖

(букв. «укрощать лошадь на краю обрыва») в китайском языке по данным GBNV

«油门力猛飞征去, 勒马悬崖不可能» [王志成. 詩詞紀事, 2015] («Педаль газа нажата до упора, мчась вперед, но отступить от пропасти невозможно» [Ван Чжичэн. Хроники поэзии и лирики, 2015]).

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй **勒马悬崖** (букв. «успокаивать лошадь на краю обрыва») зафиксирован в 1897 г.

马 – символ энергичного, предприимчивого духа и внешнего вида человека реализован в чэньюй **龙马精神** (букв. «дух дракона и лошади»). В традиционной культуре лошадь всегда была символом стремления к славе. Ма Юань, ханьский полководец, покоривший моря, говорил: «Ничто не может парить в небе подобно дракону, и ничто не может передвигаться по земле подобно лошади. Лошадь – основа доспехов и оружия, и великое достояние страны». В контексте китайской культуры дух дракона и лошади – это гармоничная культура, стремящаяся к самосовершенствованию.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами **生龙活虎** (букв. «живой дракон и живой тигр») [Энциклопедия Байду], **蒙古马精神** (букв. «дух монгольской лошади») – концепция, разработанная Си Цзиньпином, означающая готовность переносить трудности и неуклонно стремиться к цели [БКРС].

«几千年来, 这种龙马精神激励着世代华夏儿女奋发向上的进取之心, 成为历代文人歌咏自励的永恒话题» [施晔. 荷兰汉学家高罗佩研究, 2017] («Дух драконьего коня. На протяжении тысячелетий этот дух драконьего коня вдохновлял поколения китайцев стремиться к прогрессу и стал вечной темой для воспевания и самосовершенствования литераторов» [Ши Йе. Исследования голландского синоведа Роберта ван Гулика, 2017]).

«龙马精神一三四平安大吉大利花岁岁平安事大吉心想事成漢新月刊給您拜年了恭賀讀者新春吉祥如意豬年諸事順利祥 漢新月刊» [Han Xin Yue Kan, 2019]

(«Пусть дух дракона и коня принесет вам мир, удачу и процветание год за годом. Пусть все ваши желания сбудутся. Журнал Sino Monthly желает вам счастливого Нового года! Поздравляем наших читателей с благоприятным и процветающим Годом Свиньи!» [Хан Синь Юэ Кан, 2019]).

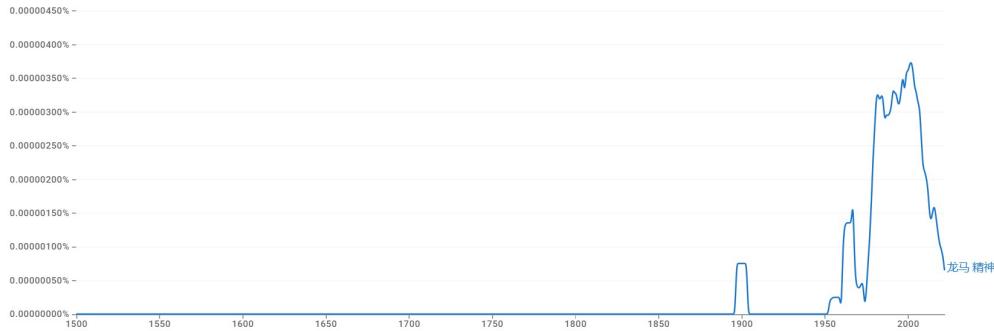

Рисунок 141 – Частотность функционирования чэньюй 龙马精神

(букв. «дух дракона и лошади») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 龙马精神 (букв. «дух дракона и лошади») зафиксирован в 1897 г.

马 – символ образца для руководства людьми: чэньюй 率马以骥 (букв. «вести табун лошадей на прекрасном коне») носит символический характер и используется в контексте демонстрации образца для подражания. Он подчеркивает важность личного примера в руководящей деятельности и служит метафорой для отбора талантливых и добродетельных лиц на руководящие посты. Основная суть данной идиомы заключается в достижении общего прогресса и совершенствования посредством демонстрации примерных качеств и назначения достойных и способных лиц на соответствующие должности.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 为人师表 (букв. «быть образцом для людей [в качестве] наставника») [Энциклопедия Байду].

«曰、率」馬以」驥、不亦可乎。或曰、田園田者、莠喬喬。思遠人者、心切切。曰、日有光、月有明。三年不」目」日、視必盲。三年不」目」月、精必瞭。熒魂

曠枯、糟莩曠沈。鏑埴索」塗、冥行而已矣。或問、何如斯謂二之人» [揚雄, 鈴木喜, 1972] («Он сказал: “Вести коня на прекрасных скакунах – разве это не приемлемо?” Кто-то сказал: “Поля заросли сорняками. Те, кто тоскует по далеким друзьям, полны тоски. Солнце светит, луна светит. Если не смотреть на солнце три года, ослепнешь. Если не смотреть на луну три года, истощишь дух. Как увядший светлячок, ..., жизнь бессмысленна. Как комок земли, можно лишь блуждать во тьме”. Кто-то спросил: “Что это за человек?”» [Янсюн, Сузуки, 1972]).

Рисунок 142 – Частотность функционирования чэньюй 率马以骥
(букв. «вести табун лошадей на прекрасном коне»)

в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 率马以骥 (букв. «вести табун лошадей на прекрасном коне») зафиксирован в 1976 г.

马 – символ действий вслепую: самое ранне упоминание чэньюй 盲人瞎马 (букв. «слепой на слепой лошади») встречается в произведении «Новое изложение мировых сказок» Лю Ицина, созданном в эпоху Южной Сунь. Эта метафора охватывает концепцию безрассудных и рискованных поступков, зачастую сопряженных с серьезной опасностью. Истоки выражения связаны с рассказом Гу Кайчжи: «слепой, едущий на слепом коне и приближающийся к глубокому озеру в полночь», что служит иллюстрацией опасностей, возникающих при слепом следовании без учета обстановки. Человек способен подчинять природу, однако перед лицом сложных ситуаций его слабость, хрупкость и уязвимость становятся очевидными. Когда определенная область или аспект

жизни попадает в «слепую зону», не следует безответственно в нее вторгаться. Даже при наличии смелых планов и надежды на удачу, которые могут привести к успеху и помочь преодолеть опасности, вероятность успеха крайне низка. Разумное и осторожное планирование действий перед их осуществлением является необходимым условием для минимизации рисков.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 履冰临渊 (букв. «ходить по тонкому льду и стоять у глубокой бездны») [Энциклопедия Байду].

«」楊林嚇唬道：「這一場，叫盲人瞎馬。不是把眼珠子摳出來，而是把人和馬的眼睛蒙上，環湖跑一圈，看誰摔下來的次數少。」慕容堅禁不住樂了，「這大林子，太壞了。我騎了幾十年馬，還真沒這麼玩過」 [蕭十三郎. 《北郡烽煙急》，2021] («“Думаю, вас четверых ждут непростые времена, – пригрозил Ян Линь. – Эта игра называется “Слепой и слепая лошадь”. Она не предполагает выкалывания глаз, а скорее, завязывание глаз всаднику и лошади, заставляя их пробежать круг вокруг озера и посмотреть, кто упадет меньше раз”. Муронг Цзянь не смог сдержать смех: “Этот Да Линьцзы слишком коварен. Я езжу на лошадях десятилетиями, и никогда раньше ничего подобного не делал”» [Сяо Шисанлан. Пламя войны в северном графстве, 2021]).

Рисунок 143 – Частотность функционирования чэньюй 盲人瞎马 (букв. «слепой на слепой лошади») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй **盲人瞎马** (букв. «слепой на слепой лошади») зафиксирован в 1952 г.

马 – символ величественной армии: суть чэньюй **千军万马** (букв. «тысяча солдат и лошадей») сводится к тому, что в руководстве военными действиями важна мудрость у генералов, а не смелость; для солдат же критически важна качественная подготовка, а не их численность. Исторические примеры конфликтов показывают, что даже меньшая по численности армия может одержать победу благодаря превосходной разведке и стратегическому планированию. Напротив, наличие большого войска не обеспечивает его эффективности, если военнослужащие дезорганизованы. Таким образом, любой поступок требует тщательного раздумья, постоянного анализа и избегания ориентации исключительно на физическую силу. Необходимо учиться ценить и стремиться к совершенству, а не полагаться на идею, что «больше» всегда означает «лучше».

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами **排山倒海** (букв. «сдвигать горы и опрокидывать моря») [Энциклопедия Байду], **千兵万马** (букв. «могучее войско, огромная сила») [БКРС].

«千军万马了!» 其实大家都在参考同一份攻略本,彼此有了默契,各人负责一片地区,共同消耗守城军的兵力,徐徐图之,这是最稳妥的打法 [《重炼传说 5》天涯 01 : 如来山下 (简体中文版) , 2022] («Огромная армия! На самом деле все ссылались на одно и то же руководство по стратегии, и между ними существовало негласное соглашение. Каждый отвечал за определённый участок, работая сообща, чтобы истощить силы обороняющейся армии, постепенно беря контроль в свои руки – это был самый безопасный подход» [Reforged Legends 5: Конец света – Глава 1: Под горой Татхагата (упрощенная китайская версия), 2022]).

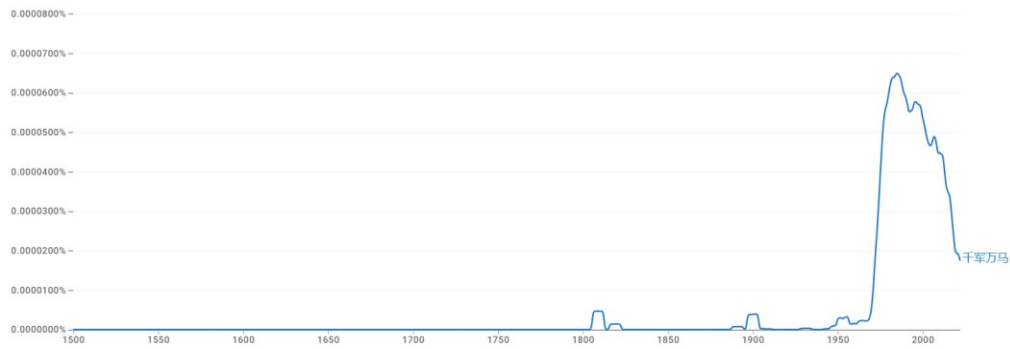

Рисунок 144 – Частотность функционирования чэньюй 千军万马

(букв. «тысяча солдат и лошадей») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 千军万马 (букв. «тысяча солдат и лошадей») зафиксирован в 1806 г.

马 – символ утраты контроля: чэньюй 脱缰之马 (букв. «неуправляемая лошадь») означает человека, освободившегося от ограничений, или что-то, что потеряло контроль. Происходит из «Ночных заметок для чтения».

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами 桀骜不驯 (букв. «свирепый и непокорный») [Энциклопедия Байду], 脱缰的潮汐之怒 (букв. «неудержимая ярость волн»), 脱疆之马 (букв. «лошадь без узды») [БКРС].

«脱缰之马, 谁都不愿把不断贬值的会子攥在手里, 纷纷以会子挤兑铜钱» [虞云国. 黎东方讲史之续: 细说宋朝, 2019] («Подобно неуправляемой лошади, никто не хотел держаться за постоянно обесценивающиеся бумажные деньги, и все бросились обменивать их на медные монеты» [Ю Юнго. Продолжение исторических лекций Ли Дунфана: подробный обзор династии Сун, 2019]).

«脱缰之马, 一直旁出斜逸奔放驰骤到如今。旧一代的人则按照自然法则一批一批地凋谢, 填入时代的沟壑» [梁实秋. 快乐就是哈哈哈哈哈, 2022] («Словно неукротимая лошадь, оно скачет дико и необузданно до сих пор. Старшее

поколение, следуя законам природы, постепенно уходит в прошлое, заполняя пустоты времени» [Лян Шицю. Счастье – это просто смеяться вслух, 2022]).

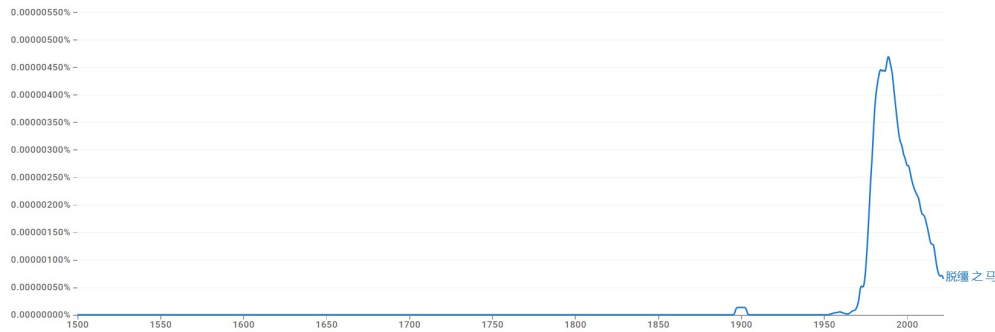

Рисунок 145 – Частотность функционирования чэньюй 脱缰之马

(букв. «неуправляемая лошадь») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV данный чэньюй зафиксирован в 1898 г.

马 – символ коллективного молчания: чэньюй 万马齐瘖 (букв. «десять тысяч лошадей замолчали») передает идею о том, что люди вынуждены воздерживаться от свободного выражения своего мнения вследствие систематического подавления. Являясь идиоматическим оборотом, оно служит для описания угнетающей социальной и политической ситуации, в которой ограничены возможности граждан на свободное высказывание и участие в общественных дебатах. Пример употребления можно найти в литературных произведениях эпохи Цин, таких как «Празднование нового Ляна – выпивка лянчжоуского вина вдоволь» Чэнь Вэйсуна и «Разные стихи года Цзи Хай» Гун Цзычжэня.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 万籁俱寂 (букв. «всё умолкло, полная тишина») [Энциклопедия Байду].

«萬馬齊瘖的沉寂局面, 是被臺灣人民可歌可泣的反割臺運動首先衝破的» [歐陽健. 中國歷史小說史, 2018] («Застой и молчание были впервые нарушены героическим и трогательным движением тайваньского народа против уступки Тайваня» [Оуян Цзянь. История китайских исторических романов, 2018]).

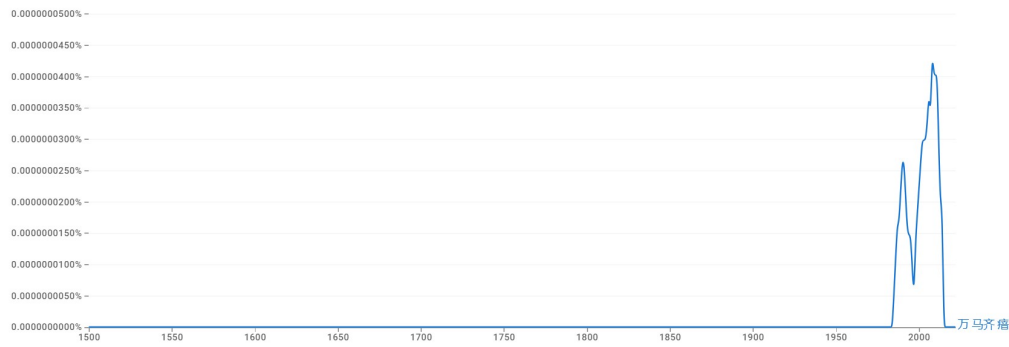

Рисунок 146 – Частотность функционирования чэньюй 万马齐喑

(букв. «десять тысяч лошадей замолчали») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 万马齐喑 (букв. «десять тысяч лошадей замолчали») зафиксирован в 1985 г.

马 – символ нереализуемых вещей: самая ранняя история идиомы 乌白头 马生角 (букв. «ворона белеет, а у лошади вырастают рога») восходит к легенде, записанной в «Янь Данцзы» династии Западная Хань. Данная идиома служит средством объяснения объективных закономерностей природы посредством биологической мутации.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 海枯石烂 (букв. «высохнет море и истлеют камни») [Энциклопедия Байду].

«乌白头、马生角, 乃可许耳。丹仰天叹, 乌即白头, 马生角。秦王不得已而遣之。” 后以“乌头白”比喻不可能实现的事情» [全唐诗词语通释, 2017] («Только когда голова вороны побелеет, а у лошади вырастут рога, это будет разрешено. Дан поднял взгляд к небу и вздохнул: “Ворона действительно побелела, а у лошади выросли рога”. Царю Цинь ничего не оставалось, как прогнать его. Позже “побеление головы вороны” стало метафорой чего-то невозможного» [Подробное объяснение терминов в полном собрании стихотворений Тан, 2017]).

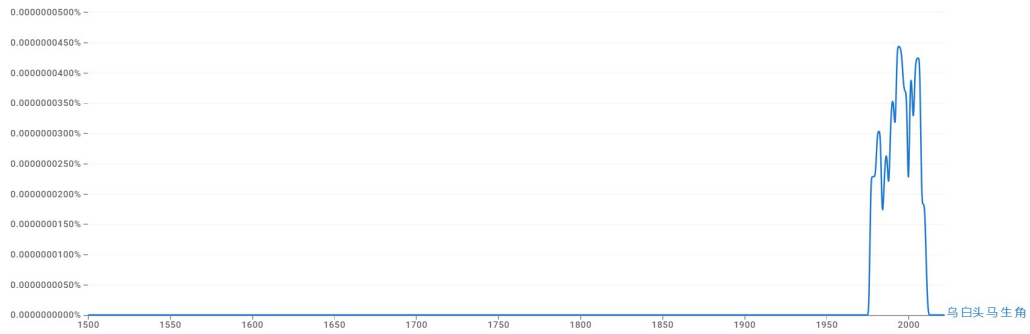

Рисунок 147 – Частотность функционирования чэньюй 乌白头马生角
(букв. «ворона белеет, а у лошади вырастают рога»)
в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 乌白头马生角 (букв. «ворона белеет, а у лошади вырастают рога») зафиксирован в 1977 г.

马 – символ беспокойства: выражение 意马心猿 (букв. «ум подобен дикой обезьяне, воля подобна скачущей лошади») описывает ум, который так же неуправляем, как скачущая лошадь или прыгающая обезьяна, указывая на недостаток силы воли или концентрации. Эта метафора часто используется в буддийской литературе.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 三心二意 (букв. «разрываться между двумя умами») [Энциклопедия Байду].

«意马心猿, 骡难踰伏, 故有所寄焉。而助之以自制, 戢山谓不必尔尔, 此为功夫稍熟者言也。若初学时, 则此亦不可废耳» [梁启超讲读王阳明心学, 2018]
(«Разум подобен дикой лошади или беспокойной обезьяне, их трудно усмирить; поэтому им необходимо руководство. А для развития самоконтроля, как говорил Цзишань, это необязательно; это для тех, кто обладает определенными навыками. Но для начинающих это все еще необходимо» [Лян Цичао. Лекции Лян Цичао по философии сознания Ван Янмина, 2018]).

Рисунок 148 – Частотность функционирования чэньюй 乌白头马生角
(букв. «ворона белеет, а у лошади вырастают рога»)

в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 乌白头马生角 (букв. «ворона белеет, а у лошади вырастают рога») зафиксирован в 1898 г.

马 – символ чего-то, имеющего название, но не обладающего сущностью: **土牛木马** (букв. «глиняный бык и деревянная лошадь»). Несмотря на высокую реалистичность глиняного быка и деревянного коня, созданных посредством мастерской резьбы, они остаются подделками. Поскольку глиняный бык не обладает функциональностью для пахоты, а деревянный конь – для тяги телеги, их практическое применение невозможно. После стихийных бедствий, таких как пожар и наводнение, от них остается лишь груда пепла, символизирующая утрату формы и содержания. В повседневной жизни необходимо уделять внимание не только внешним признакам, но и учитывать внутреннюю сущность, чтобы избегать иллюзий и ложных представлений.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей **土鸡瓦犬** (букв. «глиняный петух и глиняная (черепичная) собака») [Энциклопедия Байду].

«土牛木马形似而用非不可以涉道也曰人受陰陽之氣以生有情有性性則為善情則為惡邱人之心皆王政之罪人也周文甚重之常置諸座右數百年大亂滋甚且二十載人不見德唯兵革是聞上若刀筆之中而得志行是則金相玉質內外俱美實為善惡既

分賞罰隨焉賞罰得中則怨止而善歌賞罰不» [二十五史：北史，唐書，1962]
 («Глиняный бык и деревянный конь хотя и похожи по форме, вполне подходят для путешествия по Дао. Люди рождаются из энергий инь и ян, обладая эмоциями и природой. Природа может быть доброй, а эмоции – злыми. Сердца людей – грешники против правления царя. Царь Вэнь из Чжоу относился к ним очень серьезно, всегда держа их по праву. Сотни лет царил великий хаос, и двадцать лет люди не видели добродетели, только войну. Правитель, словно ведомый пером и чернилами, мог достигать своей воли и поведения. В этом суть золота и нефрита, прекрасных внутри и снаружи. Воистину, добро и зло различаются. Соответственно, за ними следуют награды и наказания. Когда награды и наказания уравниваются, негодование прекращается и поются добрые песни» [Двадцать пять историй: История Северных династий, Книга Тан, 1962]).

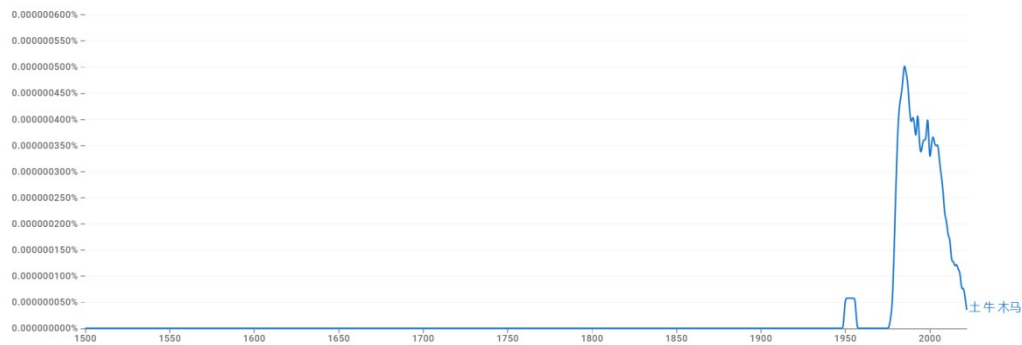

Рисунок 149 – Частотность функционирования чэньюй 土牛木马

(букв. «глиняный бык и деревянная лошадь») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 土牛木马 (букв. «глиняный бык и деревянная лошадь») зафиксирован в 1951 г.

Образ лошади в китайской лингвокультуре вариативен и имеет богатое символическое значение. Лошадь выступает не просто как животное, а как многогранный символ, отражающий различные человеческие качества, жизненные ситуации и ценности. В частности, лошадь символизирует сдержанное обещание, где ее образ подчеркивает важность ответственности и неизменности данных слов. Она также является символом лидерства, что отражается через выражения,

обозначающие нахождение в передовых позициях и управление в различных сферах – от боевых действий до политических и культурных мероприятий. Немалую роль играет и символика потери, которая при правильном взгляде превращается в скрытое благословение, иллюстрируя диалектический принцип, что даже неудачи могут обернуться успехом или уроком развития. Образ лошади связывается также с физической усталостью и испытаниями путешествия, с богатством и роскошным образом жизни, а также с состоянием спокойствия, безмолвия и молчания. Лошадь выступает в роли подсказчика, следователя, что указывает на культурные и исторические контексты.

Не менее интересно, что в языке лошадь символизирует труд, заслуги, опыт и даже недостаток мудрости. Идиома о старой лошади, которая хорошо знает дорогу, подчеркивает ценность опыта, а образ скота в одежде – напоминание о людях, лишенных знаний или мудрости. В целом, через эти выражения и символы лошадь отражает дифференцированные стороны человеческой натуры и жизненных ситуаций, демонстрируя глубину китайской культуры и ее богатое символическое наследие.

3.5. Компонент-зооним 龍 (дракон)

В китайских словарях иероглиф 龍 используется как общее обозначение для *дракона*. Так, иероглифом 龍 обозначаются: 1) *дракон*; 2) государь, император; императорский; высочайший; 3) *драконообразная* горная цепь, кряж; 4) любовь, ласка; благосклонность; благоволение, милость; 5) гармония, согласие, мир; 6) огромная *лошадь*; 7) выдающаяся личность, знаменитость, гений; даровитый, талантливый (часто в прозвище); 8) лун, «*драконовое* письмо» (древнейший иероглифический почерк, происходящий от триграмм); 9) пёстрый, пегий; пятнистый, разноцветный; 10) *Дракон* (пятое животное из цикла 12, соответствует циклическому знаку 辰, обозначающему год *Дракона*); 11) в китайской астрологии Юпитер или созвездия восточного сектора неба [БКРС].

Таблица 16 – Китайские чэньюй с компонентом-зоонимом 龙

№	Источник	Чэньюй
1	Китайско-русский фразеологический словарь О. М. Готлиба, М. Хуаина	画龙点睛 (букв. «рисую дракона, дорисовать ему зрачки»); 真龙天子 (букв. «истинный Дракон, Сын Небес»); 蛟龙得水 (букв. «водный дракон добрался до воды»); 鱼龙混杂 (букв. «рыбы и драконы вместе смешались»); 云龙风虎 (букв. «облака (приходят с) дракона, ветер (приносит) тигр»); 直捣黄龙 (букв. «ударить прямо по желтому дракону»); 白龙鱼服 (букв. «белый дракон в рыбьей чешуе»); 暴腮龙门 (букв. «выставить жабры перед воротами дракона»); 笔走龙蛇 (букв. «кисть движется как дракон и змея»); 藏龙卧虎 (букв. «спрятанный дракон, спящий тигр»); 车水马龙 (букв. «повозки подобны текущей воде, кони подобны дракону»); 攀龙附凤 (букв. «держаться за дракона и следовать за фениксом»); 盘龙之癖 (букв. «пристрастие свернутого дракона (Лю И) (Пань Лунь)»); 乘龙佳婿 (букв. «прекрасный зять, взмывающий на драконе»); 屠龙之技 (букв. «искусство резать драконов»)
2	Словарь идиоматических выражений Ю. Ши	群龙无首 (букв. «стая драконов без лидера»)

龙 – символ заключительных штрихов: метафора **画龙点睛** (букв. «*рисую дракона, дорисовать ему зрачки*») используется для фраз и идиом в ключевых моментах устной и письменной речи, чтобы подчеркнуть главную идею, сделав высказывание или текст более лаконичным и убедительным.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами 锦上添花 (букв. «добавить цветы на парчу»), 点铁成金 (букв. «прикосновением превратить железо в золото»), 恰到好处 (букв. «прийтись как нельзя кстати, быть в самый раз») [Энциклопедия Байду].

«**画龙点睛**», 毫无疑问这在绘画的画义上是进步了, 它已经能够通过人造的形象来传达人文的思想和人文的情感了。但是归根结底龙是一种人心营构之象, 如果我们要把“**画龙点睛**”的手法使用到我们见到的所有的物体上, 我们应该怎么办呢?» [陈绶祥. 国画讲义, 2004] («Завершающий штрих или добавление завершающего штриха к дракону, несомненно, представляет собой прогресс в художественном понимании живописи, позволяя использовать созданные человеком образы для передачи гуманистических мыслей и эмоций. Однако, в конечном счете, дракон – это образ, созданный человеческим разумом. Если мы хотим применить технику добавления завершающего штриха к дракону ко всем объектам, которые мы видим, как нам следует это сделать?» [Чэнь Шоусян. Конспект лекции по традиционной китайской живописи, 2004]).

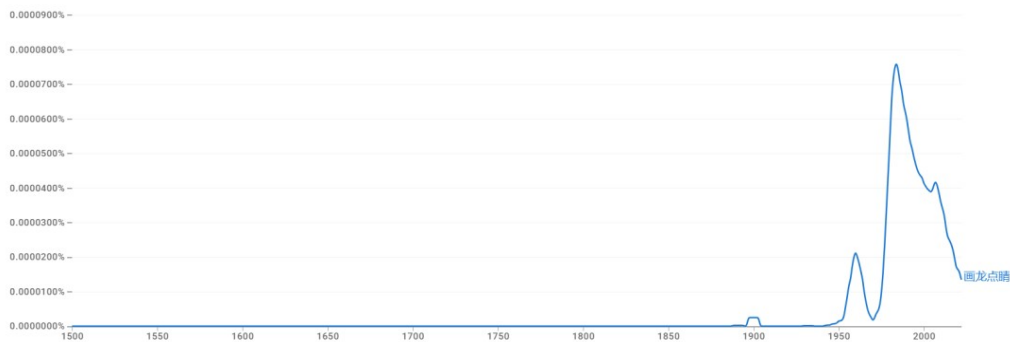

Рисунок 150 – Частотность функционирования чэньюй **画龙点睛** (букв. «*рисую дракона, дорисовать ему зрачки*») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй **画龙点睛** (букв. «*рисую дракона, дорисовать ему зрачки*») впервые зафиксирован в 1889 г.

龙 – символ императора: 真龙天子 (букв. «истинный Дракон, Сын Небес»). Идиома возникла из романа Яо Сюэиня «Ли Цзичэн». После обожествления дракон стал ассоциироваться с императорским культом в китайской культуре. В периоды династий Цинь и Хань, когда Китай был объединен под властью централизованного государства, возникла потребность в наличии символического высшего божества, отражающего легитимность единства и власти. В этом контексте императоры активно использовали образ дракона в атрибутике для усиления авторитета власти. Данная идиома широко прослеживается в различных исторических источниках, что свидетельствует о ее значительном культурном и символическом значении в эпоху императорских династий.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами 万岁爷 (букв. «Господин десяти тысяч лет»), 九五之尊 (букв. «Высочайший престол девяти и пяти»), 天子 (букв. «Сын Небес») [Энциклопедия Байду].

«真龙天子», 既然是“真龙”, 自然是不能和老百姓一样的, 而最直接体现天子和老百姓差异的就是服装, 天子最具有标志性的服饰就莫过于“龙袍”。历朝历代的皇帝, 只要有画像存世, 一般都是一身龙袍冠带, 然而元朝却好像并非如此» [胡岳潭. 到元朝打卡生活, 2021] («Сын Неба, будучи истинным драконом, естественно, не мог быть похож на обычных людей, и самым прямым способом отличить императора от простого народа была одежда. Самым узнаваемым одеянием императора, несомненно, была “драконья мантия”. На протяжении всей истории императоры, чьи портреты сохранились, как правило, носили драконьи мантии и короны; однако династия Юань, кажется, является исключением» [Ху Юэтань. Посещение династии Юань, чтобы познакомиться с жизнью в ней, 2021]).

«真龙天子的降生呢? 于是,耶律洪基让萨满想一个办法,萨满回答耶律洪基是辽国皇帝,本身就应该是真龙天子,他又怎么能够容得下起来,拈弓搭箭,瞄准了天上的一群飞鸟连射三箭,全部命中。眼见还是出众,能不能让我见识一下?» [博文 编著. 三千年来激荡人心的发家史, 2014] («Где же родился истинный Сын Неба? Тогда Елю Хунцзи обратился к шаману за решением. Шаман ответил, что Елю Хунцзи – император Ляо, а значит, и истинный Сын Неба. Как он мог смириться с таким? Он натянул стрелу, прицелился в стаю птиц в небе и выпустил три стрелы, не понав в цель все три раза. Увидев, что он всё ещё не попал в цель, он спросил: “Не могли бы вы показать мне это?”» [Сборник Боуэна. Увлекательная история развития на протяжении трех тысяч лет, 2014]).

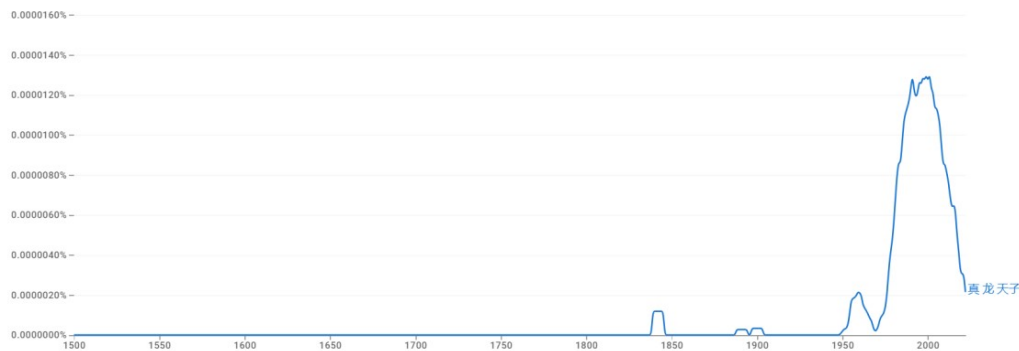

Рисунок 151 – Частотность функционирования чэньюй 真龙天子

(букв. «истинный Дракон, Сын Небес») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 真龙天子 (букв. «истинный Дракон, Сын Небес») впервые зафиксирован в 1839 г.

龙 – символ верховного лидера: чэньюй 群龙无首 (букв. «стая драконов без лидера») используют для описания группы, которая не может действовать согласованно из-за отсутствия верховного лидера.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами 乌合之众 (букв. «неорганизованная масса людей без лидера»), 各自为战 (букв. «каждый воюет сам за себя») [Энциклопедия Байду].

«群龙无首, 谋划发动政变。群龙无首? 你们有眼不识泰山吧! 第一步, 他们谋划一个鸿门宴, 准备把清军将领一网打尽。这招情节过于老套, 自楚汉相争时就从来没有成功的先例——吴、张二人根本就没去, 袁世凯全副武装到了宴席上, 没说两句话就拉着亲日派头头的手返回门口» [杨桦. 1911 : 让我们谈谈革命, 2013]

(«Без лидера они замыслили переворот. Без лидера? Вы слепы к их истинной силе! Первым делом они организовали ловушку, банкет, чтобы захватить всех генералов Цинской династии. Эта тактика была совершенно банальной, без каких-либо успешных прецедентов со времен конфликта Чу-Хань – У и Чжан даже не присутствовали; Юань Шикай прибыл полностью вооруженным, но после нескольких слов схватил за руку прояпонского лидера и отвел его обратно к двери» [Ян Хуа. 1911 год: Давайте поговорим о революции, 2013]).

«群龙无首群龙无首, 军队大乱敌军元帅从马上来'被乱马踩。这个故事说明了是什么? 它告诉我们, 事物是一个普遍联系的整体联系是客观的如果我们不认识或忽视事物之间的联系, 就会受到客观联系联系的惩罚我们经常看到一些不注意事物的联系、顾此失彼的现象例如» [尘墨. 沉思录给我们上的 10 堂课, 2014]

(«Без лидера армия погрузилась в хаос. Командир противника подъехал верхом и был растоптан беспорядочно бегущими лошадьми. Что иллюстрирует эта история? Она говорит нам о том, что вещи повсеместно взаимосвязаны, и эти связи объективны. Если мы не распознаем или игнорируем связи между вещами, мы будем наказаны этими объективными связями. Мы часто наблюдаем такие явления, как игнорирование связей между вещами и сосредоточение внимания на одном аспекте, упуская из виду другой» [Пыль и чернила. 10 уроков из медитаций, 2014]).

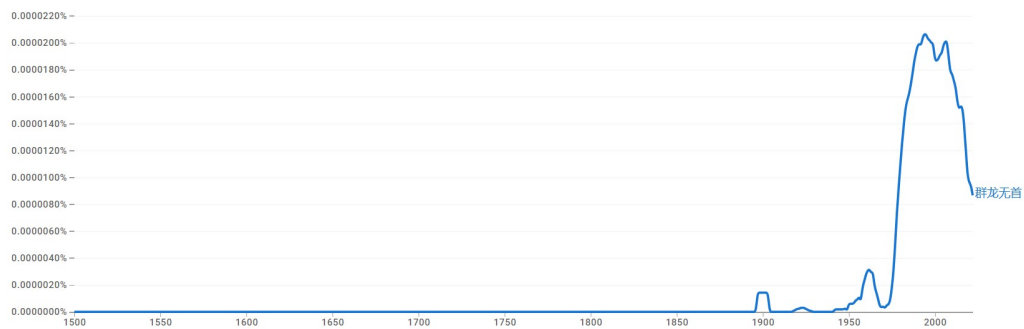

Рисунок 152 – Частотность функционирования чэньюй 群龙无首

(букв. «стая драконов без лидера») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 群龙无首 (букв. «стая драконов без лидера») зафиксирован в 1897 г.

Таким образом, иероглиф 龙 используется не только как обозначение дракона, но и как метафора для высших государственных институтов; личности, обладающей исключительными качествами; как символ гармонии. Кроме того, образ дракона служит важным символом императорской власти, отражая идею божественного происхождения, легитимности верховной власти, что особенно проявляется в идиоматических выражениях. В целом, дракон выступает как символ высокого достоинства, национальной идентичности, а также как средство выразительности, подчеркивая значимость образа в различных аспектах китайской культуры и исторического развития.

3.6. Компонент-зооним 蚁 (муравей)

В китайских словарях иероглиф 蚁 используется как общее обозначение для муравья. Так, данным иероглифом обозначаются: 1) муравей; 2) [винная] пена; а также прилагательные тёмно-фиолетовый; мелкий; ничтожный; 3) бесчисленный; многочисленный [БКРС].

Таблица 17 – Китайские чэньюй с компонентом-зоонимом 蚁

№	Источник	Чэньюй
1	Китайско-русский фразеологический словарь О. М. Готлиба, М. Хуаина	千里之堤, 溃于蚁穴 (букв. «муравьиный ход может погубить огромную дамбу, надо быть осторожным даже в мелочах»); 蜂屯蚁聚 (букв. «осы роятся, муравьи скучиваются»)
2	Словарь идиоматических выражений Ю. Ши	蝼蚁贪生 (букв. «муравьи цепляются за жизнь»); 热锅上的蚂蚁 (букв. «муравьи на раскаленной сковороде»)

蚁 – символ пустяков, проступков, ошибок: чэньюй 千里之堤, 溃于蚁穴 (букв. «муравьиный ход может погубить огромную дамбу, надо быть осторожным даже в мелочах») является метафорой того, как небольшая скрытая опасность может привести к большой катастрофе. Многочисленные события сопровождаются предзнаменованиями, однако зачастую они остаются без внимания; и только внимательный наблюдатель способен заметить окружающие детали. Эти детали могут стать основой для принятия мер предосторожности, независимо от того, приведут ли они к благоприятному или неблагоприятному исходу. Хань Фэйцзы иллюстрирует эту мысль примерами: небольшая прорванная дамба может разрушиться из-за муравьев, строящих гнезда, а высокий дом – из-за протечки в дымоходе.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 积羽沉舟 (букв. «накопленные перья могут утопить лодку») [Энциклопедия Байду].

«第三部分『忽視細節的代價論道: 「企業中各種小問題, 其實就是企業管理中的一個個蟻穴, 而千里之堤, 潰於蟻穴。巴林銀行倒閉的原因只是一個細節的忽略。一個細節的忽略卻形成不可收拾的狀態。如果將小事做細, 杜絕百分之一的錯

誤, 巴林銀行肯定會是個優秀的銀行» [賴宗翰. 螳螂-職場上最需要具備之精神: 讀品文化, 2012] («В третьей части “Цена пренебрежения деталями” утверждается: “Различные мелкие проблемы в компании подобны муравейникам в управлении; тысячемильную дамбу может прорвать муравейник. Крах банка Barings произошел из-за одной-единственной упущенной детали. Эта упущенная деталь привела к неуправляемой ситуации. Если бы мелкие вещи решались тщательно, исключая даже один процент вероятности ошибки, банк Barings, несомненно, был бы превосходным банком”» [Лай Цзунхан. Таракан – самый необходимый элемент на рабочем месте: Культура чтения, 2012]).

«千里之堤, 正是点滴之处才能够真正体现一个人的精神和品格» [石景山区人民检察院队伍建设选编, 2006] («Тысячемильная дамба строится на бесчисленных мелких деталях, которые по-настоящему раскрывают дух и характер человека. В этом отношении руководство партийного комитета нашего института подало пример своим сотрудникам» [Избранные статьи по вопросам командообразования в Народной прокуратуре района Шицзиншань, 2006]).

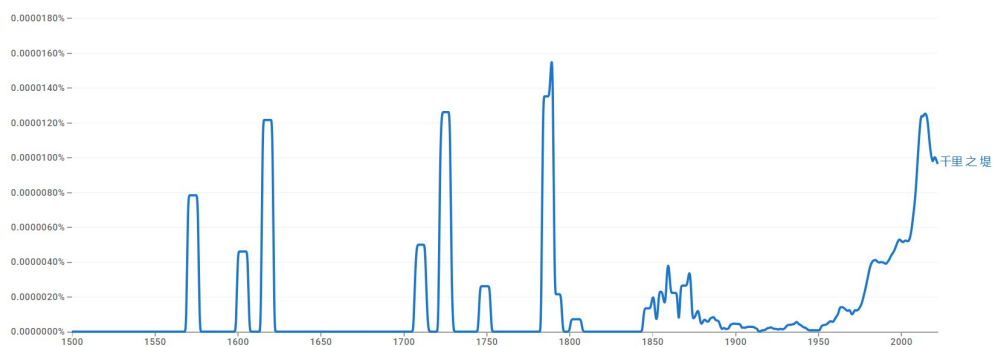

Рисунок 153 – Частотность функционирования чэньюй 千里之堤

(букв. «муравьиный ход может погубить огромную дамбу»)

в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 千里之堤 (букв. «муравьиный ход может погубить огромную дамбу») зафиксирован в 1570 г.

蚁 – символ крохотного живого существа: чэньюй **蝼蚁贪生** (букв. «**муравьи цепляются за жизнь**») можно использовать как выражение воли к выживанию при мольбе о пощаде, а также он имеет философский подтекст, призывая людей ценить жизнь. Император династии Цин, Цяньлун, трансформировал идиому в стихотворное произведение «Десять песен триумфа для генералов и солдат, приветствующих триумфальное возвращение на пригородной террасе», в рамках которого он адаптировал ее в выражение «Даже муравьи, жаждущие жизни, таковы». Интерпретация свидетельствует о сохранении и передаче культурных ценностей и традиционных концепций, уходящих корнями в унаследованную культурную преемственность.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей **苟且偷生** (букв. «**лишь бы выжить**») [Энциклопедия Байду].

«**生而取义也。**” “但是这城里不只将军一个人, 诚然将军愿意舍生取义, 但是蝼蚁贪生, 这城里老老少少几千几万人, 就个个都如将军, 愿意舍生而取义 么!” 连城不等王思政反驳, 急急又道: “况且, 就算将军挺得住这一时, 侯爷不过多费些功夫, 多征些民夫, 堤堰一合, 待汛期» [青语. 倾世迷迭书, 2013] («Рожденный отстаивать праведность. “Но генерал – не единственный в этом городе. Хотя генерал и готов пожертвовать собой ради праведности, муравьи цепляются за жизнь. Разве все тысячи и тысячи людей в этом городе, молодые и старые, готовы пожертвовать собой ради праведности, как генерал?” Прежде чем Ван Сичжэн успел возразить, Ляньчэн поспешно добавил: “Более того, даже если генерал сможет продержаться некоторое время, маркизу потребуется приложить большие усилия и нанять больше рабочих. Как только дамбы будут закрыты, наступит сезон наводнений”» [Цинъю. Книга Розмари, 2013]).

«**生的兵士, 难道事到如今, 国破家亡, 还有什么看不开, 值得留恋的吗? 尊严**冷静如一尊石像, 如地狱放出的一个魔鬼。把人性 and 脆弱永远关在皮肉以外。那才

是令人不寒而栗的萩原大旭。然而, 蝼蚁尚且贪生, 唉, 我们的喜怒莫测的萩原军曹, 如今听说也磕头了» [李健吾. 李健吾文集, 2016] («Выживший солдат, когда страна разрушена, а семья погибла, – осталось ли что-нибудь, от чего он не может отказаться, что-нибудь, за что стоит держаться? Его достоинство и самообладание подобны каменной статуе, демону, выпущенному из ада. Он навсегда скрывает человечность и уязвимость. Это леденящий душу Хагивара Тайсукэ. И всё же даже муравьи цепляются за жизнь. Увы, наш непредсказуемый сержант Хагивара, как я слышал, теперь преклонил колени. Человечество предало тебя» [Собрание сочинений Ли Цзяньу, 2016]).

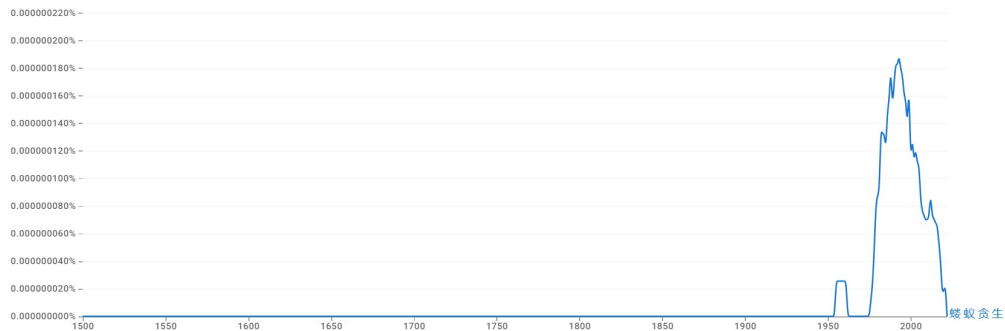

Рисунок 154 – Частотность функционирования чэньюй 蝼蚁贪生 (букв. «муравьи цепляются за жизнь») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 蝼蚁贪生 (букв. «муравьи цепляются за жизнь») зафиксирован в 1955 г.

蚁 – символ беспокойства и тревоги: пословица 热锅上的蚂蚁 (букв. «муравьи на раскаленной сковороде») используется для описания тревожного состояния.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 心急如焚 (букв. «на сердце так жарко, будто оно горит») [Энциклопедия Байду].

«热锅上的蚂蚁, 心急如焚! 豆大的汗珠从额头上流下。我又看了看表, 只有1分钟了! 我使劲翻着书, 可还是翻不到。这时, “丁零——” 考试的时间到了, 我同人

流一起走到老师的办公桌去交卷。考试结束了,我想:这次是得不了满分了» [心理寫作指導與好詞好句好段. 上, 2011] («Как муравей на раскаленной сковороде, я ужасно волновался! Крупные капельки пота стекали по моему лбу. Я снова посмотрел на часы; осталась всего одна минута! Я лихорадочно листал книгу, но так и не смог найти ответ. И тут раздался звук “Дин-дин”. Время экзамена истекло, и я присоединился к толпе, чтобы подойти к учительскому столу и сдать свою работу. Экзамен закончился, и я подумал: на этот раз я не получу высший балл» [Психологическое письмо: Подходящие слова, фразы и абзацы, 2011]).

«热锅上的蚂蚁, 他地里地外地转, 山上山下地转, 街东街西地转。然而, 不管转出多远, 他的目光, 都一直没有离开鞠家门口。有好几回, 走到她家门口, 他都想闯进去揪出刘大头, 把他的大头把到地上砸个稀巴烂。可是, 他终是没有进去。中午时分, 刘大头自动出来了» [孙惠芬. 民工, 2005] («Словно муравей на раскаленной сковороде, он расхаживал взад и вперед, по полям и за их пределами, вверх и вниз по горам, к востоку и западу от улиц. И все же, как бы далеко он ни заходил, его взгляд не отрывался от порога дома семьи Цзю. Несколько раз, подходя к их двери, ему хотелось ворваться внутрь, вытащить Лю Датоу и разбить ему голову о землю. Но в конце концов он не вошел. Около полудня Лю Датоу вышел сам» [Государственные служащие, 2005]).

Рисунок 155 – Частотность функционирования чэньюй 热锅上的蚂蚁

(букв. «*муравьи на раскаленной сковороде*») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 热锅上的蚂蚁 (букв. «*муравьи на раскаленной сковороде*») зафиксирован в 1897 г.

Таким образом, в чэньюй подчеркивается роль *муравья* как в культурных, так и в повседневных контекстах, отражается важность мелких деталей в предотвращении крупных проблем и значение символа в философских и духовных аспектах.

3.7. Компонент-зооним 象 (слон)

В китайских словарях иероглиф 象 используется как общее обозначение для *слона*. Так, данным иероглифом обозначаются: 1) *слон*; 2) шахматный *слон*; 3) *слоновая кость*; 4) изображение, образ, форма, фигура; внешний вид; портрет, картина; статуя; 5) признак; явление; феномен, знамение; символ; 6) основной принцип; закон; правовая основа; 7) переводчик, драгоман (из южных стран); 8) род триумфальной музыки и военного танца; 9) сосуд для вина, винный кубок [БКРС].

Отметим, что иероглифом 象 обозначаются следующие глаголы: 1) походить (быть похожим) на ..., иметь сходство с ...; 2) очерчивать, обрисовывать; делать набросок, рисовать в общих чертах; 3) подражать (кому-л., чему-л.), копировать (кого-л., что-л.); по образу, по подобию.

Иероглифом 象 обозначаются также предлоги *вроде*, *наподобие* и вводное слово *как будто*, *по-видимому*, *кажется* (см. [БКРС]).

Таблица 18 – Китайские чэньюй с компонентом-зоонимом 象

№	Источник	Чэньюй
1	Китайско-русский фразеологический словарь О. М. Готлиба, М. Хуаина	蛇欲吞象 (букв. «змея мечтает проглотить слона»); 象箸玉杯 (букв. «палочки из слоновой кости и яшмовые кубки»); 象齿焚身 (букв. «слона губят его бивни»)

№	Источник	Чэньюй
2	Словарь идиоматических выражений Ю. Ши	盲人说象 (букв. «слепые ощупывают слона»); 包罗万象 (букв. «охватить все вещи во Вселенной»).

象 – символ необдуманности: чэньюй **盲人说象** (букв. «слепые ощупывают слона») происходит из буддийской притчи, в которой несколько слепых мужчин, прикасаясь к различным частям слона, описывали его как столб, веер и веревку. Эта история служила иллюстрацией того, как ограниченное восприятие отдельных частей может привести к искаженному и неполному представлению о целом. Император иронично использовал эту притчу для критики обобщений, построенных на основе ограниченных наблюдений, и подчеркивал необходимость учитывать разные точки зрения при анализе более сложных явлений и объектов.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами *片面* (букв. «предвзятый»), *坐井观天* (букв. «сидеть в колоде и смотреть на небо») [БКРС], *管中窥豹* (букв. «смотреть на леопарда через бамбуковую трубку») [Энциклопедия Байду].

«既竭所知以告焉; 深恐盲人说象, 无有是处。爰述问答之词, 就正于有道君子。客: 黄公之画, 山水为宗。顾山不似山, 树不似树; 纵横散乱, 无物可寻。何哉? 曰: 子观画于咫尺之内, 是摩挲断碑残碣之道, 非观画法也。盍远眺焉。客: 观画须远, 亦有说乎?» [傅雷谈艺录 (果麦经典), 2017] («Исчерпав все свои знания, я глубоко опасаясь, что ваше объяснение подобно описанию слепым, совершенно ненадежно. Поэтому я написал этот диалог для вашего исправления, ища совета у добропорядочных господ. Гость: Картины Хуан Гуна – это в основном пейзажи. Однако горы не похожи на горы, деревья не похожи на деревья; композиция хаотична и беспорядочна, ничего не различимо. Почему так? Ответ: Вы

рассматриваете картины в ограниченном пространстве, что подобно ласке разбитых стел и надписей – неверный способ оценить живопись. Почему бы не смотреть вдаль? Гость: Есть ли причина, по которой для просмотра картин требуется расстояние?» [Фу Лэй об искусстве (Классика Гомай), 2017]).

«盲人說象。」這就有自知之明了。然而，問題並不就此止歇。局部雖然並不是全部，主觀雖說不等於客觀，可是主觀之中，到底有著客觀的一定反映，局部之中，畢竟包含著全部的顆粒。所以《涅槃經·獅子吼品》又說：「眾盲不說象體，亦非不說。若是眾相，悉非象者，離是」 [洪丕謨. 佛門人生大智慧, 2015] («Слепые описали слона. Это демонстрирует самосознание. Однако проблема на этом не заканчивается. Хотя часть не является целым, и субъективное не тождественно объективному, субъективное содержит определенное отражение объективного, а часть в конечном итоге содержит частицы целого. Поэтому в “Сутре Нирваны” в главе “Львиный рык” говорится: “Слепые не говорят о форме слона, и не не говорят о нем. Если все его формы не являются слоном, то они отделены от него”» [Хонг Пимо. Буддийская мудрость для жизни, 2015]).

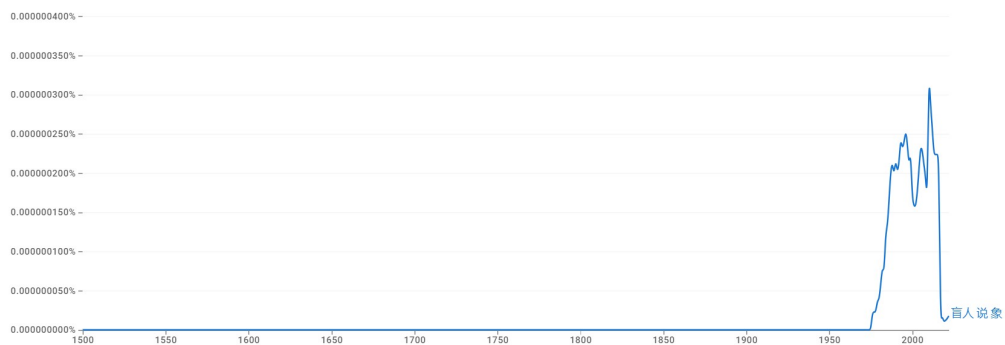

Рисунок 156 – Частотность функционирования чэньюй 盲人說象

(букв. «слепые ощупывают слона») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 盲人說象 (букв. «слепые ощупывают слона») зафиксирован в 1977 г.

象 – символ масштабности: чэньюй **包罗万象** (букв. «охватить все вещи во Вселенной»).

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами **面面俱到** (букв. «охвачено всё до мелочей»), **森罗万象** (букв. «бесчисленное множество явлений и предметов») [Энциклопедия Байду].

«**包罗万象**. 1 时至今日, 学术界仍在争论在这首诗中的“我” 究竟指的是什么? 是诗人自己, 还是一个海纳百川的、让个体的“自我”成为附属的精神灵魂的“我”? 尽管有着这样那样的不解和非议, 诗的最后一句“我辽阔博大, 我包罗万象”却天然地象征着一个国家或一种民族» [单波, 刘欣雅. 国家形象与跨文化传播, 2017] («Всеобъемлющий. Даже сегодня ученые все еще спорят о том, что означает “я” в этом стихотворении: самого поэта или безграничную, всеобъемлющую духовную душу, которая ставит индивидуальное “я” в подчиненное положение? Несмотря на эти недоразумения и критику, заключительная строка стихотворения: “Я огромен и безграничен, я охватываю все”, – естественно, символизирует нацию или народ» [Дэн Бо, Лю Синья. Национальный имидж и межкультурная коммуникация, 2017]).

«**包罗万象的知识, 也未必能够成功. 即使他拥有包罗万象的知识并且还知道如何运用他的这些知识, 他也仍然可能会是一个失败者. 只有在最有效地将自己的知识运用于实践之后, 成功才会向他款款走来**» [诺瓦尔·霍金斯. 世界上最伟大的推销员实践手册, 2014] («Даже обладание всесторонними знаниями не гарантирует успеха. Даже если у человека есть всеобъемлющие знания, и он знает, как их применять, он все равно может потерпеть неудачу. Успех приходит только тогда, когда человек эффективно применяет свои знания на практике» [Новал Хокинс. Справочник величайшего продавца в мире, 2014]).

Рисунок 157 – Частотность функционирования чэньюй 包罗万象

(букв. «охватить все вещи во Вселенной») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 包罗万象 (букв. «охватить все вещи во Вселенной») зафиксирован в 1888 г.

Образ *слона* символизирует масштабность и полноту восприятия окружающего мира. В то же время, данный образ отражает явления, связанные с проявлением необдуманности, слепого следования ограниченным представлениям и узким восприятием, что ведет к искажению реальности и неправильному пониманию сути происходящих процессов. Такой двойственный символизм подчеркивает необходимость расширения горизонтов восприятия, осознания множественности аспектов, а также необходимости избегать ограниченности и предубеждений, чтобы полностью постичь целостность и глубину окружающего мира и явлений, его составляющих.

3.8. Компонент-зооним 龟 (черепаха)

В китайских словарях иероглиф 龟 используется как общее обозначение для *черепахи*. Так, данным иероглифом обозначаются: 1) пресноводная *черепаха*; 2) *черепаха* (как символ жизнеспособности и долголетия); долголетие; 3) *черепаховый* панцирь (служивший в древности монетой); 4) гуй (название лекарства); 5) печать со шнуром (чиновничья эмблема, дин. Тан); 6) горб, холка; 7) *черепаха-оракул*, гадание на *черепашьем* панцире; 8) Гуй (созвездие из пяти звезд); 9) рогоносец; ублюдок. Иероглифом 龟 также обозначаются следующие глаголы: 1) потрескаться; 2) пойти трещинами [БКРС].

Таблица 19 – Китайские чэньюй с компонентом-зоонимом 龟

№	Источник	Чэньюй
1	Китайско-русский фразеологический словарь О. М. Готлиба, М. Хуаина	龟毛兔角 (букв. «шерсть черепахи, рога зайца»)
2	Словарь идиоматических выражений Ю. Ши	龟龙鳞凤 (букв. «черепаха, дракон, единорог и феникс»); 龟年鹤寿 (букв. «долголетие, как у черепахи и журавля»); 得缩头时且缩头 (букв. «когда придёт время отступить, отступите»); 刮毛龟背 (букв. «соскребать шерсть со спины черепахи»)

龟 – символ священного животного: чэньюй 龟龙鳞凤 (букв. «черепаха, дракон, единорог и феникс») традиционно символизирует четырех животных, представляющих долголетие, благородство и удачу. Выражение используется для описания выдающейся личности, занимающей высокое положение и чья добродетель известна во всем мире. Эта идиома происходит из «Биографии Чжай Фанцзиня» в «Книге Хань» Бан Гу из династии Восточная Хань.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами 麟凤龟龙 (букв. «цилинь, феникс, черепаха и дракон»), 龙麟凤龟 (букв. «черепаха-феникс с драконьей чешуей»), 龙鳞凤羽 (букв. «чешуя дракона и перья феникса») [БКРС].

«龟负图自河而出也。是龟、龙、鳞、凤四灵, 龟居其一, 托梦于元王, 何其贤也; 不避豫且之网, 何其愚也。生既不能全身避害, 死亦安能灼骨而知吉凶?» [中华传世绝学, 2002] («Из реки появилась черепаха, несущая карту. Из четырех благоприятных существ – черепахи, дракона, единорога и феникса – черепаха явилась во сне царю Юаню; как она мудра! И все же она не избежала сети Юйце;

как глупа! Если даже при жизни нельзя избежать опасности, как можно узнать, что принесет удачу, а что нет, сжигая кости после смерти?» [Китайские боевые искусства передавались из поколения в поколение, 2002]).

«龜龍鱗鳳一時現瑞賢愚貴賤其慶嘉辰惡如仰視堯齡一句作麼生道蕎監莊杖日蟠桃今日花初放泰岳松生萬歲枝示眾今朝四月一處處花狼藉紫燕語梁嬌黃鶯歌柳碧薰風自南來兩會得消息且道是甚麼消息畫長人倦時忽被嶋蚤咬背手摸得著開手不見了佛誕日上堂今朝四月八我佛» [禪宗全書: 語錄部 (45 v.) – v. 81–83. 清規部 (3 v.), 2004] («Черепаша, дракон, единорог и феникс появляются одновременно, повсюду царят благоприятные предзнаменования. Мудрые и глупые, благородные и смиренные празднуют этот знаменательный день. Как можно смотреть на покойного Яо? Посох поместья Цяоцзянь возвышается. Персиковые деревья только начинают распускаться. Сосны на горе Тай несут ветви, возвещающие о десяти тысячах лет. Сегодня, в апреле, повсюду беспорядочно цветут цветы. Ласточки щебечут, иволги поют, ивы колышутся, и с юга дует легкий ветерок. Приходят новости с Двух Сессий. Что это за новости? Когда картина становится длинной, и человек устает, вдруг блоха кусает тыльную сторону ладони. Ласточку можно почувствовать, но, когда она открывается, она исчезает» [Полное собрание сочинений дзэн-буддизма: Записи изречений. Правила поведения, 2004]).

Рисунок 158 – Частотность функционирования чэньтуй 龟龙鳞凤 (букв. «черепаша, дракон, единорог и феникс») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 龟龙鳞凤 (букв. «черепаха, дракон, единорог и феникс») зафиксирован в 1976 г.

龟 – символ долголетия: чэньюй 龟年鹤寿 (букв. «долголетие, как у черепахи и журавля») представляет метафору долгой жизни или поздравление с днем рождения.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами 松鹤延年 (букв. «сосна и журавль продлевают годы»), 寿比南山 (букв. «долголетие подобно горам Наньшань»), 万寿无疆 (букв. «десять тысяч лет жизни без границ») [Энциклопедия Байду].

«龟年鹤寿»、*“龟鹤齐龄”* 成了古代常用的祝颂语, 而人们命名取字也多喜用“龟”, 杜甫诗《江南逢李龟年》: “正是江南好风景, 落花时节又逢君» [文史知识, 2008] («Фразы “Пусть ты проживешь долго, как черепаха и журавль” ... стала распространенным благоприятным выражением в древности, и люди часто использовали слово “черепаха” в своих именах» [Знание литературы, 2008]).

«龟年鹤寿»、*“龟龙鳞凤”* 更是把“长寿”“美好”的象征明确的表达了出来。“龟”的名声变坏大约是明代以后的事, 常用来比喻“有外遇者的丈夫”, 于是, 骂人“乌龟”、“王八”或“龟儿子”、“龟孙子”等, 便都是极大的侮辱» [词汇的文化蕴涵, 2005] («Фразы “Пусть проживёте долго, как черепаха и журавль” и “Черепаха, дракон, единорог и феникс” явно выражают символы долголетия и удачи. Репутация черепахи запятналась примерно во времена династии Мин, её часто использовали для описания мужа, изменяющего жене. Поэтому называть кого-либо черепахой, бастардом, сыном-черепахой или внуком-черепахой было крайне оскорбительно» [Культурные коннотации лексики, 2005]).

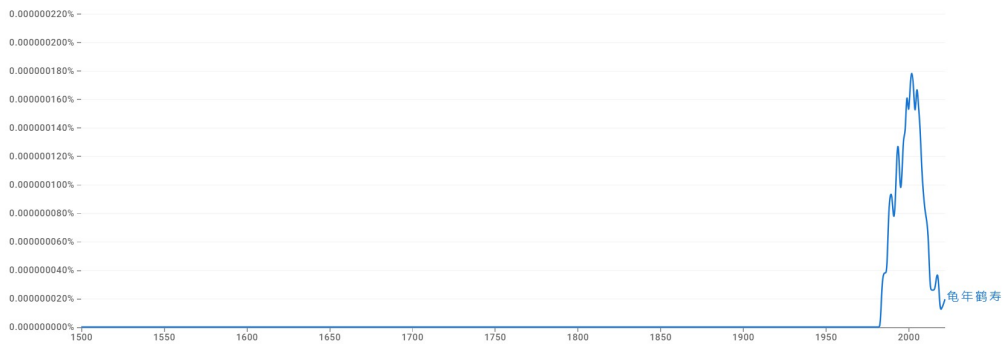

Рисунок 159 – Частотность функционирования чэньюй 龟年鹤寿

(букв. «долголетие, как у черепахи и журавля») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 龟年鹤寿 (букв. «долголетие, как у черепахи и журавля») зафиксирован в 1984 г.

龟 – символ отступления или укрытия: пословица 得缩头时且缩头 (букв. «когда придёт время отступить, отступите») описывает необходимость отступить или спрятаться, когда это необходимо.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 明哲保身 (букв. «проявить мудрость и обезопасить себя») [Энциклопедия Байду].

«得缩头时且缩头。” 孙大圣跳在空中,纵筋斗云,径往直南上去,果然速快。他点头径过三千里,扭腰八百有余程。须臾,见一座高山,半中间有祥云出现,瑞霭纷纷,山凹里果有一座禅院,只听得钟磬悠扬,又见那香烟缥缈» [吴承恩. 西游记 (果麦经典), 2021] («Когда приходит время отступить, отступите. Сунь Укун взмыл в воздух, сделал сальто на облаке и стремительно направился прямо на юг. Он преодолел три тысячи ли в мгновение ока и более восьмисот ли, повернувшись спиной. Вскоре он увидел высокую гору, на середине которой виднелись благоприятные облака, а вокруг клубился туман. В долине внутри горы находился дзенский храм, где звучали мелодичные звуки колоколов и курантов, а дым благовоний поднимался вверх» [У Чэньэнь. Путешествие на Запад (Классика Гомай), 2021]).

«得缩头时且缩头。地宅方圆人不在，儿孙长大我难留。皇天老早安排定，不用成忧不用愁。这是唐伯虎受徐经(徐霞客的曾祖父)会试作弊案的牵累，在大牢里被关了一年多，后来虽侥幸保住了性命，却断了前程，只能回乡以卖字作画为生，饱尝世间冷暖，作此诗聊以自慰» [蒋子龙. 一瞬集, 2008] («Когда приходит время отступить, отступи. Земли и дома больше нет, людей больше нет, дети и внуки выросли, и я больше не могу их содержать. Небеса давно всё уладили, нет нужды беспокоиться или скорбеть. Это стихотворение было написано Тан Боху после того, как его заметили в скандале с мошенничеством Сюй Цзина (прадеда Сюй Сяке) на императорских экзаменах» [Подборка моментов, 2008]).

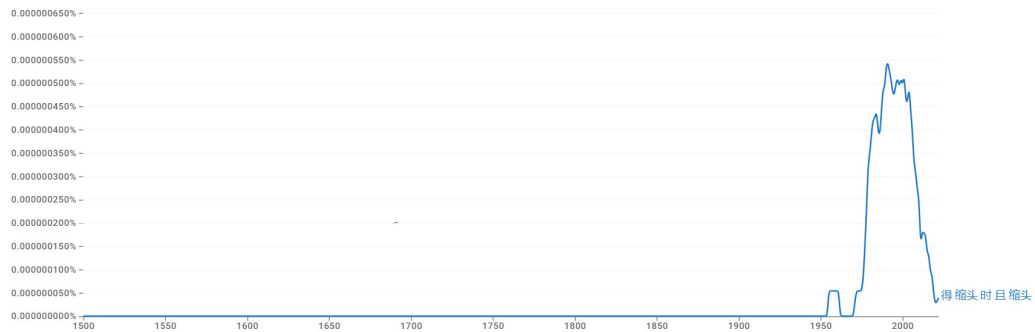

Рисунок 160 – Частотность функционирования чэньюй 得缩头时且缩头 (букв. «когда придёт время отступить, отступите»)

в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV данный чэньюй зафиксирован в 1955 г.

龟 – символ трудностей: чэньюй 刮毛龟背 (букв. «соскрести шерсть со спины черепахи») – это метафорическая невозможность достижения чего-либо чрезвычайно сложного.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 龟毛兔角 (букв. «шерсть на панцире черепахи и рога кролика») [Энциклопедия Байду].

«所分者坐贾之余, 如刮毛龟背, 虽得不多。虽有积货如阜, 日赢千金, 犹为西商役也, 至劝商之要, 更有三端: 一曰译商律。商非公司不巨, 公司非有商律不多。

华商集股, 设有欺骗, 有司罕为究追, 故集股难。西国商律精密, 官、民共守, 故集股易» [张之洞绝学: 近代官场奥秘集成, 2001] («Те, кто наживается на сидячей торговле, подобны черепахе, которая соскребает шерсть на спине, получая малую выгоду. Даже обладая огромной империей товаров и ежедневной прибылью в тысячу золотых монет, они все еще остаются рабами западных купцов. Что касается стимулирования торговли, то здесь есть три ключевых момента: во-первых, понимание коммерческого права. Бизнес не может быть крупным без компании, а компания не может быть крупной без коммерческого права. Китайские купцы, привлекающие акции, даже если они занимаются обманом, редко подвергаются расследованиям со стороны властей, что затрудняет владение акциями. Западное коммерческое право точно, и чиновники и граждане совместно его соблюдают, что упрощает владение акциями. Во-вторых, самоуправление» [Тайные учения Чжан Чжидуна: Сборник тайн современной чиновничьей власти, 2001]).

«刮毛龟背终不成毡者也。若欲行之, 则盍反其本矣。以上所论, 实为节省政费问题最重要之原则。苟非遵守之, 则未有能达节省之目的者也。虽然, 此谭何容易者! 苟欲行之, 则第一须有总揽京外统筹全局极强有力之一机关; 第二当此机关之人, 须有财政上、政治上圆满之学识经验» [梁启超全集, 1999] («Соскребать шерсть со спины черепахи никогда не получится. Если вы хотите двигаться дальше, вы должны вернуться к основополагающему принципу. Вышеизложенное обсуждение представляет собой важнейший принцип в вопросе экономии государственных расходов» [Полное собрание сочинений Лян Цичао: Синь Чжунго Цзянь шэ Вэнь ти, 1999]).

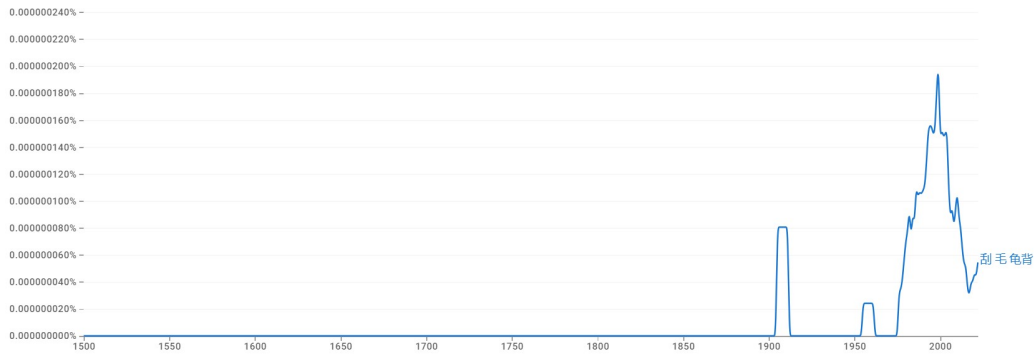

Рисунок 161 – Частотность функционирования чэньюй 刮毛龟背 (букв. «соскрести шерсть со спины черепахи») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 刮毛龟背 (букв. «соскрести шерсть со спины черепахи») зафиксирован в 1905 г.

Таким образом, *черепаха* в китайской лингвокультуре обладает богатым символическим значением, отражающим ее значительную роль как знака мудрости, долголетия и силы. Как священное животное, *черепаха* ассоциируется с вечностью, духовной стабильностью, что проявляется в использовании ее образа в культурных контекстах, а также в символизме долголетия и благородства через идиомы. *Черепаха* символизирует гармонию и уравновешенность, что находит отражение в философских учениях. Все это делает образ *черепахи* неотъемлемой частью культа, мифологии и языка, подчеркивая ее глубокое культурное значение в формировании представлений о времени, судьбе и духовных ценностях.

3.9. Компонент-зооним 凤 (феникс)

В китайских словарях иероглиф 凤 используется как общее обозначение для *феникса*. Так, иероглифом 凤 обозначаются: 1) *феникс* (самец; царственная птица, появление которой предвещает появление на земле совершенно мудрого человека); 2) император; императорский, дворцовый; 3) *феникс* (как символ императрицы); императрица; влиятельная дама; супруга, жена; невеста; дамский, женский, изящный, грациозный, прекрасный (см. [БКРС]).

Таблица 20 – Китайские чэньюй с компонентом-зоонимом 凤

№	Источник	Чэньюй
1	Китайско-русский фразеологический словарь О. М. Готлиба, М. Хуаина	彩凤随鸦 (букв. «прекрасный феникс следует за вороной»); 攀龙附凤 (букв. «держаться за дракона и следовать за фениксом»); 炮凤烹龙 (букв. «жареный феникс и тушеный дракон»); 凤凰来 (букв. «пара фениксов принесла подарок»); 凤凰于飞 (букв. «пара фениксов отправилась в полет»); 凤凰在笯 (букв. «пара фениксов, запертых в клетке»); 凤鸣朝阳 (букв. «феникс поет навстречу утреннему солнцу»); 腾蛟起凤 (букв. «возносящийся дракон, взлетающий феникс»)
2	Словарь идиоматических выражений Ю. Ши	百鸟朝凤 (букв. «сто птиц отдают дань уважения фениксу <императору>»); 凤毛麟角 (букв. «перо феникса и рог единорога»); 凤凰来仪 (букв. «прибытие феникса»)

凤 – символ императора: чэньюй **百鸟朝凤** имеет следующий буквальный перевод: «сто птиц отдают дань уважения фениксу <императору>».

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 众星捧月 (букв. «множество звёзд окружают и поддерживают луну») [Энциклопедия Байду].

«百鸟朝凤、玉锦品的凤厅, 负责此次御锦赛的吴总几锦绣名仔细看一幅作作品是见的精品。对于后选的三幅作品, 大观得格认。在众人中, 三幅儿都活灵活现, 都一幕或赞美的目光在上美不的金凤凰, 一只鸟各的上百只鸟儿, 那些鸟儿或欲飞, 或头, 或首全露的» [阙上心头, 2015] («В Зале Феникса, украшенном сотней птиц, отдающих дань уважения фениксу и нефритовой парче, господин Ву, глава Императорского конкурса парчи, внимательно осмотрел одну из работ, признав её шедевром. Он также высоко оценил три отобранные работы. В толпе все три

были реалистичны, привлекая восхищенные и хвалебные взгляды. Феникс, наряду с сотнями других птиц, казалось, был готов взлететь, с высоко поднятыми головами, их силуэты сияли радугами» [Размышления о дворцовых воротах, 2015]).

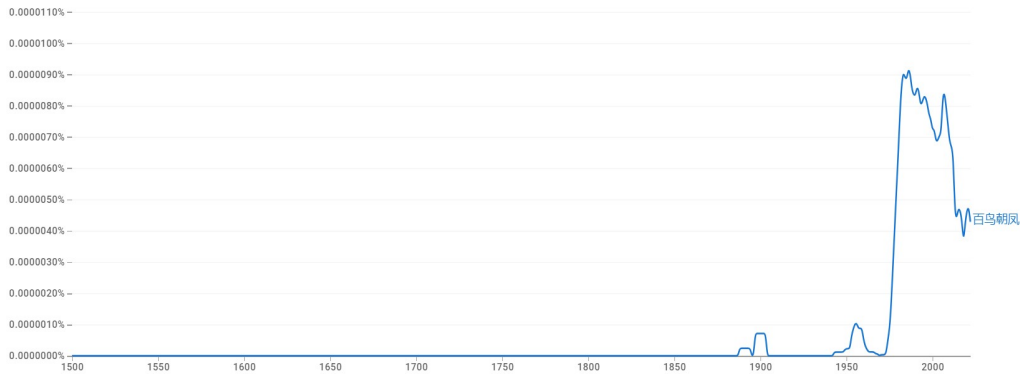

Рисунок 162 – Частотность функционирования чэньюй **百鸟朝凤**
(букв. «сто птиц отдают дань уважения фениксу <императору>»)
в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй **百鸟朝凤** (букв. «сто птиц отдают дань уважения фениксу <императору>») зафиксирован в 1889 г.

凤 – символ исключительности: чэньюй **凤毛麟角** (букв. «перо феникса и рог единорога») используется для описания людей или вещей, которые являются ценными и редкими. Согласно легенде, Ван Цзинлунь служил придворным слугой. Когда он вошел через главные ворота в своих официальных одеждах, герцог Хуань сказал про него: «Этот великий слуга, несомненно, похож на перо феникса» (Лю Ицин, «Новый рассказ о мире», династия Южная Сун). Позднее из этого предложения вывели фразу про перо феникса, а из предисловия к «Биографиям литературных деятелей» в «Истории Северных династий» – про рог единорога. В дальнейшем фразы объединились, образовав единую идиому.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами **寥寥无几** (букв. «очень мало, считанные единицы»), **屈指可数** (букв. «можно пересчитать по пальцам»), **寥若晨星** (букв. «редкие, как утренние

звезды)), 百里挑一 (букв. «один на сотню, отборный, исключительный»), 吉光片羽 (букв. «перо и шерстинка чудесного зверя») [Энциклопедия Байду].

«但是, “凤毛麟角” 也意味着有机会拿到资助, 甚至是全额资助。此时, 你有三条途径可循, 其中前两条即前面介绍的大学途径和大学外途径, 第三条其实也是大学途径, 不过要用点“孙子兵法”» [姚鴻恩著. 沒有錢照樣留學美國, 2018] («Однако чрезвычайно редко также означает, что есть шанс получить финансирование, даже полное. На данном этапе у вас есть три пути на выбор. Первые два – это университетский путь и упомянутый ранее внешний путь. Третий – это тоже университетский путь, но он требует некоторого знания “Искусства войны”» [Яо Хонгэнь. Учиться в США без денег, 2018]).

«凤毛麟角。为了帮助广大的编程人员系统地学习这门开发语言, 笔者编写了本书。本书从 Kotlin 语言的基础语法讲起, 逐步介绍了 Kotlin 的扩展函数、一等函数支持、Lambda 表达式、强大的 DSL 支持、运算符重载与约定、无编程、注解与反射等特性, 并配合项目» [陈光金编著. Kotlin 从入门到进阶实战, 2018] («Книга редкая как перо феникса и рог единорога. Чтобы помочь программистам систематически изучать этот язык программирования, я написал эту книгу. Начиная с базового синтаксиса языка Kotlin, книга постепенно знакомит с функциями расширения Kotlin, поддержкой функций первого класса, лямбда-выражениями, мощной поддержкой DSL, перегрузкой операторов и соглашениями, отсутствием программирования, аннотациями и рефлексией, а также другими особенностями Kotlin, и иллюстрирована примерами проектов» [Под редакцией Чэнь Гуанцзиня. Kotlin: от начального уровня до продвинутых практических приложений, 2018]).

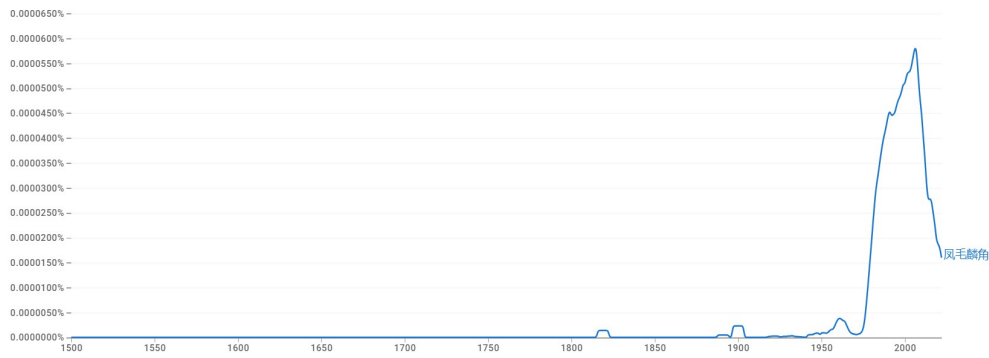

Рисунок 163 – Частотность функционирования чэньюй 凤毛麟角

(букв. «перо феникса и рог единорога») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 凤毛麟角 (букв. «перо феникса и рог единорога») зафиксирован в 1816 г.

凤 – символ счастья: чэньюй 凤凰来仪 (букв. «прибытие феникса») означает, что феникс прилетает и грациозно танцует, демонстрируя необыкновенный вид. Древние считали это благоприятным предзнаменованием и часто использовали в словах благословения. В идиоме используется благоприятный образ феникса, символизирующий мир и процветание. Она часто используется для описания мирной и прекрасной сцены.

Идиома происходит от фразы «Музыка Сяо Шао исполняется девять раз и феникс приходит воздать почести» из «Книги документов» (Ицзи). Позже она использовалась в таких документах, как «Записи великого историка», «Роман о трех царствах» и «Роман о западной палате». Вариант фразы феникс приходит воздать почести можно найти в классических текстах от династии Хань до династий Мин и Цин.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 鸾来仪 (букв. «прибытие птицы луань») [Энциклопедия Байду].

«凤凰来仪。”三代以后无传焉,惟汉宣帝时尝见,史不载其形状如何。真宗景德元年五月七日午时,白州有凤凰三,自南入城,众禽围绕,至万岁寺前,栖高木上,身如龙,长九尺,高五尺,其文五色,冠如金盞,至申时飞向北去,遂不复见。州画图来上»

[(宋) 王栐, 张邦基. 燕翼诒谋录 . 墨庄漫录, 2012] (*«Произошло прибытие феникса. После Трёх династий о них больше ничего не было слышно, за исключением одного случая во время правления императора Сюаня Ханьского, хотя исторические записи не описывают их появление. В седьмой день пятого месяца первого года правления императора Чжэньцзуна (Цзиньдэ) в полдень в Байчжоу появились три феникса, вошедшие в город с юга в окружении других птиц. Они достигли храма Ваньсуй и сели на высокое дерево. Их тела были похожи на драконов, девять футов в длину и пять футов в высоту, с пятицветным оперением и короной, похожей на золотую чашу. Около 3 часов дня они улетели на север и больше их никто не видел. Из префектуры была прислана картина»* [(Династия Сун) Ван Юн, Чжан Банцзи, 2012]).

«凤凰来仪, 百兽», 可见原来也是中的原。吴季札在鲁国见《大》盛况, 叹为观止; 孔子也《大》为尽善尽美的乐节目, 他闻听《大》而“三月不知肉味”。汉百戏是我国杂技的源头吗谓百戏, 是指古代散乐杂技, 括扛、吞刀、爬杆、等。百戏作为一娱乐形式, 起源于原, 盛行于汉» [李光钦 林语涵 舒斯林 王毅等. 传承文库系列·经典珍藏本 (套装共 5 册) , 2012] (*«“Прибывает феникс и все звери приходят”, – указывает на то, что изначально это было место на Центральных равнинах. У Цичжэ, став свидетелем грандиозного зрелища “Да” в Лу, был совершенно поражен; Конфуций также считал “Да” совершенным и безупречным музыкальным представлением, настолько, что, услышав его, он “три месяца не ел мяса”. Является ли ханьский байси истоком китайской акробатики? Байси – это древние акробатические представления, включая переноску предметов, глотание ножей, лазание по шесту и т. д. Как форма развлечения, байси зародился на Центральных равнинах и процветал в эпоху династии Хань»* [Ли Гуанцин, Линь Юхань, Шу Силинь, Ван И и др. Серия «Наследие библиотеки»: Классическое коллекционное издание (комплект из 5 книг), 2012]).

Рисунок 164 – Частотность функционирования чэньюй 凤凰来仪 (букв. «прибытие феникса») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 凤凰来仪 (букв. «прибытие феникса») зафиксирован в 1897 г.

Образ *феникса* в китайской лингвокультуре занимает особое место как символ высших добродетелей, гармонии, благополучия. Как мифологическая птица, *феникс* олицетворяет царственность, исключительность, духовное совершенство. Его ассоциация с императорской властью подчеркивает его роль как олицетворения императорской легитимности. *Феникс* также символизирует гармонию между небом и землей, ведь его появление связано с наступлением эпохи мира и процветания. В культурной традиции фигура *феникса* служила эмблемой высоких идеалов, чистоты, добродетели и грации, что проявляется в использовании его образа в поэзии, живописи и ритуалах. Благодаря своим многочисленным метафорическим образам – как символа редкости и исключительности, так и символа счастья и благополучия, *феникс* занимает важное место в системе культурных ценностей и представлении об идеальном обществе. Феникс выступает не только как мифологическая птица, но и как символ высшей духовной гармонии, благословения и вечности.

3.10. Компонент-зооним 鱼 (рыба)

В китайских словарях иероглиф 鱼 используется как общее обозначение для *рыб*. Так, данным иероглифом обозначаются: 1) *рыба* (также родовая морфема в

названиях *рыб* и водяных животных, употребляемых в пищу; *рыбий*; *рыбный*; *рыбовидный*; *по-рыбы*, как *рыба*; 2) кожа *рыбы* или морского животного (*морской свиньи*) для поделок; 3) лошадь *рыбоокая*; 4) украшение, подвеска в форме рыбы. Также иероглифом обозначаются местоимения *я*, *мой* и глагол *ловить рыбу* [БКРС].

Таблица 21 – Китайские чэньюй с компонентом-зоонимом

№	Источник	Чэньюй
1	Китайско-русский фразеологический словарь О. М. Готлиба, М. Хуаина	鼎鱼幕燕 (букв. «как рыба в котле, как ласточка в клетке»); 登木求鱼 (букв. «залезть на дерево и искать рыбу»); 得鱼忘筌 (букв. «поймав рыбу, забыть о верше»); 虫鱼之学 (букв. «учение о насекомых и рыбах»); 池鱼之殃 (букв. «беда рыб в пруду»); 池鱼笼鸟 (букв. «рыба в садке, птица в клетке»); 沉鱼落雁 (букв. «рыба погрузилась в глубь, гусь опустил на землю»); 鲍鱼之肆 (букв. «лавка по продаже соленой рыбы (абалона)»); 白龙鱼服 (букв. «белый дракон в рыбьей чешуе»); 指天射鱼 (букв. «глядя в небо, стрелять рыбу»); 甑尘釜鱼 (букв. «в горшке – пыль, а в котле – рыба»); 缘木求鱼 (букв. «лезть на дерево, чтобы поймать рыбу»); 鸢飞鱼跃 (букв. «коршун летает, а рыба ныряет»); 鱼网鸿离 (букв. «в рыболовные сети лебеди попадают»); 鱼目混珠 (букв. «рыбий глаз путать с жемчужиной»); 鱼米之乡 (букв. «места, где (выращивают) рыбу и рис»); 鱼龙混杂 (букв. «рыбы и драконы вместе смешались»); 鱼贯而入 (букв. «входить чередой, как рыбы»); 鱼传尺素 (букв. «рыбой доставлять письмо»)

№	Источник	Чэньюй
2	Словарь идиоматических выражений Ю. Ши	如鱼得水 (букв. «как рыба в воде»); 三天打鱼, 两天晒网 (букв. «три дня рыбалки, два дня сушки сетей»); 浑水摸鱼 (букв. «ловить рыбу в мутной воде»)

鱼 – символ уверенности в обстановке, комфорта: чэньюй **如鱼得水** (букв. «как рыба в воде») является метафорой крайнего удовольствия, комфорта и гармонии в каком-либо деле или ситуации. Обычно его используют, чтобы описать человека, который чувствует себя абсолютно комфортно, свободно и уверенно в определенной области, окружении или среди знакомых. Это выражение подчеркивает ощущение полного соответствия, естественности и блаженства, когда все складывается идеально и ничего не мешает достижению целей или наслаждению жизнью.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей **左右逢源** (букв. «слева и справа встречать истоки») [Энциклопедия Байду].

«如鱼得水, 是不是这样了那里知道了。」他们一同上达, 然而愈近圣域, 他的体应愈大, 他皱起了眉道: 「我现在体有许多不, 斥感十分大。」前圣后道: 「你还可承受得住吗? 我们还得继续往上走。」君道: 「应该还可, 再试往上走看看。若是我受不了, 我也办走!」 [彌勒皇道行二十四部曲 先知天行(簡體字版), 2022] («“Как рыба в воде, кто знает, может, так оно и есть”. Однако, чем ближе они подходили к святилищу, тем сильнее менялось его тело, и он, нахмурившись, произнес: “Мне очень некомфортно, отвращение огромно”. Бывший святой спросил: “Ты всё ещё можешь это выдержать? Мы должны продолжать подниматься”. Король ответил: “Должен выдержать. Давай попробуем подняться ещё выше. Если я не выдержу, я тоже уйду!”» [Путь Майтрейи к

бессмертию: серия из двадцати четырех частей. Путешествие Пророка (упрощенная китайская версия), 2022]).

«如鱼得水,很快加入这支队伍并学到了民主精神和风度——尽管这种精神与风度有时不免强装或假扮,但由一个长期处于呆板、麻木、拘谨甚至冷酷状态的民族看来,还是感到异样的温暖和舒适。曹氏本人懂英文、法文、日文、德文和法律,尤其国际法乃其强项,加之曹一到» [大学与大师: 清华大学校长梅贻琦传, 2017] («Как рыба в воде, он быстро влился в команду и освоил дух и манеры демократии – хотя этот дух и манеры порой казались натянутыми или притворными, они все же ощущались странно теплыми и комфортными для людей, давно привыкших к жесткости, оцепенению, сдержанности и даже холоду. Сам Цао свободно владел английским, французским, японским, немецким языками, а также правом, особенно международным правом, которое было его сильной стороной» [Университеты и магистратура: Биография Мэй Ици, президента университета Цинхуа, 2017]).

Рисунок 165 – Частотность функционирования чэньюй 如鱼得水

(букв. «как рыба в воде») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 如鱼得水 (букв. «как рыба в воде») зафиксирован в 1641 г.

鱼 – символ недостатка настойчивости: чэньюй 三天打鱼,两天晒网 (букв. «три дня рыбалки, два дня сушки сетей») описывает недостаток

настойчивости в учебе или работе, характеризующийся частыми перерывами и неспособностью поддерживать постоянные усилия.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичной единицей 一曝十寒 (букв. «один день греть на солнце, десять дней держать на холоде») [Энциклопедия Байду].

«三天打鱼, 两天晒网”。可见, 生长在吉布提沿海的鱼是幸福的, 基本不用担心生命安全问题。由于天气实在太热, 吉布提民众在浑浊的河水里降温生长在咱们沿海的鱼就没有这般自在了, 渔民们勤劳勇敢, 开着大渔船, 拖着比天网还要“疏而不漏”的大渔网» [金毅. 非舟——“和平方舟”号医院船援非纪实, 2021] («“Три дня рыбалки, два дня сушки сетей”. Это показывает, как повезло рыбам, живущим вдоль побережья Джибути, которые практически не беспокоятся о своей жизни. Из-за сильной жары жители Джибути охлаждаются в мутных речных водах. Рыбы же вдоль нашего побережья не так беззаботны» [Цзинь И. Ковчег мира: Хроника помощи Африке со стороны госпитального судна, 2021]).

«三天打鱼两天晒网” 等在习惯培养中都是不可取的。习惯培养是一个持之以恒的过程。如果不坚持, 今天训练, 明天放假, 行为就难以变成自动化的习惯。培养习惯是个长期工程, 一个好习惯的养成, 往往需要漫长的时间» [林格. 决定孩子命运的 12 个习惯 (第 2 版), 2020] («Подход “три дня рыбалки, два дня сушки сетей” неприемлем в формировании привычек. Формирование привычек – это устойчивый процесс. Если не проявлять настойчивость, тренируясь сегодня и делая перерыв завтра, поведение вряд ли станет автоматической привычкой. Выработка привычки – это долгосрочный проект; формирование хорошей привычки часто занимает много времени» [Линь Гэ. 12 привычек, определяющих судьбу ребенка (2-е издание), 2020]).

Рисунок 166 – Частотность функционирования чэньюй 三天打鱼, 两天晒网 (букв. «три дня рыбалки, два дня сушки сетей») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 三天打鱼, 两天晒网 (букв. «три дня рыбалки, два дня сушки сетей») зафиксирован в 1897 г.

鱼 – символ выгоды: чэньюй 浑水摸鱼 (букв. «ловить рыбу в мутной воде») символизирует создание хаоса с целью получения выгоды. Изначально выражение описывало метод, когда в мутной воде взбалтывали воду, чтобы оглушить рыбу и легко поймать ее. В современном понимании оно означает искусственное вмешательство в ситуацию, чтобы сбить с толку противника или конкурента и извлечь из этого выгоду.

Примером применения этого принципа является ситуация эпохи Кайюань династии Тан, когда кидани неоднократно нападали на двор Тан. Военный губернатор Ючжоу, Чжан Шоугуй, должен был бороться с этими вторжениями. Генерал Кэтуган, лидирующий киданский командир, неоднократно пытался захватить Ючжоу, но безуспешно. Тогда он решил заключить мир с Тан, чтобы отвлечь внимание. Чжан Шоугуй, поняв его намерения, решил воспользоваться ситуацией: он послал подданного Ван Хуэя с императорским приказом, чтобы выяснить, что кидани действительно планируют. В процессе он узнал, что отношения внутри лагеря Кэтуганя были напряжёнными, и что один из командующих, генерал Ли Гочжэ, был против этих вторжений. Ван Хуэй

договорился с Ли Гочжэ, пообещав ему награду за верность династии Тан. В результате Ли Гочжэ внезапно атаковал лагерь Кэтуганя и убил его, а сам Кэтуган был разгромлен. Внутри лагеря киданей возник хаос, который Чжан Шоугуй быстро использовал, чтобы восстановить контроль и установить мир на границе.

Этот пример показывает, что в бою важно уметь использовать слабости противника и создавать ситуации, при которых он теряет устойчивость. В мутной воде рыба не различает направления, а в сложных конфликтах слабая сторона часто колеблется, поэтому лучший способ дезориентировать противника – это проникнуть в его лагерь и посеять там смуту. Иногда такую возможность нужно создавать самостоятельно, чтобы воспользоваться ее эффектом. В деловых переговорах похожий принцип означает запутать оппонента, усложнить переговорный процесс и, воспользовавшись его слабым психологическим состоянием, добиться нужного результата для себя.

Данная семантика в китайском языке представлена синонимичными единицами *趁火打劫* (букв. «грабить во время пожара»), *乘人之危* (букв. «пользоваться опасным / тяжелым положением человека»), *乘虚而入* (букв. «проникать через брешь / вторгаться в незащищенное место») [Энциклопедия Байду].

«”说到“浑水摸鱼”这四个字, 阿南猛地一凜。难道.....她似乎明白了什么。

严钰城府颇深, 并非争无谓高低之人。她想催产的原因, 绝不是因为她想与孔灵雁抢个齿序先后, 而是因为, 她想跟孔灵雁同时生孩子! 浑水摸鱼, 此其时也。 “告诉孔良, 这几日盯紧雁鸣» [夜来南风起, 2021] («Услышав слова “ловить рыбу в мутной воде”, Анан внезапно напряглась. Неужели...? Кажется, она что-то поняла. Янь Юй была весьма проницательна и не из тех, кто борется за пустяки. Причина, по которой она хотела вызвать роды, заключалась не в желании посоперничать с Конг Линъянь за порядок рождения ребенка, а в желании родить одновременно с

Конг Линъянь! Рыбалка в беспокойных водах – сейчас самое время. “Скажи Конг Ляну, чтобы он внимательно следил за Яньмин в ближайшие несколько дней...”» [Ночью поднимается южный ветер, 2021]).

«浑水摸鱼机, 不如维现状更妥当。 “什么浑水摸鱼, 我看如有人浑水摸鱼啰!”

梁阿老汉大道。做贼心虚的梁茂跳起来: “阿你给我说清楚, 谁浑水摸鱼啦?!” 阿顺笑道: “仔还要肠来么, 这两年你尝的账目要是清白的话, 我从此走路!” 梁茂说: “阿顺, 你自己本事, 阿爷来的田地卖光» [石地, 2017] («Лучшие сохранять статус-кво, чем пытаться извлечь выгоду из ситуации. “Что ты имеешь в виду – извлечь выгоду из ситуации? Мне кажется, кто-то пытается этим воспользоваться!” – громко сказал старик Лян. Лян Мао, чувствуя себя виноватым, вскочил: “Тебе лучше объяснить, кто этим пользуется?!”. А Шунь рассмеялся: “Сынок, ты всё ещё хочешь возразить? Если твои счета за последние два года чисты, я уйду из этого мира!” Лян Мао сказал: “А Шунь, ты достаточно состоятелен, чтобы продать всю землю, которую приобрёл твой дед”» [Каменная земля, 2017]).

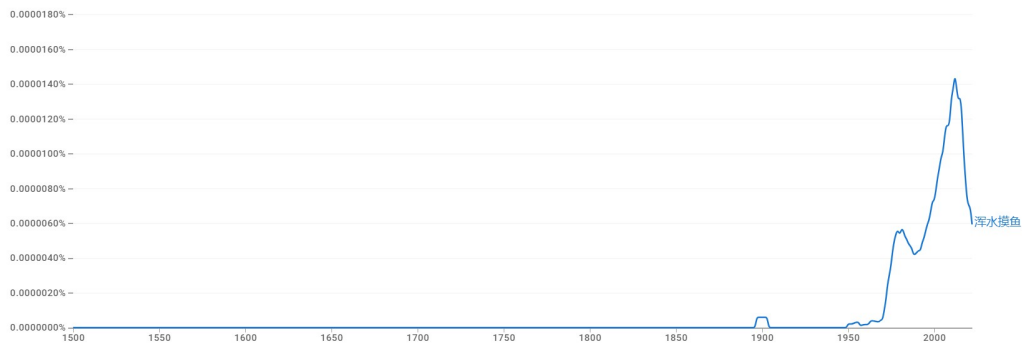

Рисунок 167 – Частотность функционирования чэньюй 浑水摸鱼

(букв. «ловить рыбу в мутной воде») в китайском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе GBNV чэньюй 浑水摸鱼 (букв. «ловить рыбу в мутной воде») зафиксирован в 1897 г.

Образ рыбы в китайской лингвокультуре глубоко укоренился и приобретает многообразные символические значения. Он ассоциируется с уверенностью, гармонией и естественным состоянием человека, который чувствует себя как рыба

в воде – полностью комфортно и свободно. Это выражение подчеркивает внутреннюю гармонию и способность адаптироваться к окружающей среде без усилий. *Рыба* также символизирует выгоду, что проявляется в различных пословицах и идиомах, описывающих успех. В то же время, *рыба* может служить символом недостаточной настойчивости и постоянства, что отражено в поговорке о перерывах в работе и учебе, указывая на недостаток терпения.

Благодаря множеству значений, связанных с природой, успехом и слабостями, *рыба* в китайской культуре становится универсальным анималистическим образом, который используется для передачи сложных аспектов жизни, человеческого характера и стратегий взаимодействия в обществе.

3.11. Сопоставительный аспект актуализации анималистического кода в русской и китайской лингвокультурах

В сопоставительном анализе актуализации анималистического кода исследуемых языков выделяются две модели освоения анималистической лексики: аналитическая, «оценочно-дифференцирующая» (свойственная русскому языку), и синтетическая, «культурно-интегрирующая» (доминирующая в китайском языке).

Русская традиция актуализации анималистических образов отличается выраженным аналитизмом, что способствует формированию сложной системы ассоциативных смыслов и расширяет экспрессивный потенциал зоонимов в разнообразных дискурсивных пространствах. Подобная аналитическая направленность обуславливает возможность создания дополнительных смысловых слоев, а также усиливает метафоричность и символическую насыщенность фразеологических единиц с анималистическим компонентом.

Аналитизм, присущий русской лингвокультурной традиции, проявляется в ряде ключевых аспектов:

1. Разветвленная синонимия для обозначения животного (ср.: *лошадь – конь – кляча – кобыла – мерин – скакун* и др.), где каждый синоним несет специфическое оценочное или стилистическое значение.

2. Грамматический код функционирует как активный механизм смыслопорождения: суффиксы субъективной оценки (*-ик, -ок, -оньк, -ищ-*) и категории рода участвуют в создании коннотаций при номинации животных (ср.: *волк – волчище – волчонок; змея – змейка – змеюка*).

3. Оценочная дифференциация по оси «положительное – отрицательное» часто выводится из семантики самого слова или его словообразовательной структуры, а не только из контекста.

В таблице представлена модель аналитической модели в русской анималистике.

Таблица 22 – Модель аналитической модели в русской анималистике

Модель	Пример
Суффиксальная деривация	<i>лиса – лисонька</i> (ласка); <i>лисица</i> (нейтр.);
Родовая оппозиция	<i>кот – кошка</i> ;
Синонимический ряд	<i>пес – собака, шавка, дворняга, волкодав</i>
Фразеологическая активность	Зооним <i>волк</i> входит в языковую картину мира как яркий символ силы, опасности, голода, одиночества или большого жизненного опыта. Популярные примеры фразеологизмов: – <i>волк в овечьей шкуре</i> – лицемер, который скрывает злые намерения под маской добродетели; – <i>старый (или травленный) волк</i> – опытный, бывалый человек, которого трудно провести; – <i>морской волк</i> – бывалый, опытный моряк; – <i>смотреть волком</i> – глядеть угрюмо, недружелюбно, с неприязнью; – <i>хоть волком вой</i> (или <i>волком выть</i>) – состояние отчаяния, тоски или безысходности;

Модель	Пример
	– <i>и волки сыты, и овцы целы</i> – компромиссное решение, при котором соблюдены интересы обеих противоположных сторон; – <i>голодный как волк</i> – крайняя степень голода; – <i>тамбовский волк тебе товарищ</i> – отказ в дружбе.

В китайской языковой традиции анималистический код функционирует иначе. Его ключевые особенности:

1. Доминанта историко-литературного контекста: значение и оценка животного закрепляются через канонические тексты (чэньюй, образцы классической поэзии, философские трактаты). Подобная интерпретация определяет животное как носителя устойчивых культурных символов. Например, *龍 дракон* воспринимается не только как мифологическое существо, но и как сложный культурный образ, аккумулирующий идеи власти, императора, удачи. *Дракон* является символом доброго начала ян, символом китайской нации.

2. Синтетизм восприятия: анималистический образ осмысливается как интегрированный культурный гештальт. Отсутствует разложение на отдельные оценочные или эмоциональные признаки; оценочная составляющая изначально интегрирована в культурный образ и выражается посредством устоявшихся семантических связей и символики, а не формально-грамматических или словообразовательных средств.

3. Слабая грамматическая дифференциация: для китайского языка характерно отсутствие морфологической маркировки рода и субъективной оценки в отношении животных. Механизм смыслопорождения реализуется за счет синтагматических структур, межтекстовых связей и обращения к прецедентным текстам, а не путем внутренней морфологической трансформации слова, как это наблюдается в русском языке.

В таблице представлена модель синтетической модели в китайской анималистике.

Таблица 23 – Модель синтетической модели в китайской анималистике

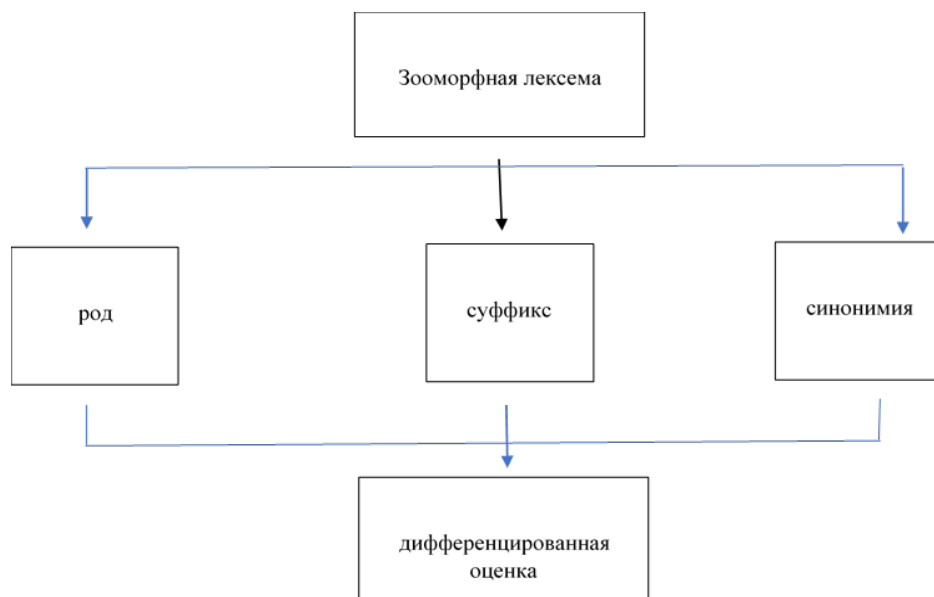
Модель	Пример
Чэньюй	<i>对牛弹琴</i> (букв. «играть на цитре перед коровой»)
Символический контекст	<i>鹤</i> журавль – долголетие, возвышенность (в контексте даосизма)
Отсутствие оценочной деривации	<i>虎</i> тигр не изменяется по родам или степеням качества
Прецедентные имена	<i>孙悟空</i> Сунь Укун (<i>Царь обезьян</i>) – мятежник

Таким образом, в русской лингвокультуре анималистический код структурируется на основе аналитического принципа, согласно которому порождение смыслов и оценочных характеристик осуществляется посредством сложного взаимодействия грамматических категорий, словообразовательных ресурсов и синонимических стратегий. Такой подход способствует формированию многослойных ассоциативных зон и обеспечивает гибкость семантического варьирования зоонимов в различных дискурсивных контекстах.

В отличие от этого китайская модель характеризуется синтетическим способом организации анималистических образов, где последние не подвергаются внутренней семантической дифференциации, а воспринимаются как неделимые культурные константы, актуализируемые преимущественно посредством историко-литературного контекста.

Данные различия представляют особую значимость для межкультурной коммуникации, переводоведческой практики, поскольку непосредственно определяют специфику формирования ассоциативных полей и влияют на прагматические особенности функционирования зооморфных номинаций в русском и китайском языках. Различия лингвокультур можно представить в виде Рис. 168.

Русская модель (аналитическая)

Китайская модель (синтетическая)

Рисунок 168 – Различия в анималистике

Не менее важным является вопрос рода. В русском языке грамматический род зоонима (*петух* (м. р.) – *курица* (ж. р.); *бык* (м. р.) – *корова* (ж. р.); *кот* (м. р.) – *кошка* (ж. р.)) не просто указывает на биологический пол животного, но и метафорически проецирует стереотипные маскулинные / фемининные качества на человека. Маскулинные коннотации, например, могут включать такие смыслы, как задиристость, драчливость, самодовольство (*ходить петухом*), силу, упорство, здоровье (*здоров как бык*), хищничество (*волчий аппетит*) и т. д. В

перечисленных случаях род усиливает семы «активность», «сила», «доминирование». Фемининные коннотации, напротив, могут подразумевать покорность (*покорная овечка*), скрытую угрозу (*змея подколотная*) и т. д. В данном случае род усиливает семы «пассивность», «хитрость», «иррациональность». Таким образом, категория рода становится механизмом гендерной метафоризации: она предопределяет, какие именно качества будут ассоциироваться с животным при переносе на человека.

В китайском языке, напротив, отсутствует грамматическая категория рода: зоонимы не имеют морфологических показателей рода, а различие по полу выражается аналитически – добавлением слов *самец / самка*. «В китайском языке существительные не различаются по родам, не изменяются по числам и падежам, следовательно, отсутствует склонение существительных» [Величко 2015: 9]. Подобное возникает в силу того, что китайский язык – это язык изолирующего типа, в котором иероглиф является структурной единицей письменности, логограммой. Иероглиф сам по себе не имеет морфологической характеристики, его морфологические признаки проявляются в речи, в контексте, во взаимодействии с другими иероглифами (см. [Кай 2009]). В чэньюй биологический пол редко релевантен – гендерные смыслы не кодируются грамматически, а вытекают из культурного контекста образа: «В китайском языке, в связи с отсутствием морфологической категоризации и противопоставлением “лиц” и “не-лиц”, под категорией рода понимается грамматическая классификация существительных, основанная на различиях в значении, в частности на различиях, связанных с полом референта» [Журавлева 2013: 47]. При переводе возникают закономерные трудности: наблюдается потеря гендерного оттенка, часто происходит замена образа (для передачи гендерного смысла переводчик вынужден использовать другой зооним или описательную конструкцию).

Таким образом, сопоставление русской и китайской лингвокультур показывает два различных способа концептуализации гендера в языке. Русский

как флективный язык принудительно распространяет грамматический род на все зоонимы, и эта сетка значений автоматически наделяет фразеологизмы гендерной семантикой. Китайский как изолирующий язык делает гендерные смыслы факультативными: они добавляются лексически, только если этого требует ситуация; во фразеологии животное выступает прежде всего как носитель деятельностных, а не гендерных характеристик. Родовая оппозиция в китайском языке вторична. Лакуна касается не просто отсутствия рода как морфологической категории, а отсутствия механизма автоматической гендерной интерпретации образности. Это делает китайскую лингвокультуру более нейтральной, но одновременно вынуждает извлекать смыслы из более широкого культурно-прагматического контекста.

В результате анализа представленных схем можно сделать вывод, что подавляющее большинство русских анималистических фразеологизмов фиксируется XIX в., а в последующее время, начиная с XX в., появление новых единиц данного типа практически не наблюдается. Обращаем внимание, что это данные корпусов. Выводы можно представить в виде таблицы (см. Табл. 24).

Таблица 24 – Периодизация появления фразеологизмов в русской лингвокультуре по данным НКРЯ и GBNV

Период	Процессы	Примеры
Начало XIX в. (1800–1830 гг.)	Первая масштабная волна формирования фразеологических единиц	куры не клюют (1824) как рыба об лёд (1847)
Середина XIX в. (1830–1860 гг.)	Пик появления	<i>мокрая курица</i> (1835) <i>делать из мухи слона</i> (1851)
Конец XIX в. – начало XX в. (1880–1920 гг.)	Устойчивое формирование	<i>тёмная лошадка</i> (1909) <i>ход конём</i> (1904)
Середина XX в. (1940–1960 гг.)	Новые фразеологические единицы не формируются, зато ранее возникшие	<i>как слон в посудной лавке</i> (1957)

Период	Процессы	Примеры
	продолжают активно функционировать	
Конец XX в.–XXI в.	Появление новых фразеологических единиц не наблюдается; изменяется частотность употребления	–

Анализ показал, что около 60 % анималистических фразеологических единиц русского языка восходят к источникам художественной литературы. Например, выражение «*мокрая курица*» встречается в произведениях А. П. Чехова. Приблизительно 25 % подобных оборотов происходят из народных пословиц и поговорок, позднее отраженных в лексикографических источниках (например, *курам на смех*; *старый конь борозды не портит*). Около 10 % фразеологизмов возникло в газетной и публицистической речи («*тёмная лошадка*» из спортивной журналистики, «*троянский конь*» из политических текстов). Оставшиеся 5 % заимствованы из религиозных и классических текстов («*елень на источники водные*» из Библии).

Таким образом, если в сфере литературного языка русские анималистические фразеологизмы во многом являются продуктом индивидуально-авторского творчества, приобретая книжный характер, то в общенародном языке (диалектах и разговорной речи) зоонимическая фразеология уходит корнями в архаический мифологический пласт и традиционный быт.

В результате анализа можно также сделать вывод, что подавляющее большинство китайских анималистических чэньюй сложилось в период от эпохи Сражающихся царств до династий Тан-Сун (VI в. до н. э. – XIII в. н. э.) (Табл. 25).

Таблица 25 – Периодизация появления чэньюй в китайской лингвокультуре по данным китайских корпусов

Период	Процессы	Примеры
До Цинь – Цинь-Хань (до III в. н. э.)	Незначительное появление первых чэньюй, которые впоследствии станут классическими и каноническими	指鹿为马 (букв. «назвать оленя лошастью»)
Цзинь – Южные и Северные династии (III–VI вв.)	Заметный рост количества чэньюй, источник возникновения – записки и повести	鹤立鸡群 (букв. «журавль среди кур»)
Тан – Сун (VII–XIII вв.)	Пик появления	闻鸡起舞 (букв. «встать с петухами»), 杀鸡取卵 (букв. «убить курицу ради яйца»)
Юань – Мин – Цин (XIII–XX вв.)	Создается мало новых фразеологических единиц, однако ранее возникшие продолжают активно функционировать	塞翁失马 (букв. «старик потерял лошадь»)
Современность (XX в. – наши дни)	Появление новых чэньюй не наблюдается	–

На основании проведенного анализа представляется возможным сделать вывод о жанровой частотности чэньюй: исторические хроники (~35 %); философские трактаты (например, «Чжуанцзы», «Хань Фэйцзы» и др.) (~25 %); записки и литературные заметки (~20 %); поэзия и художественная литература (~10 %); буддийские сутры и переводные тексты (~10 %).

Таким образом, китайские чэньюй с анималистическим компонентом в основном формировались в эпоху от Сражающихся царств до Тан-Сун (VI в. до н. э. – XIII в. н. э.). Их основными источниками послужили исторические хроники, философские трактаты и литературные заметки. В целом, данные выражения являются продуктом книжной, классической традиции.

Выводы по главе 3

В третьей главе диссертации рассмотрен анималистический код во фразеологическом пространстве китайского языка. В китайском языке в фразеологизмах с анималистическими компонентами значения животных часто завуалированы и имеют скрытые культурные коннотации. Одни и те же зоонимы могут приобретать различные символические значения в зависимости от контекста, как и в русском языке. Например, *курица* в китайской лингвокультуре символизирует бодрость и храбрость, а *дракон* – мощь, процветание и государственность. В китайской культуре многие животные, такие как *черепаха*, *феникс*, обладают сакральным смыслом, отражающим мифологию и мировоззрение.

В Табл. 26 представлена актуализация символов китайскими зоонимами.

Таблица 26 – Актуализация символов китайскими зоонимами

Зооним Символ	鸡 курица	鹿 олень	鹤 журавль	马 лошадь	龙 дракон	蚁 муравей	象 слон	龟 черепаха	凤 феникс	鱼 рыба
храбрость	+	–	–	+	–	–	–	–	–	–
трусость	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–
хитрость	+	–	–	+	–	–	–	–	–	–
недостижимость	+	–	–	+	–	–	–	–	+	–
жестокость	+	–	–	+	–	–	–	–	–	–
трудолюбие	+	–	–	+	–	–	–	–	–	–
любовь	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–
обман	+	+	–	+	–	–	–	–	–	–
тревога	–	–	+	+	–	+	–	–	–	–
свобода	–	–	+	+	–	–	–	–	–	–
власть	–	–	–	+	+	–	–	–	+	–
незначительность	+	–	–	+	–	+	–	–	–	–
необдуманность	+	–	–	+	–	–	+	–	–	–

Зооним Символ	鸡 курица	鹿 олень	鹤 журавль	马 лошадь	龙 дракон	蚁 муравей	象 слон	龟 черепаха	凤 феникс	鱼 рыба
масштабность	—	—	—	+	—	—	+	—	—	—
долголетие	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—
отступление	—	—	—	+	—	—	—	+	—	—
счастье	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—
уверенность	+	—	—	+	—	—	—	—	—	+
выгода	+	—	—	+	—	—	—	—	—	+

Курица в китайской символике олицетворяет представления о проституции, а также ассоциируется с мудростью, мастерством, выделением из общей массы, пробуждением, храбростью и возвышением. В то же время данный образ может символизировать жалкое положение, жадность, потрясение, мелочные поступки, пустяки, незначительную прибыль и потери, а также превосходство над другими людьми, узурпацию власти и скупость. Кроме того, *курица* ассоциируется со старостью, сединой и обветшалой кожей, символизирует наказание с целью поучения других, траур и двойственные потери. *Олень* в символическом аспекте обозначает политическую власть, а также выступает в роли символа обмана, любви и возбуждения. *Журавль* в символическом контексте олицетворяет тревогу и свободу. *Лошадь* в символическом аспекте представляет собой образ сдержанного обещания и лидерства, а также символизирует потерю, которая, вопреки ожиданиям, может стать скрытым благословением. Дополнительно, данный образ ассоциируется с физической усталостью, богатством и роскошью, а также с жизнью без рисков, трудным путем, отсутствием отличительных черт, окончанием войны, тоской, злодеями и презренными личностями. *Лошадь* олицетворяет демонстрацию силы, символ поиска неправильным методом или способом, неизбежно ведущего к безрезультатности, а также молчание и подсказки. В ряде контекстов она ассоциируется с посещением борделей,

усердным вкладом, нехваткой мудрости и знаний, опытом и опасностями. Образ *лошади* передает дух энергии, предприимчивости и внешнего вида человека, служит образцом для руководства, символизирует действия вслепую, величественную армию, утрату контроля, коллективное молчание, нереализуемые идеи, тревоги и обозначает нечто, называемое, но не обладающее сущностью.

Дракон в символическом аспекте выступает воплощением завершенности, выступает символом императорской власти и верховного правителя. *Муравей* выступает как образ незначительных поступков, ошибок и маленьких живых существ, а также ассоциируется с проявлениями тревоги и беспокойства. *Слон* в символическом плане олицетворяет необдуманность и ассоциируется с представлением о масштабности. *Черепаха* выступает как священное животное, олицетворяет долголетие, ассоциируется с отступлением или укрытием, а также может символизировать трудности. *Феникс* символизирует императора, является символом исключительности и счастья. *Рыба* олицетворяет уверенность в текущей ситуации и ощущение комфорта, а также является символом недостаточной настойчивости и выгоды.

Исследование анималистического кода в китайском языке выявило сложную и многослойную систему символов, в которой каждое животное обладает богатой совокупностью значений и коннотаций, тесно связанных с культурными, мифологическими и мировоззренческими аспектами китайской цивилизации. Многие анимализмы приобретали во фразеологическом пространстве особую символику, часто многогранную и контекстуально зависимую, что подчеркивает глубокую связь между языковым выражением и культурным пространством. В целом, анималистический код выступает важным элементом культуры, отражая как внутренние ценности и убеждения, так и социальные установки, что делает его ключевым компонентом китайской языковой картины мира и культурной идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многовековой исторический опыт этносов находит свое системное выражение во фразеологическом фонде языка, где особую роль занимают фразеологические единицы с анималистическим компонентом, отражающие глубинные культурные и мировоззренческие концепты сообществ. Основными единицами анималистического кода являются зоонимы. Лингвокультурология изучает способы представления знаний о мире через язык, опираясь на *языковую картину мира*. Языковая картина мира отражает исторически сложившиеся и структурированные представления народа, передающиеся через язык и формирующие восприятие реальности, при этом межкультурные различия часто проявляются в виде лингвокультурных лакун – отсутствия или иного выражения единиц в другой культуре.

Важными понятиями в исследовании являются также *образ* и *символ*. Стереотипы формируют основу для создания языковых символов, которые выполняют определенные ценностные и знаковые функции в процессе коммуникации. Эталоны закрепляют специфические качества и свойства животных, становящиеся знаковыми элементами межкультурного восприятия. Символы животных отражают идеалы, моральные нормы, традиции и менталитет конкретной этнокультурной общности, устанавливая связь между природными характеристиками животных и человеческими качествами.

В китайской фразеологии отсутствует системное лексическое разграничение для обозначения, например, мелких грызунов, поскольку иероглиф 鼠 охватывает образы *мыши, крысы и хомяка*. Аналогично, иероглиф 牛 охватывает понятия *коровы, быка, вола и буйвола*, в то время как иероглиф 羊 обозначает *барана, овцу, козла и козу*. В китайском языке отсутствует явное эксплицитное выражение конкретных названий перечисленных животных.

В противоположность этому, в русском языке наблюдается дифференцированность и конкретизация подобных понятий. Русское языковое сознание склонно к детализированной концептуализации, тогда как в китайском языке преобладают обобщенные названия. Необходимо понимать, что это не означает отсутствия соответствующих концептов в концептосфере носителей китайской лингвокультуры. Зоонимы могут не иметь общеязыкового номинативного выражения и оставаться коммуникативно нерелевантными, то есть не требовать активного употребления, несмотря на свою когнитивную значимость. Такие единицы обусловлены историко-культурными факторами и отсутствием необходимости языковой реализации в коммуникации.

Несмотря на разные подходы, ученые видят сходство смыслов и культур в фразеологизмах изучаемых языков. Во внимание принимается тот факт, что разным этносам свойственны отличающиеся представления в отношении одних и тех же животных, что способствует формированию в каждом языке уникальных образов с разнообразными, противоречивыми, символическими значениями.

Сопоставительный анализ русских и китайских фразеологизмов выявил как совпадающие значения, так и особенности, детерминированные историко-культурным контекстом. В ходе исследования было установлено, что некоторые анимализмы выполняют универсальные символические функции, что свидетельствует о параллелях в культурных представлениях обоих народов. Так, например, олень в обоих языках выступает символом благоприятного исхода, удачи и добродетели, журавль символизирует недостижимость, возвышенность и духовную отрешенность, что демонстрирует сходство в образной системе. Лошадь, как в русском, так и в китайском языках, обладает коннотациями скорости, силы и лидерства, зачастую ассоциируясь с героическими образами. В обоих культурах слон символизирует крупные размеры, массивность и иногда неуклюжесть, что подчеркивает сходство в восприятии этих характеристик.

Один из наиболее ярких примеров – феникс (в русской традиции – жар-птица), являющийся символом огня, возрождения и бессмертия, совпадает по значению с аналогичным образом. Рыба выступает как символ свободы и изобилия, что подтверждает универсальность образа.

Исследование показало различия, обусловленные культурным фоном каждой из цивилизаций. Например, в русском языке курица носит негативную коннотацию, символизируя глупость, недалёковидность. В противоположность этому, в китайской традиции курица считается символом пробуждения, смелости и мудрости, что отражает противоположное отношение к этому животному и демонстрирует различия в менталитете и ценностных ориентациях.

Дракон, являющийся важнейшим императорским символом для китайской культуры, воплощает идеи мощи, власти, а в русском культурном контексте он носит негативные оттенки, чаще ассоциируясь с опасностью или отрицательными персонажами. Муравей в русской культуре символизирует трудолюбие и упорство, тогда как в китайской – зачастую воспринимается как символ пустяков, ошибок и недостаточности усилий. Черепаха, обладающая сакральным статусом в Китае, символизирует долголетие и стойкость, тогда как в русском понимании она зачастую выступает как знак медлительности и неуклюжести.

Проведенный анализ свидетельствует о сложности и многомерности анималистических образов в национальной культуре России и Китая, где каждый символ не представляет собой однородной позитивной или негативной категории, а формируется на пересечении многочисленных смысловых слоев. Такие образы функционируют как когнитивные и культурные репрезентации, отражающие исторически сложившиеся представления исследуемых этносов о социальной и природной среде, а также служащие средствами кодирования ценностей и норм, специфичных для данных культур.

Значения фразеологических единиц с анималистическим компонентом выходят за пределы их предметной референции, становясь индикаторами

культурных когнитивных конструкций, что требует лингвокультурологического анализа с учетом внутренней полисемии и вариативности интерпретации. Коннотативные характеристики фразеологических единиц служат фундаментом для метафорических переносов.

В межкультурном общении данная многозначность и коннотативная насыщенность фразеологических единиц с анималистическим компонентом создает дополнительные сложности в передаче истинного смысла и адекватного понимания. Недооценка или искажение коннотативных оттенков может привести к коммуникативным барьерам, способствовать формированию стереотипов и предвзятых оценок другой культуры. Следовательно, для обеспечения продуктивного межъязыкового и межкультурного диалога необходимо систематически учитывать специфику коннотативных связей, а также включать в учебные и методические материалы подробные лингвокультурологические комментарии, которые способствуют развитию у носителей языка навыков интерпретации и сопоставления культурных смыслов, заложенных в анималистических фразеологизмах и метафорах.

Результаты проведенного исследования обладают прикладным значением для лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, а также представляют интерес для преподавания предмета «Русский язык как иностранный» в вузах. Данные, полученные в ходе диссертационного исследования, также подчеркивают необходимость проведения дальнейших систематических исследований в области сравнительного анализа фразеологических единиц с анималистическим компонентом.

К перспективам работы относятся создание русско-китайских фразеологических словарей, охватывающих иные культурные коды; анализ когнитивных механизмов актуализации тех или иных образов во фразеологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андросова С. А., Сущевская А. С. Роль компонента-анимализма в составе французских характерологических анималистических фразеологизмов // Филологические науки. Тамбов : Грамота. 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 25–27.
2. Артемьева Н. А. Анималистические образы в баснях И. А. Крылова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2012. 28 с.
3. Афшар М. Имена собственные в лингвокультурном образе Ирана (на материале русских художественных текстов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 7. С. 117–120.
4. Бао Х. Национально-культурная специфика фразеологизмов в русском и китайском языках // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 305–310.
5. Бирюкова Н. В. Анималистическая фразеология русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1990. 18 с.
6. Бичер О. Зооморфные образы в русских пословицах и поговорках: лингвокультурологический и лексикографический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2016. 174 с.
7. Бобрышева И. Е. Лакуны в спектре межкультурного общения // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание. Тезисы докладов. М. : РАН, 1991. С. 33–35.
8. Буренкова С. В. Зооморфные образы немецкой и русской фразеологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 30 (131). Вып. 26. С. 29–40.
9. Вайсгербер Й. Л. Язык и философия // Вопросы языкознания. 1993. № 2. С. 114–124.
10. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1997. 416 с.

11. Величко А. В. Синтаксис современного русского языка. Практическое пособие для иностранных учащихся филологических факультетов. СПб, 2015. С. 9.
12. Ветров П. П. Фразеология современного китайского языка: синтаксис и стилистика. М. : Восточная книга, 2007. 368 с.
13. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1977. С. 40–162.
14. Виноградов В. В. Русский язык. М. : Наука, 1972. 616 с.
15. Войцехович И. В. Четырехзначность китайских идиом как стилистический прием // Вестник Московского университета. 1985. Сер. 13. № 2. С. 52–56.
16. Воркачев С. Г. *Ex pluribus unum*: лингвокультурный концепт как синтезное образование // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. 2016. № 2. С. 17–30.
17. Воробьев В. В. Лингвокультурологическая парадигма личности. М. : Из-во Российского университета дружбы народов, 1996. 170 с.
18. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Теория и методы. М. : РУДН, 1997. 331 с.
19. Воробьев В. В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 395 с.
20. Гаврилюк М. А. Зооморфизмы китайского языка как средство аксиологической характеристики человека // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 10. С. 136–140.
21. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М. : Наука, 1988. С. 11–26.
22. Гак В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 260–268.

23. Ганиева Ф. Ф. Фразеологические единицы как объект исследования в трудах отечественных исследователей // *Lingua mobilis*. 2015. № 1 (52). С. 38–47.

24. Горшунов Ю. В. Этнокультурная специфика анималистических образов в пословицах и поговорках о труде // *Тенденции развития науки и образования*. 2022. № 89–4. С. 129–133.

25. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М. : Гнозис, 2007. 288 с.

26. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985. 451 с.

27. Гутман Е. А., Литвин Ф. А., Черемисина М. И. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков) // *Национально-культурная специфика речевого поведения* / под ред. А. А. Леонтьева. М. : Наука, 1977. С. 147–165.

28. Гэн И. Особенности мифологического образа Феникса в культуре разных стран // *Libri Magistri*. 2020. № 4 (14). С. 128–137.

29. Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. М. : Художественная литература, 1989. Т. 2. 447 с.

30. Дорофеева В. С. Образы лисы, змеи, черепахи и муравья в китайской и русской лингвокультуре (на материале русских и китайских фразеологических единиц) // *Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 3. Филологические науки. Медиакommunikации*. 2023. № 3 (103). С. 10–14.

31. Ермолович Д. И. Имена собственные : теория и практика межкультурной передачи. М. : Р. Валент, 2005. 416 с.

32. Журавлева О. А. Категория рода в английском и китайском языках // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. Сер. 9. 2013. Вып. 4. С. 45–48.

33. Зализняк А. А. Языковая картина мира // *Энциклопедия Кругосвет*. 2011. URL:

https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTI_NA_MIRA.html (дата обращения: 03.08.2025).

34. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

35. Иванова С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц. Уфа : РИЦ БашГУ, 2003. 364 с.

36. Кан Кай. Концептуальные смыслы грамматических категорий русского имени существительного на фоне китайского языка : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 241 с.

37. Карасик В. И. Лингвокультурные сюжеты как объект аксиологической лингвистики // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. М. : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2023. С. 49–58.

38. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград : Парадигма, 2007. 520 с.

39. Кацитадзе Э. А. Метафоризация зоонимов в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Тбилис. гос. ун-т. Тбилиси, 1985. 20 с.

40. Ковшова М. Л. Символ в семантике фразеологизмов: опыт исследования // Вопросы филологии. М., 2008. № 2. С. 19–29.

41. Козлова Т. В. Семантика фразеологизмов с названиями животных в современном русском языке // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание. 2003. № 4. С. 145–150.

42. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М. : Наука, 1990. 108 с.

43. Корман Е. А. Фразеологические единицы с анималистическим компонентом в испанском языке (функционально-прагматические и когнитивный аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007. 20 с.

44. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М. : ЧеРо, 2003. 349 с.

45. Королева Е. В. Место лексемы код в лингвистической терминосистеме // Преподаватель XXI века. 2015. № 4. С. 332–340.
46. Кралин А. Б. Образы рыб в советской литературе 60–70-х гг. XX в. // Молодежь и наука. 2016. № 2. С. 25.
47. Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация. Сборник статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Вып. 19. М. : МАКС Пресс, 2001. С. 5–19.
48. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
49. Красных В. В. Язык, сознание, коммуникация. М. : МАКС Пресс, 2001. 164 с.
50. Кузнецова Л. В. Звериная самоидентификация современного российского киногероя: кот, медведь и волк // Бестиарий и стихии / сост. А. Л. Львова, О. Л. Довгий. М. : Intrada, 2013. С. 68–87.
51. Кунин А. В. О фразеологической номинации // Фразеологическая семантика. М., 1983. Вып. 211. С. 88–100.
52. Кыонг Т. К. Системно-структурная организация зооморфизмов русского языка : на материале произведений Чехова и Зощенко : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 1997. 150 с.
53. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой, под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М. : УРСС, 2004. 252 с.
54. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии // Ученые записки Ленинградского ун-та. 1956. Вып. 24. С. 199–205.
55. Ливэнь В. Внешность человека как объект образной характеристики в системе устойчивых сравнений русского языка : дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 347 с.

56. Литвин Ф. А. О животных и людях // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 4. С. 6–12.
57. Литвин Ф. А. Общее и национально-специфическое в семантике и функционировании зоонимов-характеристик (на материале параллельных текстов) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 105–113.
58. Лотман Ю. М. Тартуско-московская семиотическая школа. М. : Гнозис, 1994. 547 с.
59. Макарова А. Д. Лингвокультурный образ: сущность понятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). С. 243–245.
60. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М., 1996. 415 с.
61. Малафеева Е. Р. Семантическая структура фразеологизмов с компонентом зоонимом в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Челяб. ордена знак почета гос. пед. ин-т. Л., 1989. 16 с.
62. Марданова Д. М. Сопоставительный анализ фразеологических зоонимов в английском и турецком языках : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казан. гос. пед. ун-т. Казань, 1997. 449 с.
63. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М. : Флинта: Наука, 2007. 296 с.
64. Маслова В. А. Национальные ценности и язык: духовный код культуры // Лингвистика. № 2 (20). Луганск, 2010. С. 19–30.
65. Махонина А. А. Проблема описания лексической лакунарности (на материале русско-английских субстантивных лакун) : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 191 с.
66. Моисеева В. Л. Безличные глагольные предикаты состояния лица в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 16 с.
67. Мокиенко В. М. В глубь поговорки. СПб. : Азбука, 2007. 256 с.

68. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. Сер.: Русская словесность. М. : Азбука-классика, Авалонъ, 2005. 256 с.
69. Мокиенко В. М., Фонякова О. И. Способы названия в зоонимии // Ономастика Поволжья. Вып. 4. Саранск, 1976. С. 317–322.
70. Надель-Червинская М. Семантические коды языка фольклора. Тернополь : Крок, 2011. 148 с.
71. Новикова Н. С., Черемисина Н. В. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира // Филологические науки. 2000. № 1. С. 40–49.
72. Пименова М. В. Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе // Ментальность и язык. Кемерово : Кемер. гос. ун-т, 2006. С. 16–61.
73. Полякова Е. А. Сравнительный анализ фразеологизмов с наименованиями насекомых в английской и русской лингвокультурах // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 1. С. 232–251.
74. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж : Истоки, 2001. 314 с.
75. Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914. 243 с.
76. Пэн Ш. Интерпретация образа дракона в русской народной культуре // Наука. Образование. Личность. 2016. № 4. С. 90–105.
77. Руднева О. В., Короб А. О. Этнолингвокультурный концепт ОЛЕНЬ в хантыйской языковой картине мира // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (11). С. 73–83.
78. Рыжкина О. А., Чакыралгу С. Исследование зоонимических метафор в русской и турецкой лингвокультурах // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. Т. 7. № 2. С. 18–26.
79. Савицкий В. М., Гашимов Э. А. Лингвокультурный код (состав и функционирование). М. : Изд-во Моск. гор. пед. ун-та, 2005. 170 с.

80. Савченко Е. П. Стилистические средства создания лингвокультурного образа идеального героя в тексте оригинала и в переводе (на материале произведений Я. Флеминга) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Москва, 2013. 22 с.

81. Савченко Л. В. Иерархическая модель биоморфного кода культуры // Культура народов Причерноморья. 2014. № 273. С. 170–172.

82. Сакаева Л. Р. Фразеологизмы с компонентами зоонимами, описывающие человека как объект сопоставительного анализа русского и английского языков // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. Вып. 62. С. 43–47.

83. Сарач Х. Коды культуры как одно из основных понятий лингвокультурологии (на материале фразеологизмов с компонентом «Камень» и «Ветер» в русском и турецком языках) // Ulakbilge, Cilt 2, Sayı 3, 2014. С. 81–97.

84. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс-Универс, 1993. 123 с.

85. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб. : Наука, 2004. 152 с.

86. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Языки русской культуры, 1997. 824 с.

87. Степанов Ю. С. Слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М. : Academia, 1997. С. 288–306.

88. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973. 366 с.

89. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. М. : Наука, 1988. 216 с.

90. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 284 с.

91. Тишкина Д. А. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в английском и русском языках: сопоставительный анализ : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 219 с.

92. Треблер С. М. Национальная языковая картина мира: биоморфный культурный код // Современные концепции научных исследований : Материалы IV Международной научно-практической конференции, 11 декабря 2015 г. Нижний Новгород : Стимул СТ, 2015. С. 57–61.

93. Троянова Т. Антропоцентрическая метафора в русском и эстонском языках : дис. ... д-ра филос. наук. Тарту, 2003. 166 с.

94. Фаткуллина Ф. Г. Лингвокультурология и лингвокультура: соотношение понятий // Казанский лингвистический журнал. 2020. Т. 3. № 1. С. 102–113.

95. Хао Х. Фразеобразующий потенциал зоонимической лексики в русском и китайском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 32 с.

96. Хао Ц., Кошелева Е. Ю. Фразеологизмы китайского и русского языков, содержащих зоонимы: сопоставительный анализ // Молодой ученый. 2015. № 11. С. 170–173.

97. Хо С. Паремии с компонентом журавль в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка): лингвокультурологический аспект // Русский язык в полиэтническом образовательном пространстве военного вуза : материалы III Межвузовской научно-методической конференции, Санкт-Петербург, 16 декабря 2021 г. Санкт-Петербург : Военная академия связи им. Маршала Советского Союза С. М. Буденного, 2021. С. 435–441.

98. Хуэйминь Х. Фразеобразующий потенциал зоонимической лексики в русском и китайском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Уфа, 2009. 32 с.

99. Чжэнлин Ц. Сравнительный анализ образов животных в китайском и русском языках // Актуальные вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. Новосибирск : СибАК, 2012. С. 55–60.

100. Шаховский В. И. Литературный интекст как ключ к культурной памяти российского социума (на материале публикаций А. Минина) // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2008. Вып. 2 (25). С. 115–125.

101. Шицзин: книга песен и гимнов. Художественная литература, 1987. 350 с.

102. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» / ред. Е.Я. Басина, М. Я. Полякова. М. : Прогресс, 1975. С. 193–228.

103. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира // Вопросы языкознания, 1994. № 5. С. 73–89.

104. 丁昕. 俄语成语研究. – 北京: 军事谊文出版社, 2001 年. [Дин С. Исследование русских фразеологизмов. Пекин : Иуен, 2001].

105. 冯忠萍. 俄汉语比喻词语的对比研究. 辽宁师范大学, 硕士论文, 大连, 2010. 63 页. [Фэн Ч. Сопоставительное исследование метафорических фразеологизмов в русском и китайском языках. 2010. 63 с.].

106. 刘阳. 俄汉成语动物喻体的比较及其影响因素分析. 世纪桥 2009. [Лю Я. Сравнение метафор животных в русской и китайской фразеологизмах и анализ влияющих факторов. Ши Цзи Цяо, 2009].

107. 史式. 汉语成语研究. 成都 : 四川人民出版社, 1980. 577 页. Ши Ш. Изучение китайских фразеологических единиц. Чэнду : Сычуаньское нар. изд-во, 1980. 577 с.

108. 孙维张. 汉语熟语学. – 长春: 吉林教育出版社, 1989 年. 140 页. Сунь В. Паремнология китайского языка. Чанчунь : Образование, 1989. 140 с.

109. 王寅. 语义理论与语言教学. 上海: 上海外语教育出版社, 2001 年. Ван Я. Семантическая теория и преподавание языка. Шанхай : Изд-во обр. ин. яз. в Шанхае, 2001.

110. 马国凡. 成语. 呼和浩特 : 内蒙古人民出版社, 1978. 341 页. Гофань М. Идиомы. Хух-Хото : Нар. изд-во Внутр. Монголии, 1978. 341 с.

111. 黄伯荣, 廖序东. 现代汉语. 北京: 高等教育出版社, 2011. 273 页
Боронг Х., Сюйдун Л. Современный китайский язык. Пекин : Higher Education Press, 2011. 273 с.

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ,
ЭНЦИКЛОПЕДИИ, УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ**

1. Авербух К. Я. Лексические и фразеологические аспекты перевода : уч. пособие. М. : Академия, 2009. 176 с.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс): уч. пособие. М. : Флинта, 2014. 312 с.
3. Большой китайско-русский словарь 華俄大辭典: по русской графической системе: в четырех томах: около 250000 слов и выражений / составлен коллективом китаистов под руководством и редакцией проф. И. М. Ошанина. Иероглифы № 1–№ 5164. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983–1984, 1983. 1100 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / под. ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2003. 1536 с.
5. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. 4-е изд. М. : АСТ-Пресс, 2009. 782 с.
6. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М. : АСТ Пресс, 2017. 784 с.
7. Буренкова С. В. Немецко-русский идеографический словарь фразеологизмов с названиями животных. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2008. 89 с.
8. Воробьев В. В. Русский язык в диалоге культур : уч. пособие. М. : Ладомир, 2006. 286 с.
9. Готлиб О. М., Му Х. Китайско-русский фразеологический словарь. Иркутск : Иркутский гос. ун-т, 2019. 596 с.
10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. М. : Русский язык, 1999. Т. 3. 555 с.

11. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и дополн. Назрань : Пилигрим, 2010. 485 с.
12. Зиновьева Е. И., Юрков Е. Е. Лингвокультурология : учебник. СПб, 2006. 182 с.
13. Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов / отв. ред. М. Л. Ковшова. М. : Гнозис, 2018. 192 с.
14. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): словарь / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин, М. Л. Кусова [и др.]; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. : Азбуковник, 2017. 1023 с.
15. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. М. : 2016. 496 с.
16. Лясота Ю. А. Английская зоосемия : уч. пособие. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1984. 116 с.
17. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. 562 с.
18. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1–2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). СПб. : Ак. наук, 1896–1912. 2208 с.
19. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. 785 с.
20. Мокиенко В. М., Никитина Т. Т.: Словарь русской брани. Матизмы, обцензизмы, эвфемизмы. СПб. : Норинт, 2003. 448 с.
21. Ожегов О. С., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.
22. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. М. : Наука, 1988. 187 с.

23. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира : уч. пособие. Воронеж : Истоки, 2002. 59 с.
24. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц : уч. пособие. М. : Наука, 1986. 142 с.
25. Телия В. Н. Типы языковых значений: связанное значение слова в языке : уч. пособие. М. : Наука, 1981. 269 с.
26. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов и др. М. : Вече, 2001. 526 с.
27. Тришин В. Н. Словарь синонимов. 2013. URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (дата обращения: 20.08.2025).
28. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13 000 ед. 3-е изд. М. : АСТ, 2008. 879 с.
29. Хайруллина Р. Х. Картина мира в русской фразеологии (в сопоставлении с башкирскими параллелями): пособие по спецкурсу. М. : Прометей, 1996. С. 12–19.
30. Черпакова Т. П. Русский язык как иностранный. Сохраняя культуру в языке : уч. пособие. М. : Изд-во МПГУ, 2012. 112 с.
31. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка : уч. пособие / пред. Т. А. Бобровой. М. : Либроком, 2012. 272 с.
32. 刘光准 , 黄苏华 俄语语言文化辞典[M] 郑州 : 文心出版社 , 2005.
Сухова Х., Гуанчжунь Л. Словарь русской лингвокультурологии. 2005.
33. 古今汉语成语词典 编写组编,古今汉语成语词典,山西人民出版社, 1985.
Словарь древних и современных китайских идиом. Шаньси : Народное издательство, 1985.
34. 史有为主编 . 成语用法大词典[M] . 大连 . 大连出版社. 1997. 342. Ши Ю.
Словарь идиоматических выражений. Далянь, 1997. 342 с.

35. 王涛 . 中国成语大辞典 . 上海 . 上海辞书出版社 . 2007. Тао В. Словарь китайских идиом. Шанхай : Шанхайский словарь. 2007.

36. 百度百科 Энциклопедия Байду. URL: <https://baike.baidu.com/> (дата обращения: 01.02.2024).

37. 窦文宇 , 窦勇著 . 汉字字源·当代新说文解字 . 长春 . 吉林文史出版社. 2005.11. 164. Вэньюй Д., Юн Д. Происхождение китайских иероглифов: современные новые толкования китайских иероглифов. Чанчунь : Литература и история Цзилинь, 2005. 164 с.

КОРПУСЫ ЯЗЫКОВ

1. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>.
2. Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams/>.
3. Chinese-Russian parallel subcorpus of RNC (Русско-китайский параллельный подкорпус НКРЯ). URL: <https://ruzhcorp.ruscorpora.ru/en/>.
4. BCC 语料库 (北京语言大学语言智能研究院). URL: <https://bcc.blcu.edu.cn/>.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.**Фразеологизмы русского языка с компонентами-зоонимами****КУРИЦА**

- Как беззобая курица, все голоден.
- Как курица: что грянет, то клюнет.
- Коли тесно, так и курица курицу с насести сталкивает.
- Курице по холку, свинье по хвост.
- Кобылке, брод, курице потоп.
- Курица не птица, прапор (констапель, комиссар) не офицер.
- Где я лисой пройду, три года куры не несутся!
- Курица иноходица пса излягала.
- Не слушай, где куры кудахчут, а слушай, где Богу молятся!
- Детушек воспитать – не курочек пересчитать (перещипать).
- По нашей реке куры пеши бродят.
- Голодной курице просо снится.
- Работы столько, что куры не клюют.
- Не по курице хода, не по кошке спесь.
- Курица не птица, а рак не рыба (а прапорщик не офицер).
- Курица не тетка, свинья не сестра!
- И у курицы сердце есть.
- Как мокрая курица.
- Слепая курица.
- Как куры бродят, много; без толку.
- Слепой курице все пшеница.
- Это курам смех.
- Курица и вся три денежки, да и те пьет.
- На своей улочке и курочка храбра.
- Курячьи ножки, крючки да присошка.
- Что о том и говорить, что курицу не доить.
- Чужую курочку щипли, а свою за крылышки держи.
- Учись у курочки: разгребай да подбирай.
- Курица по зернышку (по крупице) клюет, да сыта живет (бывает).
- И не рада б курочка на пир, да за хохол (за крылышко) тащат.
- И курочку на пир зовут (или тащат).
- Голодны курчата: а проса не клюют!
- Хохлаты, куры дворами ведутся.
- Богу жаль (дать) куря, а черт возьмет порося (барана).
- Напьется, так с царями дерется, а проспится, так и курицы боится.
- Письмо, словно куры набродили!
- Не курочка (счастье), не прикормишь.
- Хороша курочка перьями, а мясом еще лучше.
- Курочка бычка родила, поросенок яичко снес.
- Скажешь курице, а она и всей улице.
- Курочка в сережках, кочеток в сапожках.

- На грех и курица свиснет.
- У него денег и куры не клюют.
- Зашел я не с тех улиц, обобрал бы всех куриц.
- Мастеровой, что курица: что ступит, то и клюнет!
- С курами ложиться.
- Куриная (курья) твоя голова.
- Куриные мозги у кого-н.
- Пишет как курица лапой.
- Как распуганные ночью куры.

КУРИЦА – ЯЙЦО

- От курицы яйцо, а от яйца курица.
- Курица по одному яйцу носит.
- Курицу яйца не учат.
- Не уносится, как кура с яйцом.
- Отъ худой курицы худые яйца.
- Пропадай яйцо, а не курица!
- Кудяхтая, как курица, снеся яйцо.
- Как курица на яйцах.

КУРИЦА – ПЕТУХ

- На своем пепелище и курица бьет (а петух никому спуску не даст).
- Не петь курице петухом, не владеть (не быть) бабе мужиком.
- Курице не петь петухом (а и спеть, так на свою голову: ей рубят голову).
- Не к добру курица петухом запела.
- С курами ложиться, с петухами вставать.
- И курица петухом поет.
- Курица гогочет, а петух молчит.
- Мокрая курица, а тоже петушится!

ОЛЕНЬ

- Хвать оленя за рога – ан рассоха в руках!
- Хочешь оленя за рога поймать – а он в лес.
- Олень прогорчил воду.
- Олень златорогий.
- Олень (елень) быстра, не коню сестра.
- Елень на источники водные.

ЖУРАВЛЬ

- И журавль тепла ищет.
- Одна у журавля дорога: на теплые воды!
- Журавль прилетел и теплынь принес.
- Стало тепло, так и журка прилетел; а он говорит: я принес!
- Потоп кораблям, песок журавлям.
- Журавль не каша, еда не наша!
- Журавль ходит по болоту, нанимается в работу.

- Перемерял журавль десятину, говорит: верно!
- Пошел бы журавль в мерщики, так не берут; а в молотильщики не хочется.
- Журавль межи не знает, а через ступает (шагает).
- Журавль летает высоко, да видит далеко.
- Велика птица, журавица, да мала птичка перепеличка.
- Кто когда хочет, а журавль ко спасу.
- Журавлиная походка не нашей стати, гордая.
- Ивовые журавли.
- Журавль сапоги дал кому.
- Журавлиным шагом выступать.
- Журавлиная походка, поступь.
- Журавлиный шаг.
- Журавлиные ноги, шея.
- Журавль в небе, не добыча.
- Журавли-то в небе, а яйца-те в дупле.
- Поймать журавля в небе.

ЖУРАВЛЬ – СИНИЦА

- Не сули журавля в год, а хоть синичку, да в рот.
- Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки.
- Хоть тресни синица, а не быть журавлем!
- Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

ЛОШАДЬ / КОНЬ

- Лошади чужие, хомут не свой – погоняй, не стой!
- Лошадка быстра, а от хвоста не уйдет.
- Лошадка в хомуте везет по можете.
- Лошадка с ленцой хозяина бережет.
- Лошадку через шлею валит.
- Лошадь зарывала Христа в солому, свинья отрывала.
- Лошадь и немала, да обычаем пропала: ты с хомутом, а она и шею протянула.
- Лошадь молодая: первая голова на плечах, и шкура не ворочена.
- Лошадь молодую покупай, а за старую денег не теряй.
- Лошадь от кошки сохнет, от собаки добреет.
- Лошадь рьяна, когда не обротана, а как запряжешь, с места не собьешь.
- Лошадь с ходой в пути не товарищ.
- Лошадь человеку крылья. Возит воду, возит и воеводу.
- Лошадь, что жернов: все мало корму.
- Божья лошадка.
- Тёмная лошадка.
- Ставить / поставить на верную лошадку.
- Менять лошадей (коней) на переправе.
- Пригнать лошадей.
- На кривой лошади не объедешь кого.
- Соскочить с [хорошей] лошади.
- Белую лошадь из-за куста не видно.

- Кормить лошадь девками.
- Лошадь в рот захала кому.
- Лошадь первого хомута.
- Ставить / поставить не на ту лошадь.
- Нам бы лошадка ружье везла, а мы бы за ней и пеши шли.
- Под ножку и лошадь валяют, веревкой под переднюю ногу и через хребет.
- Не ложкой, а едоком, не лошадьё, а ездоком, берут.
- Добрую лошадь одной рукой бей, другою слезы утирай.
- Сытая лошадь меньше съест.
- И с сытой лошади тень тоща.
- Видел мужик во сне хомут – не видать ему лошадки до веку!
- Счастье не лошадь: не везет по прямой дорожке.
- На лошадь не плеть покупают, а овес.
- Не лошадь везет, а хлеб (или овес).
- Казак сам не ест, а лошадь кормит.
- Не корми лошадь тестом, да не нудь ездом.
- Не потчуй лошадь ездом, а корми тестом; не гладь рукой, посыпай мукой.
- То лошади и холя: пой да катай, а овса не давай!
- Не дорога лошадь, коли у кого бабушки во дворе нет.
- Жила лошадь у семи попов, по семи годов, стало ей семь годов.
- На худой лошадке поскорей в сторонку.
- На семь деревень одна лошадь.
- Лошадь (кобыла) с волком тягалась, хвост да грива осталась!
- Целы ль сани, а лошади пропали.
- На чужой лошадке, да верть в сторонку, на краденной.
- В ссуду жена никогда не дается, а лошадь – смотря по человеку.
- Игрёную лошадь за рекою купи.
- Не купи у цыгана лошади, не бери у попа дочери.
- С чем лошадь покупается, то с нее не сымаётся.
- Лошадь холь, корми как сына, а берегись как ворога (как вора).
- Кто донских лошадей объезжает, тот отца и мать не почитает.
- К собаке сзади подходи, к лошади спереди.
- Ты боишься лошади, а она тебя боится.
- И лошадь кашляет.
- На потную лошадь овод валится.
- Нет такой лошади, чтобы не спотыкалась.
- Большая лошадь хозяину не ко двору: травы не достанет.
- Шутник покойник: помер во вторник, а в среду встал да лошадку украл!
- Поедешь на той лошадке, что самого ездока погоняет.
- Две лошади белые, третья голая, вздор.
- Домовой лошадь изломал, крестец надсадил, а подворотню протащил.
- Лошадь ржет – хоть обругай ее, да здравствуй!
- Домовой (или дедушка, суседко) лошади гриву завил.
- Выше лошади, ниже собаки? седло.
- Волга матушка добрая лошадка: все везет!
- Не конь везет, Бог несет.

- Конь не выдаст, и враг не съест.
- Жалеть коня, истомить себя.
- Кто коней меняет, у того хомут гуляет.
- Добр конь, да копыта отряхивает.
- Где конь ложится, тут и шерсть валится.
- Счастье не конь (не кляча): хомута не наденешь, или: не взнуздаешь.
- Кто в кони пошел, тот и воду вози.
- Счастье на коне, несчастье под конем.
- Счастливый на коне, несчастный пеш (или под конем).
- Хотелось на коня, а досталось под коня.
- Пропал конь, так и оброт в огонь!
- Увели коня, так возьмите и оброт.
- Куда конь с копытом, туда и рак с клешней.
- Весело коням, когда скачут по полям.
- Хорош конь, хорош и дatina.
- Конь до коня, а молодец до молодца.
- Добрый конь не без седока (не без корму).
- Чей конь, того и воз.
- Даровому коню в зубы не смотрят.
- Непродажному коню и цены нет.
- С чужого коня и среди грязи долой.
- Спит, как коней продавши, напившись с могоарычей.
- Заемщик на коне ездит, плательщик на свинье, ни с места.
- Все люди на конях, а конный пеш.
- Прыгнул бы на коня, да ножки коротки.
- На коне сидит, а коня ищет.
- Волк коню не товарищ.
- Чешись конь с конем, а свинья с углом.
- Свинье коню и рылом под хвост не достать.
- Конь горбат, не мерину брат.
- Деньгами коня не купишь, а удачей.
- Бурого коня за рекой примечают.
- Купи коня, и хода твоя (хода даром).
- Конь с ходою, а хода с конем (идет, продается).
- Коню не верь – кобылью голову найдешь, и ту зануздай!
- Не верь жене в подворье, а коню в дороге.
- Не отведывай счастья (не надейся на счастье), не купи коня хрома!
- Не ржут други (кони), а лают!
- Кабы на добра коня не спотычка, цены б ему не было!
- Конь без спотычк, корова без передою, да закроем без переводу!
- Конь о четырех ногах, да спотыкается.
- Был конь, было и поезжено.
- Был конь, да изъездился.
- Одним конем всего поля не изъездишь.
- Выше меры и конь не скачет (не прынет).
- Усталому коню хомут не хомут, все неладно.

- Старый конь борозды не портит.
- Погоняй коня не кнутом (или гладь коня не рукою), а овсом.
- Доброму (или ученому) коню лишь плеть покажи.
- Не накормлен конь, скотина, не пожалован молодец, сиротина.
- Вола гущей откормишь, коня гущей раздуешь (распучишь).
- Санным конем не ездить, соломенным конем не орать.
- Рабочий конь на соломе, а пустопляс на овсе.
- Корм коня дороже.
- В худого коня корм тратить, что в худую кадушку воду лить.
- Конь гнед, да шерсти на нем нет: передом сечет, зад волочет.
- Конь тошой – хозяин скупой.
- От хозяйского глаза и конь добреет.
- Сыпь коню мешком (холь, гладь коня мешком), так не будешь ходить пешком.
- Конь копытом бьет, удила грызет.
- Конь бежит, земля дрожит: из ушей полымя пышет, из ноздрей дым столбом.
- Седлай порты, надевай коня!
- Найди пегого коня, да чтоб был весь одной масти!

ДРАКОН

- Чёрный дракон.
- Выпускать / выпустить дракона.
- Драконово логово.

МУРАВЕЙ

- Мураши по коже (по телу) [забежали].
- Мурашками посыпало кого.
- Мурашки одевает [кому?].
- Мурашки по телу (по спине) бегают (забежали, пошли).
- В мурашнике купаться.
- Муравей не велик, а горы копает.
- Муравей не по себе ношу тащит.

СЛОН

- Слон добро к слову, а ладья к перевозу.
- Слон родился, слон и есть.
- Слоном слоняться.
- Слоны трутся, меж себя комаров давят.
- Слон на ухо наступил кому.
- Делать из мухи слона.
- Как слон в посудной лавке.
- Что (или как) слону дробина.

ЧЕРЕПАХА

- Черепаха ежа не выпередит.
- Черепахой едет.
- Черепашка с зайцем навывередки пошла.
- Как черепаха.
- Черепашьим ходом.

- Черепашьим шагом.

ФЕНИКС / ЖАР-ПТИЦА

- Перо жар-птицы.
- Как феникс из пепла.

РЫБА

- Мы с тобой, как рыба с водой.
- Не все с рыбкою, ино с репкою.
- Рыба не хлеб, ею сыт не будешь.
- Дал Бог рыбу, даст и хлеба.
- Была бы рыба, а хлеб будет.
- Ушица вместе, а рыбка в деле.
- Ни рыба, ни мясо, ни кафтан, ни ряса.
- Кит-рыба под землей дрожит или на другой бок переваливается.
- Не учи рыбу плавать.
- Ловися рыбка малая и большая!
- Рыба в реке – не в руке.
- Чей берег, того и рыба.
- Рыба мелка, да уха сладка.
- И маленькая рыбка лучше большого таракана.
- Всякая рыба хороша, коли на удю пошла.
- Послать со дна рыбу ловить.
- Либо рыбу съесть, либо на мель сесть.
- Рыбу ловить – при смерти ходить.
- Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть.
- Без труда не вынешь и рыбку из пруда.
- Большая рыба маленькую целиком глотает.
- Дешева рыба на чужом блюде.
- Хороша рыба, да на чужом она блюде.
- Хлебай уху, а рыба вверху.
- Дядя Мосей любит рыбку без костей.
- Хоть рыбы не есть, да в воду (в подполье) не лезть.
- Спела б и рыбка песенку, когда б голос был!
- Нем как рыба, как безголосая рыба.
- Как рыба об лед бьется.
- Как рыба без воды.
- Рыба ищет глубже (где глубже), человек лучше (где лучше).
- Рыбки да рябки, прощай деньки!
- Рыбки да рябки, потерять уповодки.
- Рыбка да утка сделают без обутка.
- Держись берега, и рыба будет.
- Хороший лов рыбы, к урожаю хлеба.
- Рыба – вода, ягода – трава, а хлеб – всему голова.
- Рыба не хлеб, ею сыт не будешь.
- Рыба от головы тухнет.

- Рыба рыбою сыта, а человек человеком.
- Рыба худа – не наварна уха, рыба жирна – янтарна уха.
- Рыбам – море, птицам – воздух, а человеку отчизна вселенный круг.
- Рыбам вода, птицам воздух, а человеку вся земля.
- Рыбе перевар, мясу недовар.
- Рыбина белужина хвостом вильнула: лесы спали, горы стали.
- Рыбку да утку встанью взять, а малых деток Бог дает.
- Рыбу ешь, да рыбака не съешь.
- Рыбу перевари, говядину недовари.
- Биться как рыба об лед.
- Ни рыба, ни мясо [ни кафтян ни ряса].
- Как рыба в воде.
- Нем, как рыба.
- Рыбкой скользнул.
- В мутной воде рыбу ловить.
- Мелкая рыбешка.
- Рыба гниет с головы.
- Холодный(-ая) как рыба.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Чэньюй китайского языка с компонентами-зоонимами

鸡 (курица)

- 呆若木鸡 (букв. «глупый как деревянная курица»).
- 斗酒只鸡 (букв. «кубок вина и курица»).
- 家鸡野 (букв. «домашняя курица, дикий фазан»).
- 木鸡养到 (букв. «петух, вскормленный для боя, выглядит деревянным»).
- 牛刀割鸡 (букв. «мечом для забоя буйволов резать курицу»).
- 牝鸡司晨 (букв. «курица возвещает рассвет»).
- 杀鸡取卵 (букв. «убивать курицу, чтобы взять яйцо»).
- 雄鸡断尾 (букв. «петух сломал (себе) хвост»).
- 争鸡失羊 (букв. «добиться курицы, но потерять козу»).
- 鹤发鸡皮 (букв. «седина и куриная кожа»).
- 鸡肠鼠肚 (букв. «крысиный живот и куриные кишки»).
- 鸡虫得失 (букв. «как курица ловит насекомых»).
- 鸡飞蛋打 (букв. «курица улетела и яйцо разбилось»).
- 鸡毛蒜皮 (букв. «пух курицы и чесночная шелуха»).
- 鸡声鹅斗/鸡争鹅斗 (букв. «драться как курицы и гуси»).
- 落汤鸡/落汤鸡子 (букв. «мокрая курица»).
- 杀鸡儆猴/杀鸡吓猴 (букв. «зарезать курицу на устрашение обезьяне»).
- 铁公鸡 (букв. «железный петух»).
- 味如鸡肋 (букв. «на вкус как куриные ребрышки»).
- 鹤立鸡群 (букв. «журавль среди кур»).
- 牛鼎烹鸡 (букв. «варить курицу в котле, предназначенном для быка»).

鹿 (олень)

- 即鹿无虞 (букв. «охота на оленя близка, но нет егеря»).
- 獐麋马鹿 (букв. «кабарга, кабарожка, лошадь, олень»).
- 指鹿为马 (букв. «показывая на оленя, называть его лошастью»).
- 逐鹿中原 (букв. «гнаться за оленем на срединной равнине»).
- 共挽鹿车 (букв. «вместе тянуть оленью упряжку»).
- 小鹿乱撞 (букв. «учащенное сердцебиение маленького оленя»).
- 群雄逐鹿 (букв. «битва героев»).

鹤 (журавль)

- 延颈鹤望 (букв. «смотреть, как журавль, вытянув шею»).
- 孤云野鹤 (букв. «одинокая туча, дикий журавль»).
- 杳如黄鹤 (букв. «исчезнуть как желтый журавль»).
- 一琴一鹤 (букв. «одна цитра, один журавль»).
- 云中白鹤 (букв. «белый журавль в облаках»).
- 别鹤孤鸾 (букв. «одинокий феникс, простившийся с журавлем»).

- 不舞之鹤 (букв. «не танцующий журавль»).
- 虫沙猿鹤 (букв. «насекомые и песок, обезьяны и журавли»).
- 断鹤续凫 (букв. «отрубить ноги журавлю и приставлять дикой утке»).
- 焚琴煮鹤 (букв. «поджечь цитру и сварить на ней журавля»).
- 凫胫鹤膝 (букв. «голень утки и колено журавля»).
- 鹤立鸡群 (букв. «журавль среди кур»).
- 风声鹤唳 (букв. «шум ветра и крик журавлей»).
- 闲云野鹤 (букв. «праздные облака и дикие журавли»).

马 (лошадь / конь)

- 鞍马劳顿 (букв. «оседланная лошадь устала в пути»).
- 宝马香车 (букв. «прекрасная лошадь, великолепная повозка»).
- 髀肉复生 (букв. «(из-за того, что долго не сидел на лошади) мясо на бедрахросло»).
- 车殆马烦 (букв. «повозка растряслась, лошадь утомилась»).
- 非驴非马 (букв. «ни осел, ни лошадь»).
- 肥马轻裘 (букв. «сытая лошадь, легкая шуба»).
- 归马放牛 (букв. «вернуть лошадей, освободить быков»).
- 害群之马 (букв. «лошадь, напугавшая табун»).
- 见鞍思马 (букв. «увидев седло, вспоминаешь о лошади»).
- 牛头马面 (букв. «коровья голова и морда лошади»).
- 盘马弯弓 (букв. «гарцевать на лошади и натягивать лук»).
- 求马唐肆 (букв. «искать лошадь на пустом базаре»).
- 塞翁失马，焉知非福 (букв. «старик с границы потерял лошадь, опечалился пропажей, но лошадь вернулась, приведя еще одну»).
- 三马同槽 (букв. «три лошади в одних яслях»).
- 童牛角马 (букв. «комолый бык, рогатая лошадь»).
- 獐麋马鹿 (букв. «кабарга, кабарожка, лошадь, олень»).
- 仗马寒蝉 (букв. «лошадь из царской свиты и замершая цикада»).
- 指鹿为马 (букв. «указывая на оленя, говорить о лошади / называть оленя лошастью»).
- 蛛丝马迹 (букв. «нить паутины и следы лошади»).
- 走马章台 (букв. «на лошади (ехать по улице) Чжан Тай»).
- 白驹过隙 (букв. «жеребенок перепрыгивает через щель»).
- 汗马功劳 (букв. «заслуги, добытые в трудах / в походах»).
- 黑马 (букв. «темная лошадка»).
- 襟裾马牛/裾马襟牛/马牛襟裾 (букв. «лошадь и бык в человеческой одежде»).
- 老马识途 (букв. «старая лошадь знает дорогу»).
- 勒马悬崖 (букв. «сдержать лошадь на краю пропасти»).
- 龙马精神 (букв. «дух дракона и лошади»).
- 率马以骥 (букв. «скакун возглавляет лошадей»).
- 盲人瞎马 (букв. «слепец на слепой лошади»).
- 千兵万马/千军万马 (букв. «тысячи солдат и десять тысяч лошадей»).
- 千里之驹 (букв. «тысячемильный жеребенок»).
- 脱缰之马 (букв. «лошадь, сорвавшаяся с привязи»).

- 万马皆暗/万马齐暗 (букв. «десять тысяч лошадей молчат»).
- 乌白马角/乌头白, 马生角 (букв. «ворон становится белым, а на голове лошади вырастают рога»).
- 意马心猿 (букв. «мысли как лошади, душа как орангутанг»).
- 驷马难追 (букв. «нельзя угнаться за четырьмя лошадьми»).
- 一马当先 (букв. «первым броситься в бой»).
- 鞍马劳顿 (букв. «измученный долгими путешествиями или непрерывными сражениями»).
- 宝马香车 (букв. «прекрасная лошадь, великолепная повозка»).
- 肥马轻裘 (букв. «сытая лошадь, легкая шуба»).
- 髀肉复生 (букв. «из-за того, что долго не сидел на лошади, мясо на бедрахросло»).
- 车殆马烦 (букв. «каре́та измотана, лошадь попала в беду»).
- 非驴非马 (букв. «ни осел, ни лошадь»).
- 归马放牛 (букв. «вернуть лошадей, освободить быков»).
- 见鞍思马 (букв. «при виде седла сразу вспоминается лошадь»).
- 牛头马面 (букв. «коровья голова и морда лошади»).
- 盘马弯弓 (букв. «гарцевать на лошади и натягивать лук»).
- 求马唐肆 (букв. «искать лошадь на пустом базаре»).
- 仗马寒蝉 (букв. «лошадь из царской свиты и цикада зимой»).
- 意马心猿 (букв. «ум подобен дикой обезьяне, воля подобна скачущей лошади»).
- 乌白头马生角 (букв. «ворона белеет, а у лошади вырастают рога»).
- 万马齐瘖 (букв. «десять тысяч лошадей замолчали»).
- 脱缰之马 (букв. «неуправляемая лошадь»).
- 率马以骥 (букв. «вести табун лошадей на прекрасном коне»).
- 寒蝉仗马 (букв. «леденящий душу конь»).
- 土牛木马 (букв. «глиняный бык и деревянная лошадь»).

龙 (дракон)

- 画龙点睛 (букв. «рисую дракона, дорисовать ему зрачки»).
- 真龙天子 (букв. «истинный Дракон, Сын Небес»).
- 蛟龙得水 (букв. «водный дракон добрался до воды»).
- 鱼龙混杂 (букв. «рыбы и драконы вместе смешались»).
- 云龙风虎 (букв. «облака (приходят с) дракона, ветер (приносит) тигр»).
- 直捣黄龙 (букв. «ударить прямо по желтому дракону»).
- 白龙鱼服 (букв. «белый дракон в рыбьей чешуе»).
- 暴腮龙门 (букв. «выставить жабры перед воротами дракона»).
- 笔走龙蛇 (букв. «кисть движется как дракон и змея»).
- 藏龙卧虎 (букв. «спрятавшийся дракон, спящий тигр»).
- 车水马龙 (букв. «повозки подобны текущей воде, кони подобны дракону»).
- 攀龙附凤 (букв. «держаться за дракона и следовать за фениксом»).
- 盘龙之癖 (букв. «пристрастие свернутого дракона (Лю И) (Пань Лунь)»).
- 乘龙佳婿 (букв. «прекрасный зять, взмывающий на драконе»).
- 屠龙之技 (букв. «искусство резать драконов»).
- 群龙无首 (букв. «стая драконов без лидера»).

蚁 (муравей)

- 千里之堤，溃于蚁穴 (букв. «муравьиный ход может погубить огромную дамбу, надо быть осторожным даже в мелочах»).
- 蜂屯蚁聚 (букв. «осы роятся, муравьи скучиваются»).
- 蝼蚁贪生 (букв. «муравьи цепляются за жизнь»).
- 热锅上的蚂蚁 (букв. «муравьи на раскаленной сковороде»).

象 (слон)

- 蛇欲吞象 (букв. «змея мечтает проглотить слона»).
- 象箸玉杯 (букв. «палочки из слоновой кости и яшмовые кубки»).
- 象齿焚身 (букв. «слона губят его бивни»).
- 盲人说象 (букв. «слепые ощупывают слона»).
- 包罗万象 (букв. «охватить все вещи во Вселенной»).

龟 (черепаха)

- 龟毛兔角 (букв. «шерсть черепахи, рога зайца»).
- 龟龙鳞凤 (букв. «черепаха, дракон, единорог и феникс»).
- 龟年鹤寿 (букв. «долголетие, как у черепахи и журавля»).
- 得缩头时且缩头 (букв. «когда придёт время отступить, отступите»).
- 刮毛龟背 (букв. «соскребать шерсть со спины черепахи»).

凤 (феникс)

- 彩凤随鸦 (букв. «прекрасный феникс следует за вороной»).
- 攀龙附凤 (букв. «держаться за дракона и следовать за фениксом»).
- 炮凤烹龙 (букв. «жареный феникс и тушеный дракон»).
- 凤凰来 (букв. «пара фениксов принесла подарок»).
- 凤凰于飞 (букв. «пара фениксов отправилась в полет»).
- 凤凰在笱 (букв. «пара фениксов, запертых в клетке»).
- 凤鸣朝阳 (букв. «феникс поет навстречу утреннему солнцу»).
- 腾蛟起凤 (букв. «возносящийся дракон, взлетающий феникс»).
- 百鸟朝凤 (букв. «сто птиц отдают дань уважения фениксу <императору>»).
- 凤毛麟角 (букв. «перо феникса и рог единорога»).
- 凤凰来仪 (букв. «прибытие феникса»).

鱼 (рыба)

- 鼎鱼幕燕 (букв. «как рыба в котле, как ласточка в клетке»).
- 登木求鱼 (букв. «залезть на дерево и искать рыбу»).
- 得鱼忘筌 (букв. «поймав рыбу, забыть о верше»).
- 虫鱼之学 (букв. «учение о насекомых и рыбах»).
- 池鱼之殃 (букв. «беда рыб в пруду»).
- 池鱼笼鸟 (букв. «рыба в садке, птица в клетке»).
- 沉鱼落雁 (букв. «рыба погрузилась в глубину, гусь опустил на землю»).
- 鲍鱼之肆 (букв. «лавка по продаже соленой рыбы (абалона)»).
- 白龙鱼服 (букв. «белый дракон в рыбьей чешуе»).

- 指天射鱼 (букв. «глядя в небо, стрелять рыбу»).
- 甑尘釜鱼 (букв. «в горшке – пыль, а в котле – рыба»).
- 缘木求鱼 (букв. «лезть на дерево, чтобы поймать рыбу»).
- 鸢飞鱼跃 (букв. «коршун летает, а рыба ныряет»).
- 鱼网鸿离 (букв. «в рыболовные сети лебеди попадают»).
- 鱼目混珠 (букв. «рыбий глаз путать с жемчужиной»).
- 鱼米之乡 (букв. «места, где (выращивают) рыбу и рис»).
- 鱼龙混杂 (букв. «рыбы и драконы вместе смешались»).
- 鱼贯而入 (букв. «входить чередой, как рыбы»).
- 鱼传尺素 (букв. «рыбой доставлять письмо»).
- 如鱼得水 (букв. «как рыба в воде»).
- 三天打鱼,两天晒网 (букв. «три дня рыбалки, два дня сушки сетей»).
- 浑水摸鱼 (букв. «ловить рыбу в мутной воде»).